ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Ализаде Джамиль Эльдар Оглы

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации
Волеводз Александр Григорьевич

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ... 30

§ 1. Международно-правовые аспекты уголовной охраны прав на товарный знак 30

§ 2. Социально-философская обусловленность уголовной охраны прав на товарный знак 44

§ 3. Экономические предпосылки установления уголовной ответственности за нарушение прав на товарный знак 62

ГЛАВА II. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 75

§ 1. Современное законодательство Российской Федерации в сфере уголовно-правовой охраны прав на товарный знак 75

§ 2. Объективные признаки состава незаконного использования товарного знака по законодательству Российской Федерации 81

§ 3. Субъективные признаки состава незаконного использования товарного знака по законодательству Российской Федерации 146

ГЛАВА III. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ..... 153

§ 1. Развитие уголовного законодательства об охране товарного знака от незаконного использования в Великобритании 153

§ 2. Современное законодательство Великобритании в сфере уголовно-правовой охраны прав на товарный знак 161

§ 3. Судебная практика Великобритании в сфере уголовно-правовой охраны прав на товарный знак 180

§ 4. Особенности уголовно-правовой охраны права на товарный знак при параллельном импорте: позиция Великобритании 194

ГЛАВА IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 200

§ 1. Развитие уголовного законодательства об охране товарного знака от незаконного использования в Азербайджанской Республике 200

§ 2. Современное законодательство Азербайджанской Республики в сфере уголовно-правовой охраны прав на товарный знак 206

§ 3. Нормы гражданского законодательства как основа правовой охраны товарного знака и механизма уголовно-правового противодействия его незаконному использованию 216

§ 4. Объективные и субъективные признаки состава незаконного использования товарного знака 229

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 250

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ 254

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Формирование цивилизованного рынка интеллектуальной собственности и обеспечение эффективной защиты прав его участников является одним из ключевых условий инновационного развития и комплексной модернизации экономики Российской Федерации[1]. Для достижения этих целей Россия проводит последовательную политику совершенствования внутреннего механизма охраны прав на товарный знак и участвует в двусторонних, региональных и международных форматах сотрудничества, которые ставят перед страной новые задачи в условиях меняющегося политического и экономического ландшафта.

С момента создания БРИКС количество участников союза более чем удвоилось, а доля стран БРИКС в мировом ВВП по паритету покупательной способности в 2023 году достигла 35,7% (для сравнения, доля стран «G7» составляет 29%)[2]. С 2012 года страны БРИКС осуществляют активное сотрудничество и обмен опытом в сфере интеллектуальной собственности, что способствует углублению интеграции[3].

Взаимная торговля между странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) также растет двузначными темпами, удвоившись за последние девять лет[4]. Вопросы интеллектуальной собственности в рамках ЕАЭС регулируются рядом

---

[1] XV Международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности // URL: https://rniiis.ru/mezhdunarodnyj-forum/2024.html (дата обращения: 01.08.2024).

[2] «Известия»: «Эксперт отметил значимость роста доли БРИКС в мировом ВВП» // URL: https://iz.ru/1721989/2024-07-03/ekspert-otmetil-znachimost-rosta-doli-briks-v-mirovom-vvp (дата обращения: 01.08.2024).

[3] См.: «Ведомости»: «Ведомства по интеллектуальной собственности стран БРИКС провели специальную сессию в рамках Международной конференции ЭРА IP Quorum «Креативная собственность: интеллектуальная экономика» // URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/05/02/vedomstva-po-intellektualnoi-sobstvennosti-stran-briks-proveli-spetsialnuyu-sessiyu-v-ramkah-mezhdunarodnoi-konferentsii-era-ip-quorum-kreativnaya-sobstvennost-intellektualnaya-ekonomika (дата обращения: 01.08.2024).

[4] Министерство экономического развития РФ: «Дмитрий Вольвач: объем торговли между странами ЕАЭС за первое полугодие 2023 года вырос на 14%» // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_obem_torgovli_mezhdu_stranami_eaes_za_pervoe_polugodie_2023_goda_vyros_na_14.html (дата обращения: 01.08.2024).

международных договоров, а новые соглашения по борьбе с нарушениями прав на интеллектуальную собственность находятся на стадии обсуждения[5].

Российская Федерация продолжает наращивать товарооборот с государствами Содружества Независимых Государств (СНГ), при этом объем торговли с некоторыми государствами ежегодно растет на десятки процентов[6]. Суммарно рост товарооборота России со странами СНГ в 2023 году увеличился на 5,8%, а доля стран содружества в товарообороте России достигла 14,6%[7]. Нормативную базу СНГ в сфере интеллектуальной собственности составляет широкий перечень международных соглашений и концепций, а работа по ее совершенствованию носит постоянный характер[8].

Несмотря на динамичное развитие и многогранное взаимодействие, значительным вызовом для России остается риск злоупотреблений в сфере интеллектуальной собственности. Это подтверждается принятым 24 мая 2024 года в рамках СНГ «Перечнем мероприятий в сфере противодействия правонарушениям в области интеллектуальной собственности», который определил меры по развитию сотрудничества, включая усиление административной и уголовной ответственности за незаконное использование объектов интеллектуальной собственности[9]. В рамках ЕАЭС на площадках официальных мероприятий подчеркивается, что, несмотря на активное совершенствование законодательства,

---

[5] ЕАПО: «Дмитрий Вольвач: страны ЕАЭС готовят соглашение по борьбе с нарушениями прав на интеллектуальную собственность в Интернете» // URL: https://www.eapo.org/eapv-news/dmitrij-volvach-strany-eaes-gotovyat-soglashenie-po-borbe-s-narusheniyami-prav-na-intellektualnuyu-sobstvennost-v-internete/ (дата обращения: 01.08.2024).

[6] «Российская Газета»: «Максим Решетников: Рубль стал главной валютой в торговле России со странами СНГ» // URL: https://rg.ru/2023/10/26/maksim-reshetnikov-rubl-stal-glavnoj-valiutoj-v-torgovle-rossii-so-stranami-sng.html (дата обращения: 01.08.2024).

[7] «Известия»: «В Минэке заявили о росте товарооборота России с СНГ на 6,8% в 2024 году» // URL: https://iz.ru/1708567/2024-06-06/v-mineke-zaiavili-o-roste-tovarooborota-rossii-na-68-v-2024-godu (дата обращения: 01.08.2024).

[8] Роспатент: «Сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности в рамках Содружества Независимых Государств» // URL: https://rospatent.gov.ru/ru/activities/inter/cis (дата обращения: 01.08.2024).

[9] «Интернет-портал СНГ»: «Главы правительств СНГ утвердили Перечень мероприятий в сфере противодействия правонарушениям в области интеллектуальной собственности по сопровождению этапов реализации Стратегии экономического развития» // URL: https://e-cis.info/news/564/118439/ (дата обращения: 01.08.2024).

правовое регулирование административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере интеллектуальной собственности требует дальнейшей проработки[10].

Масштаб нарушений в сфере интеллектуальной собственности значителен: к примеру, в 2022 году в ЕАЭС было зафиксировано более шести тысяч правонарушений, а объем изъятого контрафакта составил 9 миллионов единиц[11]. Всего в период с 2016 по 2022 год выявлено 107 миллионов единиц контрафактной продукции[12].

Ситуация усугубляется геополитическими и экономическими факторами. В период с окончания Великой Отечественной Войны до мирового финансового кризиса в 2008 году мировая экономика двигалась по пути глобализации и интеграции. Однако события последнего десятилетия – торговая война между США и Китаем, социальные и торговые ограничения COVID-19, рост экономических мероприятий запретительного характера (санкций) – повернули этот процесс вспять[13]. На сегодняшний день мировая экономика находится на пороге геоэкономической фрагментации[14]. Изменение контуров товарооборота привело, в числе прочего, к легализации параллельного импорта в Российской

---

[10] Евразийская экономическая комиссия: «В течение двух последних лет законодательство стран ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности активно совершенствовалось» // URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-techenie-dvukh-poslednikh-let-zakonodatelstvo-stran-eaes-v-sfere-intellektualnoy-sobstvennosti-akt/ (дата обращения: 01.08.2024).

[11] «МИР24»: «Как в ЕАЭС борются с контрафактом и какие товары подделывают чаще всего» // URL: https://mir24.tv/news/16565107/kakie-sposoby-borby-s-kontrafaktom-primenyat-v-eaes (дата обращения: 01.08.2024).

[12] «Итоговый документ: Рекомендации участников XV Международного Форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности», 23 апреля 2024 г.» // URL: https://rniiis.ru/download/mf/2024/pr-itog-doc_16.05.2024.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

[13] Дорошков В. В. Особенности противодействия коррупции в современных условиях // Тринадцатый международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Сборник докладов, документов и материалов. М., Электронное издание РНИИИС. 2022. С. 258-266; Демьяненко В. Геополитическая фрагментация: три блока и два сценария // URL: https://econs.online/articles/ekonomika/geopoliticheskaya-fragmentatsiya-tri-bloka-i-dva-stsenariya (дата обращения: 01.08.2024).

[14] Campos R. G., Estefania-Flores J., Timini D. F. J. Geopolitical fragmentation and trade // Journal of Comparative Economics, 2023. URL: https://doi.org/10.1016/j.jce.2023.06.008 (дата обращения: 01.08.2024).

Федерации. Несмотря на его важность с точки зрения обеспечения внутреннего рынка необходимыми товарами иностранного производства, параллельный импорт привел к увеличению объемов контрафакта[15].

Нельзя не отметить стремительную оптимизацию электронной коммерции, а вместе с ней и распространение преступлений в сети Интернет. В Российской Федерации только в период с июля 2023 года по июль 2024 года на маркетплейсах «Wildberries», «Ozon», «Яндекс.Маркет» и «AliExpress Россия» было заблокировано более 4,5 миллионов карточек контрафактных товаров, что подчеркивает масштабы проблемы[16].

Вышеизложенные сведения позволяют утверждать, что правонарушения в сфере интеллектуальной собственности, включая права на товарные знаки, зачастую выходят за рамки возможностей гражданского или административного права. Это подчеркивает особую актуальность дальнейших углубленных исследований уголовно-правовых аспектов охраны прав на товарный знак.

При этом важное значение для совершенствования правового регулирования на отечественном уровне имеет изучение зарубежного опыта, в связи с чем автором для целей исследования были выбраны Великобритания и Азербайджанская Республика.

Великобритания является одним из первых государств мира, которое приняло нормативные правовые акты, заложившие основы современной концепции интеллектуальной собственности. К ним относятся законодательство о патентах 1624 года (*Statute of Monopolies*), законодательство об авторском праве 1710 года (*Statute of Anne*) и законодательство о товарных знаках 1266 году (*Bakers' Marking Law*).

---

[15] ФАС РФ: «Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2023» год в редакции от 02.05.2024 г. // URL: https://fas.gov.ru/documents/689569; «РБК»: «Правительство решило продлить параллельный импорт на 2025 год» // URL: https://www.rbc.ru/economics/06/06/2024/6661d57c9a79477dff622841 (дата обращения: 01.08.2024).

[16] «Интерфакс»: «Более 2 млн карточек с контрафактом заблокировали на маркетплейсах в I квартале» // URL: https://www.interfax.ru/business/956739 (дата обращения: 01.08.2024).

Великобритания также является государством, принявшим один из самых ранних в мире правовых актов, криминализовавших незаконное использование товарного знака – закон о товарных знаках 1862 года (*Merchandise Marks Act*)[17]. Богатая история регулирования предмета исследования наряду с последствиями Брекзита представляют несомненный интерес для изучения в контексте развития отечественного права.

Азербайджанская Республика с 1991 г. выстраивает новую систему уголовно-правовой охраны прав на товарные знаки. Полагаясь на советское прошлое и многовековые взаимоотношения с Российской Федерацией, в своей деятельности Азербайджан использует положительный зарубежный опыт, при этом по ряду вопросов существуют уникальные решения, достойные обстоятельного изучения.

Любое государство в рамках деятельности по развитию законодательства в свете постоянно меняющегося правового ландшафта должно учитывать опыт зарубежных государств. Отсутствие доктринального подхода к сравнительно-правовому изучению российской, азербайджанской и английской моделей уголовной охраны прав на товарный знак обуславливает необходимость исследования соответствующего опыта и выдвижения предложений, способствующих эффективной защите прав на товарный знак.

Принимая во внимание вышеуказанное, комплексное исследование заявленной темы представляется актуальным и своевременным с теоретической и практической позиций.

Степень научной разработанности. В науке уголовного права проблеме уголовно-правовой охраны исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в целом и на товарные знаки в частности уделяется пристальное внимание.

[17] До этого существовали правила, которые в той или иной степени защищали различные аспекты прав на товарный знак, но на государственном уровне не существовало кодифицированного акта.

Различные вопросы защиты прав на интеллектуальную собственность были затронуты такими отечественными учеными, как Е.А. Войниканис[18], В.В. Дорошков[19], В. А. Зимин[20], Л. А. Новоселова[21], А. П. Сергеев[22], а также зарубежными учеными – Д. И. Бейнбридж (D.I. Bainbridge)[23], Б. Фарранд (B. Farrand)[24], Д. Джервейс (D. Gervais)[25], Дж. Липтон (J. Lipton)[26], И. Д. Манта (I.D. Manta)[27], Г. Сзот Мур (G. Szott Moohr)[28], Х. Хансен (H. Hansen)[29], С. Хоуэл (C. Howell)[30] и др.

Различными аспектами уголовно-правовой охраны прав на интеллектуальную собственность занимались такие ученые, как В. Н. Бондарев[31],

---

[18] Войниканис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. Москва: «Юриспруденция», 2014. 552 с.

[19] Дорошков В. В. Особенности противодействия коррупции в современных условиях // Тринадцатый международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Сборник докладов, документов и материалов. М., Электронное издание РНИИИС. 2022.

[20] Зимин В. А. Правовая природа интеллектуальных прав по законодательству Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. 2015. 172 с.

[21] Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017.

[22] Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 750 с.

[23] Bainbridge D. I. Intellectual Property. Pearson, 8th. ed, 2010. 932 p.

[24] Howell C. Law Express: Intellectual Property / C. Howell, B. Farrand. Pearson, 2017. 240 p.

[25] Gervais D. China - Measures Affecting the Protection and Enforcement of Intellectual Property Rights // The American Journal of International Law. 2009. Vol. 103. No. 3. P. 549–555.

[26] Szott Moohr G. The criminal law of intellectual property and information: cases and materials / G. Szott Moohr, J. Lipton, I. D. Manta. West Academic Publishing, 2nd edition, 2016. 710 p.

[27] Manta I. Keeping IP Real // Houston Law Review. 2019. Vol. 57. P. 349-374.

[28] Szott Moohr G. The criminal law of intellectual property and information: cases and materials / G. Szott Moohr, J. Lipton, I. D. Manta. West Academic Publishing, 2nd edition, 2016. 710 p.

[29] Hansen H. Intellectual Property Law and Policy. Volume 11, Bloomsbury Publishing Plc, 2010. 862 p.

[30] Howell C. Law Express: Intellectual Property / C. Howell, B. Farrand. Pearson, 2017. 240 p.

[31] Бондарев В. Н. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2002. 227 с.

М. Ю. Бондарев[32], А. Г. Волеводз[33], Т. Г. Лепина[34], Д. В. Пучков[35], Ю. В. Трунцевский[36], П. А. Филиппов[37], В. А. Шестак[38] и др.

Непосредственно особенностями уголовно-правовой охраны прав на товарные знаки в Российской Федерации занимались такие ученые, как А. Г. Александров[39], К. Х. Башорова[40], А. Ф. Быкодорова[41], И. А. Головизнина[42], Р. О.

[32] Бондарев М. Ю. Уголовно-правовая охрана интеллектуальных прав : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2008. 215 с.

[33] Докучаев А. И. Регулирование возврата преступных активов по праву Англии / А. И. Докучаев, А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 4(33). С. 282-297.

[34] Лепина Т. Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Курск, 2014. 235 с.

[35] Пучков Д. В. Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности в России : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. 2013. 178 с.

[36] Трунцевский Ю. В. Проблемы уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в постановлении пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2007. № 6. С. 46-50.

[37] Филиппов П. А. Уголовно-правовая защита права интеллектуальной собственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2003. 218 с.

[38] Шестак В. А. Ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: Учебное пособие / В. А. Шестак; под научн. ред. А. Г. Волеводза. М.: Прометей, 2021. 314 с.

[39] Александров А. Г. Правовые меры защиты товарного знака от его незаконного использования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. С. 223-226.

[40] Башорова К. Х. Уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного статьей 180 УК РФ "незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)" // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 101-105.

[41] Быкодорова А. Ф. Уголовно-правовое значение незаконного использования товарного знака : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ставрополь, 2000. 152 с.

[42] Головизнина И. А. Незаконное использование товарного знака: проблемы квалификации и правоприменения : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2008. 201 с.

Долотов[43], Е. В. Демьяненко[44], Г. А. Есаков[45], А. В. Жайворонок[46], М. Г. Жилкин[47], А. Н. Ильяшенко[48], Т. Ю. Качаева[49], А. А. Козлов[50], О. И. Кудасова[51], М. С.

[43] Долотов Р. О. Уголовный закон - инструмент защиты и нападения по делам о незаконном использовании товарного знака / Р. О. Долотов, В. В. Кудрявцев // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 3(210). С. 59-64.

[44] Демьяненко Е. В. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2003. 185 с.

[45] Есаков Г. А. О понимании крупного ущерба, размера и неоднократности в составах преступлений против интеллектуальной собственности / Г. А. Есаков, Д. М. Сарваров // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 5(212). С. 82-90.

[46] Жайворонок А. В. Незаконное использование товарного знака: криминологическое и уголовно-правовое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Омск, 2010. 215 с.

[47] Жилкин М. Г. Проблемы дифференциации ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Евразийская адвокатура. 2018. № 4(35). С. 19-23.

[48] Ильяшенко А. Н. Уголовно-правовая охрана прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий / А. Н. Ильяшенко, Л. К. Никитина. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2011. 140 с.

[49] Качаева Т. Ю. Вопросы уголовно-правовой охраны средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : Материалы всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 23 декабря 2022 года / Сост. Э.Р. Миргородская. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 233-237.

[50] Козлов А. А. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2004.

[51] Кудасова О. И. Правовое регулирование незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) / О. И. Кудасова, С. О. Кормильцева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4(98). С. 86-93.

Ласточкина[52], Л. К. Никитина[53], Л. Л. Панкевич[54], М. Ю. Прокш[55], Ю. Е. Салеева[56], И. В. Серебруев[57], И. С. Сорокин[58], С. М. Трейгер[59], В. И. Тюнин[60], А. А. Энгельгардт[61].

Сравнительному исследованию подходов государств к уголовно-правовой охране интеллектуальной собственности посвятила свою работу Е. А. Лысак[62], а

---

[52] Ласточкина М. С. Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2010. 201 с.

[53] Никитина Л. К. Уголовно-правовая охрана прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2010. 177 с.

[54] Панкевич Л. Л. Некоторые проблемы практики рассмотрения административных и уголовных дел, связанных с незаконным использованием чужого товарного знака // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 2(125). С. 103-109.

[55] Прокш М. Ю. Уголовно-правовая охрана товарного знака в случае недобросовестной конкуренции : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2003. 196 с.

[56] Салеева Ю. Е. Причины невостребованности ст. 180 Уголовного кодекса Российской Федерации / Ю. Е. Салеева, Ю. В. Царева // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2(54). С. 154-162.

[57] Серебруев И. В. Уголовно-правовая специфика незаконного использования товарного знака: постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2015. № 2(101). С. 67-79.

[58] Сорокин И. С. Актуальные проблемы защиты исключительных прав на товарные знаки (знаки обслуживания) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2(52). С. 87-90.

[59] Трейгер С. М. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2011. 199 с.

[60] Тюнин В. И. Незаконное использование товарного знака в системе преступлений в сфере экономической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 85-90.

[61] Энгельгардт А. А. Вопросы толкования незаконного использования чужого товарного знака, совершенного неоднократно (ст. 180 УК РФ). Уголовное право и современность. Сборник статей. Выпуск 2.; науч. ред. д.ю.н., проф., заслуж. деятель науки РФ А.Э. Жалинский, отв. ред. к.ю.н. С.А. Маркунцов. 2009. С. 136-141.

[62] Лысак Е. А. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности по зарубежному законодательству : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2012. 220 с.

уголовной ответственности за незаконное использование товарного знака – В. А. Кондрашина[63].

В рамках Великобритании, вопросам охраны прав на товарные знаки посвящены работы таких ученых, как М. В. Пьянова[64], Л. Бентли (L. Bently)[65], А. Ворсал (A. Worsall)[66], Н. Доусон (N. Dawson)[67], Д. Каплан (D. Caplan)[68], А. Кларк (A. Clark)[69], Е. Купер (E. Cooper)[70], С. Маниатис (S. Maniatis)[71], Н. Мохаммад Амин (N. Mohammad Amin)[72], А. Рахматиан (A. Rahmatian)[73], Б. Шерман (B. Sherman)[74], М. Янис (M. Janis)[75].

[63] Кондрашина В. А. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака по законодательству России и зарубежных стран : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2004. 229 с.

[64] Пьянова М. В. Ответственность за незаконное использование товарного знака в уголовном праве зарубежных государств // Общество и право. 2010. № 5(32). С. 125-128.

[65] Bently L. Sherman B. Intellectual Property Law, 4th edition. Oxford University Press, 2014. 1440 p.

[66] Worsall A. Anti-Counterfeiting: A Practical Guide / A. Worsall, A. Clark. Jordan Publishing Limited, 1998. 330 p.

[67] Dawson N. English Trademark Law in the Eighteenth Century – the Fate of Thomas Hill // The Journal of Legal History. 2009. Vol. 30. No. 1. P. 71-79.

[68] Caplan D., British Trade Marks & Symbols: A Short History and a Contemporary Selection / D. Caplan G. Stewart. October House, 1966. 128 p.

[69] Worsall A. Anti-Counterfeiting: A Practical Guide / A. Worsall, A. Clark. Jordan Publishing Limited, 1998. 330 p.

[70] Cooper E. R v. Johnstone. In: Bellido, J. (ed.) Landmark Cases in Intellectual Property Law. Series: Landmark cases. Hart Publishing: Oxford, London, 2017. 384 p.

[71] Maniatis S. Competition and the Economics of Trademarks / Perspectives on Intellectual Property (Vol. 2) // Intellectual Property and Market Freedom. London: Sweet and Maxwell, 1997. 201 p.

[72] Mohammad Amin N. Revisiting the Philosophical Foundations of Trademarks in the US and UK. Cambridge Scholars Publishing, 2010. 230 p.

[73] Rahmatian A. Trademark Infringement as a Criminal Offence // The Modern Law Review. 2004. Vol. 67(4). P. 670-683.

[74] Sherman B. The Making of Modern Intellectual Property Law / B. Sherman, L. Bently. Cambridge: CUP, 1999. 263 p.

[75] Janis M. D. Confusion Over Use: Contextualism in Trademark Law / M. D. Janis, G. B. Dinwoodie // Articles by Maurer Faculty. 2007. Vol. 361. P. 1599-1667.

В рамках Азербайджанской Республики, вопросы уголовно-правовой охраны прав на товарные знаки затронуты в работах И. Б. Агаева[76], Г. С. Гурбанова[77], М. Н. Иманлы[78], Г. Г. Керимова[79], Ф. Ю. Самандарова[80], Ш. Т. Самедовой[81].

Административная преюдиция в уголовном праве, в том числе в контексте предмета исследования, исследовалась такими учеными, как Я. А. Аристова[82], А. Г. Безверхов[83], В. А. Богданов[84], М. В. Денисенко[85], Н. А. Добров[86], И. М. Гошаев[87],

[76] Ağayev İ. B. Cinayət Hüququ. Xüsusi hissə. Dərslik. "Nurlar" Nəşriyyat-Poligrafiya Mərkəzi, Bakı, 2018. 487 s.
[77] Гурбанов Г.С. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. Баку: Изд-во «Тахсил», 2005. 124 с.
[78] Уголовное право Азербайджанской Республики. Общая часть. Учебное пособие / Под ред. В. С. Комиссаров, Ф. Ю. Самандаров, А. П. Кузнецов, М. Н. Иманлы. Баку: Издательство "Zərdabi", 2011. 351 с.
[79] Керимов Г. Г. Правовая охрана объектов промышленной собственности в международном частном праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Баку, 2007. 196 с.
[80] Уголовное право Азербайджанской Республики. Особенная часть. Учебное пособие/ под ред. В. С. Комиссаров, Ф. Ю. Самандаров, А. П. Кузнецов, М. Н. Иманлы. Москва: Издательство «Юридическая литература», 2012. 466 с.
[81] Самедова Ш. Т. Уголовное право Азербайджанской Республики. Особенная часть: в двух томах. Учебник. Том 1. Adiloğlu, Баку, 2020. 864 с.
[82] Аристова Я. А. Особенности правовой ответственности за преступления, связанные с незаконным использованием товарных знаков в Российской Федерации // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : Материалы V Всероссийской молодёжной научно-практической конференции, Москва, 03 декабря 2021 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 134-138.
[83] Безверхов А. Г. Возвращение "административной преюдиции" в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48-53.
[84] Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2019. 25 с.
[85] Денисенко М. В. Проблемы административной преюдиции в уголовном законе / М. В. Денисенко, С. М. Трейгер // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 107-109.
[86] Добров, А. Н. Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника / А. Н. Добров, С. А. Баранова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2(93). – С. 202-208.
[87] Гошаев И. М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды / И. М. Гошаев // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 81-84.

Л. А. Камалиева[88], А. А. Коростиев[89], Н. А. Лопашенко[90], В. П. Малков[91], О. В. Макарова[92], Л. В. Монахова[93], А. А. Мордовец[94], Ч. Ф. Мустафаев[95], Е. В. Новикова[96], В. А. Осипов[97], О. А. Покрова[98], А. М. Плешаков[99], О. Ю. Савельева[100],

[88] Камалиева Л. А. О толковании понятия неоднократности как признака составов преступлений / Л. А. Камалиева, В. А. Кондрашина, И. А. Кондрашина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. № 1. С. 150-157.

[89] Коростиев А. А. Неоднократность как неявное проявление административной преюдиции в ст. 180 УК РФ / А. А. Коростиев, Н. Н. Коротких // Юридическая наука. 2022. № 1. С. 106-110.

[90] Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64-71.

[91] Малков В. П. Значение повторности деяния для уголовной ответственности // Избранные труды: в 3 т. Казань: Познание, 2011. Т. 2. 524 с.

[92] Макарова О. В. Особенности преюдиции в рамках уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности / О. В. Макарова, Е. В. Ямашева // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 12. С. 132-140.

[93] Монахова Л. В. Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в уголовном законодательстве / Л. В. Монахова // Марийский юридический вестник. 2020. № 3-4(33). С. 22-25.

[94] Плешаков А. М. Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления / А. М. Плешаков, В. А. Осипов, А. А. Мордовец // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 184-189.

[95] Мустафаев Ч. Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Баку. 1986. 203 с.

[96] Новикова Е. В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12(52). С. 105-112.

[97] Плешаков А. М. Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления / А. М. Плешаков, В. А. Осипов, А. А. Мордовец // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 184-189.

[98] Покрова О. А. Незаконное использование товарного знака. Пробелы и проблемы квалификации преступления в современном уголовном праве в части статьи 180 Уголовного кодекса России // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке : Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, 19 апреля 2016 года. Том Часть 4. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 120-125.

[99] Плешаков А. М. Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления / А. М. Плешаков, В. А. Осипов, А. А. Мордовец // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 184-189.

[100] Савельева О. Ю. Институты множественности преступлений и административной преюдиции в современном российском уголовном праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4(47). С. 43-47.

Э. Л. Сидоренко[101], С. А. Ступина[102], А. С. Телегин[103], В. В. Хилюта[104], З. Э. Эргашева[105], Е. В. Ямашева[106] и др.

Специфика параллельного импорта раскрыта в работах таких отечественных ученых, как Е. А. Афанасьева[107], С. С. Артамонов[108], М. Д. Гасанов[109], Д. А.

---

[101] Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6(234). С. 125-133.

[102] Ступина С. А. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг): некоторые вопросы квалификации / С. А. Ступина // Эпоха науки. 2021. № 28. С. 154-161.

[103] Телегин А. С. Повторность совершения административного правонарушения / А. С. Телегин, Н. В. Тиунова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 626-650.

[104] Хилюта В. В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 117-136.

[105] Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. 2019. 215 с.

[106] Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10(154). С. 69-79.

[107] Афанасьева Е. Г. Средства индивидуализации в предпринимательской деятельности: правовые вопросы: Учеб. пособие / Е. Г. Афанасьева, М. Г. Долгих, Е. А. Афанасьева. РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. правоведения, М., 2016. 84 с.

[108] Артамонов С. С. Правовая конструкция параллельного импорта: Российская специфика // Актуальные вопросы юридической науки и практики : Сборник научных статей студентов и молодых учёных. Екатеринбург : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2022. С. 164-173.

[109] Гасанов М. Д. Правомерность применения механизма параллельного импорта в Российской Федерации // Обществознание и социальная психология. 2022. № 8(38). С. 325-332.

Грачева[110], О. Г. Григорьева[111], Г. П. Ивлиев[112], А. Карцхия[113], А. О. Крылепова[114], С. А. Ляпцев[115], В. В. Пирогова[116], В. В. Туча[117], А. В. Сысоева[118] и др.

Указанные научные труды послужили основой настоящего диссертационного исследования. Признавая их теоретическую значимость в контексте исследования проблематики уголовно-правовой охраны прав на товарный знак, в свете отсутствия единого целостного подхода и существования ряда неразрешенных вопросов существует необходимость продолжения уголовно-правовых исследований.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является выявление с учетом положений действующего законодательства Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Великобритании и международно-правового регулирования, судебной практики этих стран моделей уголовно-правовой охраны прав на товарный знак, их особенностей и разработка

---

[110] Грачева Д. А. Исчерпание исключительных прав: национальный и международный принципы // Научный поиск. 2017. № 1.2. С. 19-21.

[111] Григорьева О. Г. Легализация параллельного импорта как юридическое средство обеспечения национальных интересов России в условиях санкционных ограничений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1(150). С. 150-155.

[112] Ивлиев Г. П. Правовое регулирование отношений в сфере параллельного импорта. Опыт государств евразийского региона / Г. П. Ивлиев, Б. А. Шахназаров // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 2(195). С. 56-67.

[113] Карцхия А. Права интеллектуальной собственности в условиях ВТО: новые реалии российских правообладателей // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2012. № 10. С. 44-54.

[114] Крылепова А. О. Признаки экстерриториальной охраны товарных знаков / А. О. Крылепова // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 10(131). С. 73-83.

[115] Ляпцев С. А. Принцип исчерпания прав на товарный знак в условиях параллельного импорта : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. 2019. 196 с.

[116] Пирогова В. В. Соглашение ТРИПС (ВТО): исчерпание прав и параллельный импорт // Государство и право. 2012. № 6. С. 119-122.

[117] Туча В. В. Некоторые проблемы параллельного импорта в Российской Федерации: законность и целесообразность // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития : Материалы VII Национальной научно-практической конференции (симпозиума), Краснодар, 19 апреля 2022 года / Под общей редакцией В.П. Камышанского. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2022. С. 170-174.

[118] Сысоева А. В. Исчерпание исключительного права на товарный знак в российской федерации в контексте евразийского экономического союза и санкционных мер (обзор) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 21. С. 74-78.

на этой основе научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства в сфере использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

Для достижения заявленной цели определены следующие задачи исследования:

1) Проанализировать международно-правовые основы уголовной ответственности за нарушение прав на товарный знак и проследить эволюцию развития национального законодательства (в рамках заявленных государств) о регулировании уголовной охраны прав на товарного знак.

2) Раскрыть социальную обусловленность уголовно-правового запрета на незаконное использование товарного знака.

3) Оценить экономическую обусловленность и целесообразность установления уголовной ответственности за нарушение интеллектуальных прав на национальном (в рамках заявленных государств) и глобальном уровнях.

4) Провести сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства об охране прав на товарный знак от незаконного использования в заявленных государствах.

5) Определить содержание понятия товарного знака в заявленных государствах.

6) Выявить особенности объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством в Российской Федерации и Азербайджанской Республики, а также исследовать соответствующие правовые предписания и судебную практику Великобритании.

7) Исследовать опыт регулирования феномена параллельного импорта в контексте уголовно-правовой охраны прав на товарный знак в заявленных государствах.

8) Выявить пробелы в положениях уголовных законов и разработать научные рекомендации по оптимизации уголовного законодательства в сфере охраны прав на товарный знак.

Объект исследования составляют общественные отношения, возникающие в связи с уголовной охраной исключительных прав на товарный знак от их незаконного использования.

Предметом исследования являются действующие правовые нормы отдельных отраслей права, которые регулируют отношения в сфере охраны исключительных прав на товарный знак в Российской Федерации, Азербайджанской Республике и Великобритании, практика их правоприменения, международные нормативные документы, направленные на охрану исключительных прав на товарные знак, научные теории, имеющие отношение к рассматриваемой проблематике, доктринальные исследования, архивные материалы, статистические сведения о преступности и судимости по рассматриваемому виду преступлений.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили такие общенаучные методы познания, как *системно-структурный метод* и *метод анализа*, позволившие всесторонне рассмотреть вопросы взаимосвязи и взаимозависимости, касающиеся уголовно-правовой охраны исключительных прав на товарный знак.

В ходе работы применены такие частно-научные методы, как *историко-правовой метод* при рассмотрении становления и развития института уголовной охраны прав на товарный знак в соответствующих законодательствах в историческом ракурсе; *формально-юридический метод*, состоящий в толковании содержания правовых норм, регламентирующих правовую охрану прав на товарный знак; *сравнительно-правовой метод*, с помощью которого исследуются особенности нормативной правовой регламентации уголовной охраны прав на товарный знак от незаконного использования; *статистический метод*, включающий в себя исследование и обобщение материалов судебной практики, обработке статистических данных и изучении обзоров правонарушений; *критико-правовой метод* при выявлении противоречий и недостатков в действующем механизме охраны прав на товарный знак; *юридико-технический метод* при

формулировании и внесении предложений по совершенствованию норм российского и азербайджанского законодательств.

Теоретической базой исследования послужили работы названных при характеристике степени научной разработанности темы выдающихся отечественных (российских и азербайджанских) ученых и зарубежных ученых-юристов в области английского права, гражданского, международного уголовного права, уголовного права исследуемых государств, а также в сфере других отраслей юридической науки и дисциплин, в той или иной степени посвященные теме исследования, а также результаты диссертационных исследований названных выше авторов. Теоретические положения их трудов и подходы, выработанные в науке уголовного права по проблематике уголовно-правовой охраны прав на интеллектуальную собственность, положенные в основу настоящей диссертации, в совокупности предопределяют научную парадигму исследований в этой сфере, в рамках которой диссертант сосредоточил свое исследование на требующих дальнейшего изучения на доктринальном уровне:

- общих вопросах защиты прав на интеллектуальную собственность в части уголовно-правового обеспечения охраны прав на товарные знаки;

- особенностях уголовно-правовой охраны прав на товарные знаки в Российской Федерации, Азербайджанской Республике и Великобритании в сравнительно-правовом контексте;

- проблемах применения административной преюдиции в уголовном праве в контексте уголовно-правовой охраны прав на товарные знаки;

- специфике параллельного импорта, создающего угрозы обеспечению уголовно-правовой охраны прав на товарные знаки.

Нормативно-правовую базу исследования составили отечественное и зарубежное конституционное, гражданское, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, подзаконные нормативные акты, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, относящиеся к защите прав на товарный знак.

Эмпирическую и информационную базу исследования составили практика судов Великобритании, Российской Федерации и Азербайджанской Республики (автором изучены 75 приговоров судов России и 31 приговор, вынесенные судами Азербайджана по делам о преступлениях рассматриваемой категории, а также ряд решений британских судов), решения и разъяснения высших судебных инстанций и судебных органов конституционного контроля, доклады Организации экономического сотрудничества и развития, Ведомства по интеллектуальной собственности Европейского союза, Ведомства по интеллектуальной собственности Великобритании, Международной торговой палаты, заявления официальных представителей государственной власти в рассматриваемых государствах, статистические данные судебно-следственной практики в Российской Федерации.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что в работе впервые проведено комплексное сравнительно-правовое исследование монографического уровня, посвященное уголовной охране исключительных прав на товарный знак в Великобритании, Азербайджанской Республики и Российской Федерации, включая систематизацию и переосмысление фундаментальных категорий, формулирование и разработку предложений по разрешению существующих проблем путем изменения ряда положений гражданского и уголовного законодательств Российской Федерации и Азербайджанской Республики.

Практическая значимость исследования. Содержащиеся в исследования выводы и предложения могут быть использованы в правотворческой деятельности в целях развития уголовно-правовой охраны исключительных прав на товарный знак от преступных посягательств, а также при совершенствовании действующего уголовного законодательства и других нормативных актов в сфере регистрации, использования и охраны средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Масштаб и тренд роста мирового рынка нелегальных товаров предполагают разработку системы уголовно-правовой превенции, построенной на дифференцированном подходе к способам и формам использования объектов правовой охраны третьими лицами.

В целях определения границ юридической ответственности целесообразно выделять следующие формы использования объектов правовой охраны третьими лицами:

– в случае воспроизведения объекта правовой охраны с изменениями следует говорить об имитации (подражании), при этом важно учитывать, что границы прав интеллектуальной собственности не всегда четко определены, что создает «серые» зоны между допустимым и недопустимым. Это приводит к тому, что действия третьих лиц могут осуществляться как за пределами границ, что не является нарушением и должно быть разрешено, так и в пределах границ, что является нарушением, которое должно быть запрещено. Меры правовой защиты в случае имитаций должны учитывать общественные интересы и стимулировать конкуренцию, и потому не должны быть слишком суровыми;

– в случае идентичного воспроизведения объекта правовой охраны без изменений следует говорить о подделке (контрафакте), что является бесспорным нарушением прав интеллектуальной собственности и требует суровой реакции для устранения риска сбоя рыночного механизма и обеспечения правовой определенности. Правовая защита в случае подделок (контрафакта) должна включать весь комплекс юридических мер, включая уголовные санкции в качестве *ultima ratio*, наиболее суровой меры государственного реагирования, свидетельствующей о невозможности использования иных средств для противодействия общественно опасным деяниям, направленным на товарный знак.

2. Международно-правовое регулирование в области охраны интеллектуальной собственности является неоднородным и во многом предопределяется решением тактических задач в рамках региональных международных организаций. В качестве его системообразующей основы

предлагается рассматривать Соглашение ТРИПС, устанавливающее минимальные стандарты защиты прав на товарные знаки. Соглашение ТРИПС стало первым международным соглашением, которое, помимо гражданско-правовых и административно-правовых мер, предусматривает уголовные процедуры и санкции. Как государство-участник Всемирной торговой организации (ВТО) Российская Федерация обязана закрепить в национальном законодательстве уголовные санкции за умышленную контрафакцию, совершенную в коммерческих масштабах, что должно служить эффективным юридическим инструментом и сильным сдерживающим фактором.

3. В работе выделены три типовые модели уголовно-правовой охраны товарного знака: евразийская, англо-американская и закавказская модели. В целях их детального рассмотрения автором проанализированы правовые источники трех государств, представляющих эти модели: Российской Федерации (евразийскую модель), Великобритании (англо-американскую модель или модель системы общего права) и Азербайджанской Республики (закавказскую модель).

В Российской Федерации правовая охрана прав на товарный знак и уголовная ответственность закреплены в кодифицированных законах – Гражданском кодексе и Уголовном кодексе соответственно. В Великобритании отсутствует кодифицированный закон, а правовой режим регистрации, охраны и юридической ответственности закреплен в отраслевом законодательном акте. В Азербайджанской Республике правовая охрана осуществляется через отраслевой гражданский закон, а уголовная ответственность закреплена в Уголовном кодексе.

4. По законодательству Российской Федерации, состав исследуемого преступления по типу объективной стороны – формально-материальный, по законодательству Азербайджанской Республики – материальный. В целях оптимизации транснациональных механизмов уголовно-правовой охраны товарного знака и с учетом сложности оценки нарушаемых нематериальных прав, сформулированы следующие предложения по применению и совершенствованию норм уголовного законодательства Российской Федерации и Азербайджанской Республики:

– при материальном составе, базовым методом исчисления размера ущерба по ст. 180 УК РФ и ст. 197 УК АР должен быть подсчет исходя из фактической стоимости (себестоимости) товаров владельца (правообладателя) товарного знака на момент совершения преступления, умноженной на количество незаконно использованных в торговле единиц товара, на которых использован зарегистрированный товарный знак;

– при формальном составе, автором предлагается недвусмысленное включение института административной преюдиции в состав рассматриваемого преступления по ст. 180 УК РФ. Противоправное действие будет квалифицироваться как уголовное преступление, если лицо совершает второе аналогичное правонарушение, установленное соответствующей частью ст. 180 УК РФ, в определенный период времени с момента исполнения постановления о назначении административного наказания – согласно ст. 4.6 КоАП РФ, лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Включение института административной преюдиции в состав преступления возможно следующими способами: закрепление понятия неоднократности в примечании к ст. 180 УК РФ (изложение примечания возможно в следующей редакции: «Неоднократным незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг) признается совершение незаконного деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в срок, в течение которого это лицо считается подвергнутым административному наказанию») либо разработка универсальной нормы, регулирующей институт административной преюдиции, *de lege ferenda* в рамках Общей части УК и её единообразное применение ко всем преступным деяниям.

5. Выявлены различные подходы к вопросу уголовной ответственности за незаконное использование товарного знака в случае параллельного импорта:

– в Великобритании правовая позиция по вопросу уголовно-правовой ответственности за параллельный импорт заключается в том, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение соответствующего деяния;

– в Российской Федерации сложилась уникальная ситуация, когда на территории одного государства одновременно действуют три принципа исчерпания исключительных прав на товарный знак – национальный, региональный и международный. При этом параллельный импорт, осуществляемый в нарушение установленных положений, должен считаться незаконным использованием товарного знака в понимании уголовно-правового закона;

– законодательство Азербайджанской Республики устанавливает юридическую основу в отношении регулирования исчерпания исключительных прав на товарный знак, придерживаясь национального принципа исчерпания прав. Формулировка уголовного закона предполагает, что незаконное использование чужого товарного знака в случае параллельного импорта может повлечь уголовную ответственность.

6. Установлено расхождение в процессуальной фигуре потерпевшего в рамках рассматриваемых государств. В рамках законодательств Российской Федерации и Великобритании потерпевшим в результате незаконного использования товарного знака может являться гражданин, включая индивидуального предпринимателя, и юридическое лицо. По законодательству Азербайджанской Республики, потерпевшим может являться только предприниматель.

Касательно азербайджанского законодательства, с точки зрения законодательной техники целесообразно заменить обозначение фигуры потерпевшего с «предприниматель» на «субъект предпринимательства» или «субъект предпринимательской деятельности». Автором предлагается изложить определение «товарный знак» в ст. 1 Закона АР «О товарных знаках и географических указаниях» в следующей редакции: «Товарный знак – графически изображаемый знак или любое сочетание (комбинация) знаков, отличающий

товары или услуги одного субъекта предпринимательской деятельности от товаров или услуг другого субъекта предпринимательской деятельности».

7. Оценены перспективы привлечения к уголовной ответственности юридического лица за незаконное использование товарного знака по английскому праву. Несмотря на существующую тенденцию к расширению уголовной ответственности юридических лиц, в рамках законодательств Российской Федерации и Азербайджанской Республики уголовная ответственность либо применение уголовно-правовых мер к юридическому лицу за незаконное использование товарного знака на сегодняшний день не предусмотрено.

8. В Великобритании правовой режим товарного знака регулируется Законом о товарных знаках от 31 октября 1994 года (*Trade Marks Act*). Данный закон определяет понятие товарного знака и устанавливает как гражданско-правовой, так и уголовно-правовой механизмы защиты прав на товарный знак. Уголовная ответственность по ст. 92 закона не зависит от совершения гражданского правонарушения, а сама уголовно-правовая норма является независимым положением, направленным исключительно на защиту товарных знаков от определенных форм незаконного использования. При этом *mens rea* (виновная мысль) незаконного использования товарного знака заключается в намерении причинить убытки или действовать с целью получения выгоды. При этом наличие *mens rea* необязательно в отношении противоправных действий, что подразумевает, что преступление считается оконченным, даже если незаконное использование товарного знака не привело к получению выгоды и не причинило убытки, и потому противоправное действие может рассматриваться как преступление, ответственность за которое наступает без вины (преступление с абсолютной (строгой) ответственностью).

9. Определено отсутствие единства терминологии в использовании понятия «товарный знак» по законодательству Азербайджанской Республики. Несмотря на то, что диспозиция ст. 197 УК АР предусматривает ответственность за незаконное использование знака обслуживания, отсутствует источник, в котором изложено понятие «знак обслуживания». Для устранения

терминологических противоречий, автором предложены следующие варианты поправок:

– использование одного общего понятия «товарный знак» – по аналогии с подходом, принятым в Великобритании и Европейском союзе;

– использование двух отдельных понятий «товарный знак» и «знак обслуживания» – по аналогии с подходом, принятым в Российской Федерации; или

– использование одного нового общего понятия для товаров и услуг «торговый знак», которое носит обобщающее значение в отношении товаров и услуг.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.

Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, на заседании которой проходило ее обсуждение.

Некоторые положения исследования были апробированы автором на следующих научных мероприятиях:

1) «XXXI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2024» (12-26.04.2024, г. Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова);
2) «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики. XII Международный юридический форум (IP Форум)» (16-17.02.2024, г. Москва, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА));
3) «Экономика и право в России и мире. III Международная научно-практическая конференция» (23.02.2023, г. Петрозаводск, Международный центр научного партнерства «Новая Наука»).

Основные выводы исследования отражены в подготовленных и опубликованных автором в научных статьях, шесть из которых – в научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на

соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1) Ализаде Д. Э. Уголовная ответственность за параллельный импорт: сравнительный анализ законодательства Великобритании и Азербайджана / Д. Э. Ализаде // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2023. – № 1. – С. 15-18. – DOI: 10.18572/2071-1190-2023-1-15-18;
2) Ализаде Д. Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Азербайджанской Республики / Д. Э. Ализаде // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2023. – № 3. – С. 19-22. – DOI: 10.18572/2071-1190-2023-3-19-22;
3) Ализаде Д. Э. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане / Д. Э. Ализаде // Мировой судья. – 2024. - № 4. С. 8-13. – DOI: 10.18572/2072-4152-2024-4-8-13;
4) Ализаде Д. Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Великобритании / Д.Э. Ализаде // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2024. – № 2. – С. 32-36. – DOI: 10.18572/2071-1190-2024-2-32-36;
5) Ализаде Д. Э. Эволюция и уголовно-правовые аспекты параллельного импорта в Российской Федерации / Д.Э. Ализаде // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 8(183). – С. 288-290. – DOI: 10.46320/2073-4506-2023-8-183-288-290;
6) Alizada Ja. E. Legal aspects of establishment of special economic zones in the world practice and in the Republic of Azerbaijan / Ja. E. Alizada // Евразийский юридический журнал. – 2021. – No. 4(155). – P. 39-42. – DOI: 10.46320/2073-4506-2021-4-155-39-42,

одна вышла в свет в научном издании, индексируемом в МБД Scopus:

1) Ализаде Д. Э. Правовая охрана интеллектуальной собственности в нефтегазовом комплексе / Д. Э. Ализаде, А. Г. Волеводз // Научные труды НИПИ Нефтегаз ГНКАР. – 2023. – № 1. – С. 143-151,

одна вышла в свет в научном издании, включенном в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней Высшей аттестационной комиссии при Президенте Азербайджанской Республики:

1) Ализаде Д. Э. О социально-философской обусловленности уголовно-правовой охраны прав на товарный знак / Д. Э. Ализаде // Юридические науки и образование. – Баку. – 2023. – № 73. – С. 36-45. – DOI: 10.25108/2304-1730-1749.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, четырех глав, включающих 14 параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы. Выводы и обобщения по каждому параграфу (пункту параграфа) также приведены в его конце.

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК

§ 1. Международно-правовые аспекты уголовной охраны прав на товарный знак

За последние полвека рост стоимости сырья в мире составил лишь небольшую часть в общем росте валового внутреннего продукта. Основной движущей силой общего роста стали результаты воплощения идей в товарах, услугах и технологиях. Последние десятилетия принесли ускорение смещения акцента с материальных активов на результаты интеллектуальной деятельности как основы для создания ценности, и это явление приобрело глобальный характер[119].

Неимущественные активы не только растут в стоимости, но и становятся предметом многочисленных судебных конфликтов, связанных с такими вопросами, как нарушения прав известных брендов или незаконное транслирование через сеть Интернет, привлекая внимание общественности и средств массовой информации.

Ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) среди объектов гражданских прав, то есть тех материальных и духовных благ, по поводу которых субъекты гражданского права вступают между собой в правовые отношения, называет охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, в том числе исключительные права на них.

Одновременно законодательство использует для обозначения результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации такое собирательное понятие как «интеллектуальная собственность». Это понятие закреплено в Конституции РФ, в ч. 1 ст. 44 которой определено, что «[к]аждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и

---

[119] Greenspan A. *Market Economies and Rule of Law, Financial Markets Conference of the Federal Reserve Bank of Atlanta, Sea Island, Georgia,* April 4, 2003. URL: https://www.federalreserve.gov/BoardDocs/Speeches/2003/20030404/default.htm (дата обращения: 01.08.2024).

других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом»[120].

Термины «интеллектуальная собственность», «литературная собственность» и «промышленная собственность» прочно укрепились в международных соглашениях начиная с XIX века, прежде всего в Парижской конвенции об охране промышленной собственности 1883 г.[121], Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г.[122], Стокгольмской конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) 1968 г.[123], Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 г. [124] и др.

В Стокгольмской конвенции отсутствует определение интеллектуальной собственности, но приводится перечень объектов, охраняемых правами интеллектуальной собственности:

- литературные, художественные и научные произведения,
- исполнительская деятельность артистов, звукозаписи, радио и телевизионные передачи,
- изобретения во всех областях человеческой деятельности,
- научные открытия,

---

[120] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями на 4 октября 2022 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 06.10.2022. № 0001202210060013.

[121] Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, пересмотренная в Брюсселе 14 декабря 1900 года, в Вашингтоне 2 июня 1911 года, в Гааге 6 ноября 1925 года, в Лондоне 2 июня 1934 года, в Лиссабоне 31 октября 1958 года и в Стокгольме 14 июля 1967 года и измененная 2 октября 1979 года // Международные договоры и соглашения в области охраны интеллектуальной собственности. Изд. 3-е., дополненное. М. 2001.

[122] Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (дополненная в Париже 4 мая 1896 года, пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 года, дополненная в Берне 20 марта 1914 года и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 года, в Брюсселе 26 июня 1948 года, в Стокгольме 14 июля 1967 года и в Париже 24 июля 1971 года, измененная 28 сентября 1979 года) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

[123] Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности (подписана в Стокгольме 14 июля 1967 года, и изменена 2 октября 1979 года) // Межд. договоры и согл. в области охраны промышленной собственности. Москва. 1995.

[124] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (с изменениями и дополнениями) // Официальный интернет-портал правовой информации https://www.pravo.gov.ru. 23.07.2012.

- промышленные образцы,
- товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения,
- защита от недобросовестной конкуренции,
- а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях.

Понятие «интеллектуальная собственность» до сих пор вызывает споры в юридическом сообществе[125]. Эти споры можно свести к следующим вопросам:

- соответствует ли данное понятие международным договорам,
- адекватно ли его применение к правовому режиму объектов, в отношении которых оно используется,
- и каково место данного понятия в терминологии гражданского права и других отраслей права[126].

Для достижения поставленных в рамках настоящей работы целей, под понятием «интеллектуальная собственность» мы понимаем совокупность исключительных прав как личного, так и имущественного характера на результаты интеллектуальной и творческой деятельности, а также на некоторые иные приравненные к ним объекты, конкретный перечень которых устанавливается законодательством государства с учетом принятых ею международных обязательств[127].

Понятие «интеллектуальная собственность» является обобщающим по отношению к понятиям «литературная и художественная собственность» и «промышленная собственность». Эти понятия обозначают соответственно авторское право и патентное право, а также средства индивидуализации

---

[125] Зимин В. А. Правовая природа интеллектуальных прав по законодательству Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 32.
[126] Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. С. 42.
[127] Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учеб. 2-е изд., перераб. и доп./А.П. Сергеев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 19

участников гражданского оборота и производимой ими продукции[128]. Об этом же пишут *L. Bently* и *B. Sherman*, указывая, что понятие «интеллектуальная собственность» выступает как общая понятийная категория, охватывающая патентное право, товарные знаки, авторское право и смежные права[129].

Общей характеристикой различных форм прав интеллектуальной собственности является то, что они образуют право собственности над нематериальными активами, такими как изобретения, пригодные для промышленного использования, формы, в которых идеи или информация выражены, а также знаки, индивидуализирующие товары и услуги[130].

Существование международной системы правовой защиты интеллектуальной собственности не только обеспечивает установление минимальных стандартов для защиты интеллектуальных прав, но также позволяет обеспечить возможность защиты этих прав за пределами страны их происхождения. Для этой цели государства заключают двусторонние и многосторонние соглашения, чтобы отечественные права на интеллектуальную собственность могли быть признаны в других юрисдикциях.

Большинство соглашений в области интеллектуальной собственности придерживается принципа национального режима (к примеру, ст. 3 Бернской конвенции, ст. 2 Парижской конвенции, ст. 3 Соглашения ТРИПС) и режима наибольшего благоприятствования (к примеру, ст. 4 Соглашения ТРИПС). Несмотря на то, что эти принципы являются одними из основополагающих механизмов права, они не являются средствами правовой гармонизации. В правовой литературе отмечается, что «красота» принципа национального режима состоит в том, что он допускает автономию государств в вопросах развития и

---

[128] Воскресенская Е. В. Промышленная собственность и предпринимательство: правовые проблемы теории и практики // Экономика. Социология. Право. 2018. № 2(10). С. 113-118.
[129] Sherman B., Bently L. The Making of Modern Intellectual Property Law. Cambridge: CUP, 1999. P. 95-100.
[130] Ализаде Д. Э. Правовая охрана интеллектуальной собственности в нефтегазовом комплексе / Д. Э. Ализаде, А. Г. Волеводз // Научные труды НИПИ Нефтегаз ГНКАР. 2023. № 1. С. 143-151.

правоприменения своих собственных законов, одновременно соответствуя требованиям международной защиты[131].

Важное место среди прав интеллектуальной собственности занимают товарные знаки. В соответствии со ст. 1(2) Парижской конвенции, объектами охраны промышленной собственности, среди прочего, являются товарные знаки и знаки обслуживания, фирменные наименования и указания происхождения или наименования места происхождения, а также пресечение недобросовестной конкуренции. Согласно ст. 1477 ГК РФ, товарным знаком признается обозначение, служащее для индивидуализации товаров. Правила о товарных знаках соответственно применяются к знакам обслуживания, то есть к обозначениям, служащим для индивидуализации выполняемых работ или оказываемых услуг.

С давних пор производители и торговцы использовали товарные знаки для идентификации своей продукции и выделения её среди товаров, произведенных другими лицами. В Древнем Риме существовала практика нанесения определенного знака или тиснения на керамические изделия, такие как изображения дельфина или инициалы мастера, чтобы отметить их происхождение.

К концу шестнадцатого века владельцы магазинов часто прибегали к установке вывесок, которые указывали на характер их торговли. Тогда же торговцы начали внедрять практику визитных карточек с указанием своего имени и адреса и часто сопровождали их каким-либо обозначением.

Промышленная революция существенно увеличила использование обозначений и торговых знаков в рекламе, и именно в это время зародилась современная концепция товарных знаков. В литературе отмечается, что некоторые из товарных знаков девятнадцатого века были великолепны своими живописными деталями[132].

В двадцатом веке законодательство о товарных знаках продолжило активный процесс эволюции и, помимо защиты от смешения товарных знаков, законом стало

---

[131] Bently L., Sherman B. Intellectual Property Law, 4th edition. Oxford University Press, 2014 . P. 1296.
[132] Caplan D., Stewart G. British Trade Marks and Symbols. October House, ISBN 978-0720611205, 1966.

уделяться больше внимания защите прав и инвестиций владельцев прав на товарный знак[133].

Современное законодательство исходит из двойной функции товарных знаков. Во-первых, они предоставляют *предприятиям* возможность провести различие между своими товарами (услугами) и товарами (услугами) других предприятий. Во-вторых, они предоставляют *потребителям* возможность различать источники товаров или услуг[134]. Соображения, лежащие в основе этой функции, основаны на защите потребителей от смешения относительно источника происхождения товара.

Существуют и иные подходы в отношении функций, которые выполняют товарные знаки: можно выделить такие функции как репутационная, гарантийная, информационная, рекламная, защитная и пр.[135]

Товарные знаки являются ценным объектом интеллектуальной собственности, потому что они ассоциируются с ожиданиями потребителей в отношении продукта или услуги. Некоторые товары становятся синонимами своего товарного знака: например, безалкогольный напиток *Coca-Cola*, кондитерские изделия *Mars*, кофе *Nescafé* и так далее. В сочетании с активными рекламными кампаниями полезность товарных знаков для их владельцев в качестве маркетингового и рекламного оружия очевидна, и поэтому исключительные права на товарные знаки энергично отстаиваются и охраняются.

Товарный знак используется или предназначается для использования в отношении определенных товаров или услуг. Основополагающий принцип заключается в том, что существует связь между торговцем (предприятием-производителем) и его товарами или услугами, и данной связи не будет, если знак

---

[133] Johnson P. Can You Quote Donald Duck? Intellectual Property in Cyberculture // Yale Journal of Law & the Humanities. 2001. Vol. 13. Iss. 2. P. 20.

[134] См.: Mohammad Amin N. Revisiting the Philosophical Foundations of Trademarks in the US and UK, Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 62; Mahaffey-Dowd B. Famous Trademarks: Ordinary Inquiry by the Courts of Marks Entitled to an Extraordinary Remedy // Brook L Rev. 1998. № 64. P. 9.

[135] Bainbridge D. I. Intellectual Property. Pearson, 8th ed, 2010. P. 655-657; Право интеллектуальной собственности. Т. 3. Средства индивидуализации: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. С. 9.

не используется. Неиспользуемый знак может быть оспорен, и его регистрация может быть в итоге отозвана[136]. Другой важный аспект заключается в том, что знак должен быть отличительным, и это требование ограничивает круг знаков или символов, которые могут использоваться в качестве товарных знаков. Право собственности на товарный знак предоставляет правообладателю ограниченную монополию на этот знак. Эта монополия ограничена классами товаров или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован.

В современных условиях права интеллектуальной собственности в целом и права на товарные знаки в частности нуждаются в эффективной правовой защите. Как показывает практика, лица, незаконно использующие чужую интеллектуальную собственность, не только причиняют значительный ущерб их владельцам, но и нарушают права и законные интересы граждан, общества и государства, подрывают такие основополагающие принципы, как независимость и свобода субъектов экономической деятельности и добросовестность конкурентной борьбы на товарных рынках. Обеспечение надлежащих средств правовой защиты и эффективной судебной системы, в рамках которой нарушения будут преследоваться по закону, является существенным условием для эффективно функционирующей системы интеллектуальной собственности.

При этом защита прав интеллектуальной собственности является более эффективной, если она достигается не только гражданскими, но и уголовно-правовыми санкциями.

Несмотря на то, что уголовно-правовые меры издавна включены в национальные законодательства в области интеллектуальной собственности, долгое время их воздействие ограничивалось национальными рамками и не обсуждалось на международном уровне. До Соглашения ТРИПС, в международных соглашениях ничего не говорилось об уголовно-правовых санкциях в случае нарушения прав интеллектуальной собственности. Два классических договора в области интеллектуальной собственности – Парижская

[136] Howell C., Farrand B. Law Express: Intellectual Property. Pearson, 2017. P. 125.

конвенция и Бернская конвенция – не содержат явных обязательств по внедрению уголовных санкций за нарушение прав интеллектуальной собственности. Однако, наряду с Найробским договором об охране олимпийского символа 1981 г., они содержат обязательства, которые договаривающиеся стороны могут внедрить в рамках своего уголовного законодательства[137]. К примеру, в соответствии со ст. 6ter Парижской конвенции, страны-участницы Парижского союза должны «[...] запрещать путем соответствующих мер использование без разрешения компетентных властей в качестве товарных знаков или в качестве элементов этих знаков гербов, флагов и других государственных эмблем стран Союза, введенных ими официальных знаков и клейм контроля и гарантии, а также всякое подражание этому с точки зрения геральдики».

Ст. 1 Найробского договора содержит обязательство отказывать в регистрации или признавать недействительной регистрацию в качестве знака и запрещать путем соответствующих мер использование в качестве знака или другого обозначения в коммерческих целях любого обозначения, состоящего из олимпийского символа. Поскольку оба рассмотренных положения требуют запрещения определенных видов использования «соответствующими мерами», можно заключить, что уголовные санкции подразумеваются как один из способов выполнения этого обязательства.

Фундаментальный сдвиг в вопросе уголовно-правовых санкций произошел после подписания Соглашения ТРИПС от 15 апреля 1994 года. Следует отметить, что Российская Федерация завершила переговоры о вступлении в ВТО 10 ноября 2011 года, а 21 июля 2012 г. был принят Федеральный закон № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.», вследствие чего 22 августа 2012 года Российская Федерация

[137] Найробский Договор об охране олимпийского символа (Найроби, 26 сентября 1981 года). – Международные договоры и соглашения в области охраны промышленной собственности. Т.1. Москва, 1995.

стала членом ВТО и приняла на себя обязательства по Соглашению ТРИПС, в том числе в части уголовно-правовых санкций[138].

В Части III Соглашения ТРИПС впервые в истории международных соглашений об интеллектуальной собственности содержится всеобъемлющий набор правил, касающихся мер уголовного принуждения[139]. Цель этих положений изложена в ст. 41(1): «Члены обеспечивают, чтобы их законодательство предусматривало процедуры по обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности, как оговорено в настоящей части, позволяющие прибегнуть к эффективным действиям, направленным против любого нарушения прав интеллектуальной собственности, на которые распространяется настоящее Соглашение, включая срочные средства правовой защиты для предотвращения нарушений и средства правовой защиты, которые представляют собой правовую санкцию для удерживания от дальнейших нарушений. […]»

Соглашение ТРИПС, *de jure* не являясь универсальным международно-правовым актом, действуя только для стран-членов Всемирной торговой организации (ВТО), *de facto* играет важнейшую роль в правовом регулировании права интеллектуальной собственности. Фактически, отсутствие эффективных обязательств по защите прав в сочетании с ростом торговли контрафакцией и явились основной причиной для промышленно развитых стран стремиться интегрировать систему защиты интеллектуальной собственности в мировую торговую систему посредством принятия нового соглашения. Однако необходимо заметить, что положения Соглашения ТРИПС указывают на преемственность данного акта с более ранними актами в сфере интеллектуальной собственности.

Часть III Соглашения ТРИПС содержит двадцать положений о защите прав интеллектуальной собственности. Охватывая общие обязательства, гражданские и

---

[138] Федеральный закон от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 30. Ст. 4177.

[139] WTO - Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, edited by Jan Busche, et al., BRILL, 2008. P. 781.

административные процедуры и средства правовой защиты, а также пограничные меры и уголовные процедуры, это первый всеобъемлющий многосторонний инструмент, устанавливающий подробные обязательства для национальных режимов защиты прав интеллектуальной собственности.

Среди прочего, часть III главы 5 Соглашения ТРИПС содержит положение об уголовных санкциях. Согласно ст. 61 Соглашения ТРИПС, «члены предусматривают уголовные процедуры и штрафы, которые применяются, по крайней мере, в случаях умышленного неправомерного использования товарных знаков или нарушения авторского права, совершенных в коммерческих масштабах. Меры пресечения включают тюремное заключение и/или денежные штрафы, достаточные для того, чтобы служить средством удерживания, соразмерным со степенью наказания, применяемого в связи с другими преступлениями соответствующей тяжести. В соответствующих случаях меры пресечения включают также наложение ареста, конфискацию и уничтожение контрафактных товаров и любых материалов и орудий производства, которые преимущественно использовались при совершении преступления. Члены могут предусмотреть уголовные процедуры и наказания с целью применения в других случаях нарушений прав интеллектуальной собственности, в частности, когда они совершены умышленно и в коммерческих масштабах».

По сути, ст. 61 Соглашения ТРИПС дополняет иные методы защиты прав интеллектуальной собственности, предписанные соглашением, для достижения общей цели Части III, описанной в ст. 41(1), согласно которой государства должны обеспечить процедуры, «позволяющие прибегнуть к эффективным действиям, направленным против любого нарушения прав интеллектуальной собственности». В частности, для хозяйствующих субъектов угроза применения против них уголовных санкций с потенциально разрушительными последствиями делает уголовное преследование эффективным инструментом против нарушений и сильным сдерживающим фактором.

Этот сдерживающий фактор, обеспечиваемый уголовными санкциями, может быть настолько сильным, что в некоторых случаях не позволит

предприятиям участвовать даже в потенциально законной коммерческой деятельности. По этим причинам, Соглашение ТРИПС предлагает некоторые основания для реагирования на необходимость избегать чрезмерно строгого правоприменения и неконтролируемого расширения объема защиты. Общие принципы Соглашения ТРИПС в ст. 8(2) четко определяют, что государства-члены несут ответственность за предотвращение злоупотреблений со стороны правообладателей: «надлежащие меры при условии, что они соответствуют положениям настоящего Соглашения, могут быть необходимы для предотвращения злоупотреблений правами интеллектуальной собственности со стороны владельцев прав или обращения к практике, которая необоснованно ограничивает торговлю или неблагоприятным образом влияет на международную передачу технологии».

Кроме того, в ст. 31 (c) и (k) Соглашения ТРИПС предусмотрена возможность государств-членов разрешать конкретное использование без согласия правообладателя для исправления практики, которая в результате судебных или административных процедур определена как антиконкурентная. Эффективность этих принципов дополняется двумя положениями. Первое предложение п. 1 ст. 48 Соглашения ТРИПС предусматривает право ответчика на компенсацию за любое злоупотребление процедурами по обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности со стороны истца, а первое предложение п. 1 ст. 53 Соглашения ТРИПС предусматривает возможность для государств-членов потребовать от заявителя предоставления залога или равноценной гарантии, достаточной для защиты ответчика и предотвращения злоупотреблений правами.

Возвращаясь к ст. 61 Соглашения ТРИПС, следует отметить, что формулировка этой нормы менее детализирована, чем иные положения соглашения. Более того, ст. 61 Соглашения ТРИПС также содержит значительные ограничения.

Начнем с того, что, как и другие положения Соглашения ТРИПС, ст. 61 не вступает в силу немедленно, а лишь налагает на членов Соглашения ТРИПС обязательство («*должны*») привести свое внутреннее законодательство в

соответствие с требованиями первых двух предложений этого правила. Требования остальной части положения либо гибкие («*в соответствующих случаях*»), либо факультативные («*могут предусмотреть*»). В частности, ст. 61 не требует, чтобы государства криминализовали все нарушения в области авторских прав и товарных знаков, а только те, которые были совершены «*умышленно*» и «*в коммерческих масштабах*», без разъяснения этого термина. Следовательно, предоставляя общий ориентир для выбора подходящих средств правовой защиты, Соглашение ТРИПС не предусматривает конкретных уголовных санкций за нарушения прав интеллектуальной собственности. Наконец, доступные средства правовой защиты должны также включать арест, конфискацию и уничтожение товаров, нарушающих права, а также любых материалов и приспособлений, которые использовались при совершении правонарушения. Однако это обязательство квалифицируется вводной фразой «*в соответствующих случаях*», что оставляет государствам свободу действий в определении обстоятельств, при которых применяются эти средства правовой защиты.

Таким образом можно заключить, что на международном уровне минимальным стандартом является обязательство предусматривать уголовные санкции в случаях умышленной контрафакции в области товарных знаков или пиратства в области авторских прав, совершенных в коммерческих масштабах[140]. Заслуживает также интереса определение понятия «контрафакция» в сноске 14 к ст. 51 Соглашения ТРИПС: «выражение «товары с неправомерно используемым товарным знаком» означает любые товары, включая их упаковку, маркированные без разрешения товарным знаком, который идентичен товарному знаку, законно зарегистрированному для таких товаров, или который по существенным признакам нельзя отличить от подобного товарного знака и который в силу этого нарушает права владельца данного товарного знака в соответствии с законодательством импортирующей страны».

[140] Hansen H (ed.) Intellectual Property Law and Policy. Volume 11. Bloomsbury Publishing Plc, 2010. P. 605.

Чтобы оценить критерий минимального стандарта, ст. 61 Соглашения ТРИПС следует рассматривать в контексте двух общих положений, которые могут повлиять на его толкование. Во-первых, третье предложение ст. 1(1) разъясняет, что члены ВТО вправе определять соответствующий метод реализации положений Соглашения ТРИПС в рамках своей правовой системы и практики. Во-вторых, ст. 41(5) ТРИПС гласит, что «подразумевается, что настоящая часть не предусматривает каких-либо обязательств по созданию судебной системы для обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности, отличной от судебной системы, обеспечивающей соблюдение законодательства в целом, а также не затрагивает компетенцию членов по обеспечению соблюдения их законодательства в целом».

Анализ минимальных стандартов «*умышленно*» и «*в коммерческих масштабах*» был проведен в январе 2009 году, когда группа экспертов ВТО опубликовала доклад, ставший результатом инициированного в 2007 году со стороны США разбирательства против Китая в рамках системы разрешения споров ВТО[141]. США, среди прочего, обвиняли Китай в том, что пороговые значения в китайском законодательстве для уголовной ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности несовместимы с обязательствами Китая по ст. 61 Соглашения ТРИПС[142]. В докладе эксперты сделали вывод, что США не установили, что соответствующие уголовно-правовые пороговые значения несовместимы с обязательствами Китая в соответствии со ст. 61 Соглашения ТРИПС.

Что касается критерия «*в коммерческих масштабах*», группа экспертов ВТО пришла к выводу, что он означает «масштаб или степень типичной или обычной коммерческой деятельности в отношении данного продукта на данном рынке. Следовательно, под контрафакцией или пиратством в коммерческих масштабах

---

[141] China – Measures Affecting the Protection and Enforcement of Intellectual Property Rights. World Trade Organization. Report of the Panel. WT/DS362/R 26 January 2009 // URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/362r_e.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

[142] Gervais D. China - Measures Affecting the Protection and Enforcement of Intellectual Property Rights WT/DS362/R // The American Journal of International Law. 2009. Vol. 103. № 3. P. 549–555.

понимается контрафакция или пиратство, осуществляемые в масштабах типичной или обычной коммерческой деятельности в отношении данного продукта на данном рынке. Масштабы типичной или обычной коммерческой деятельности в отношении данного продукта на данном рынке формируют ориентир для оценки обязательств в первом предложении ст. 61 Соглашения ВТО. Отсюда следует, что то, что составляет коммерческий масштаб для контрафакции или пиратства для конкретного продукта на конкретном рынке, будет зависеть от масштаба, который типичен для данного продукта на данном рынке, который может быть маленьким или большим».

Выводы по параграфу:

1. Интеллектуальная собственность имеет растущее значение в современном мире и нуждается в эффективной правовой защиты. Рост ценности неимущественных активов, основанных на результатах интеллектуальной деятельности, является значимым фактором общего экономического развития. Этот рост подчеркивает важность принятия соответствующих мер, включая как гражданско-правовые санкции, так и уголовно-правовые санкции, для защиты прав и интересов владельцев интеллектуальной собственности.

2. Интенсивное развитие сферы прав интеллектуальной собственности на глобальном уровне и активное использование результатов интеллектуальной деятельности в мировой торговле привели к необходимости в их более эффективной международно-правовой защите. Этот вызов привел к подписанию в 1994 году Соглашения ТРИПС, которое содержит юридически обязательные стандарты охраны интеллектуальной собственности для государств-членов ВТО, включая Российскую Федерацию, и является самой поздней кодификацией существующего международно-правового регулирования в области охраны прав интеллектуальной собственности, включая товарные знаки.

3. Соглашение ТРИПС содержит минимальные стандарты защиты основных объектов интеллектуальной собственности, к которым можно отнести гражданские процедуры, административные процедуры и, впервые в истории

международных соглашений, уголовные процедуры и штрафы. В области товарных знаков, для государств-членов ВТО минимальным стандартом является обязательство предусматривать уголовные санкции в случаях умышленной контрафакции, совершенной в коммерческих масштабах. Механизм применения уголовных санкций против хозяйствующих субъектов с потенциально разрушительными последствиями является эффективным инструментом против правонарушений.

§ 2. Социально-философская обусловленность уголовной охраны прав на товарный знак

Вопрос о том, в какой степени нам нужны права на интеллектуальную собственность, и вопрос о надлежащих мерах по охране этих прав требует анализа обоснования предоставления подобной охраны.

Изначально ответ на вопрос о надлежащем объеме охраны казался очевидным: понятие права собственности рассматривалось как целостное предоставление прав и возможностей владельцу независимо от того, являлся ли предмет охраны осязаемым или нематериальным объектом. В этом контексте считалось, что «чем больше, тем лучше» – максимально возможная охрана казалась единственным правильным ответом[143].

С течением времени, такая целостная концепция права собственности все чаще ставится под вопрос. Право собственности теперь считается правовой позицией, которой владелец может пользоваться, учитывая интересы иных заинтересованных сторон. Правовая защита больше не воспринимается как наделение неограниченными правами, выражение естественного права (*jus naturale*) – вместо этого права, вытекающие из концепции права собственности, определяются законом и ограничиваются им. К примеру, в Европе этот подход отражен в определении понятия права собственности, предусмотренного в Хартии Европейского Союза об основных правах от 1 декабря 2009 года, которая гласит,

[143] Bouchet-Le Mappian E. Propriété intellectuelle et droit de propriété en droits anglaise, allemande et français, thèse dactylographiée. Université de Nantes, 2009.

что каждое лицо вправе иметь в своей собственности имущество, приобретенное на законных основаниях, пользоваться, распоряжаться им и завещать его, что никто не может быть лишен своей собственности, кроме как по соображениям общественной пользы, в случаях и на условиях, предусмотренных законом, также распространяя защиту на интеллектуальную собственность[144].

Таким образом, Хартия ЕС об основных правах предусматривает охрану интеллектуальной собственности среди основных прав. Однако основные права не предоставляют абстрактные или абсолютные права собственности[145]. Наоборот, право собственности должно быть определено и ограничено его социальной целью. Общественные интересы имеют особое значение для прав интеллектуальной собственности. В частности, интересы одних собственников должны быть сбалансированы в отношении интересов других собственников. И единственный способ соответствовать этому – принимать во внимание все интересы.

Рассмотрение вопроса об адекватном объеме защиты неизбежно приводит к анализу необходимости предоставления прав интеллектуальной собственности. Согласно исследованиям, исключительное владение нематериальными активами индивидуальными собственниками может способствовать более эффективному распространению объектов, охраняемых интеллектуальной собственностью, то есть, в этих условиях идеи и информация распространяются с большей эффективностью[146].

Наиболее знаменитой по данной проблематике является теория стимулирования, закрепленная в так называемом «пункте об авторском праве» Конституции США 1789 года[147]. В соответствии с 8-ым пунктом 8-го отдела 1-й

---

[144] Charter of Fundamental Rights of the European Union. Official Journal of the European Communities (2000/C 364/01), 18.12.2000

[145] Hilty R., Kur A., Peukert A. Statement of the Max Planck Institute for Intellectual Property, Competition and Tax Law to the proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on Criminal Measures Aimed at Ensuring the Enforcement of Intellectual Property Rights // IIC. 2006. № 37, point 9. P. 970-7.

[146] Beckerman-Rodau A. The Problem with Intellectual Property Rights: Subject Matter Expansion // Yale Journal of Law and Technology. 2011. Vol. 13. Iss. 1. Art. 2.

[147] The Constitution of the United States of America. As Amended. Ratified June 21, 1788. Date effective March 4, 1789. National Archives Building in Washington, D.C., U.S.

главы Конституции США, «Конгресс имеет право: ... *содействовать развитию науки и полезных ремесел (выделено мною – Д.А.)*, закрепляя на определенный срок за авторами и изобретателями исключительные права на их сочинения и открытия».

В какой-то мере подход, принятый в Конституции США, действителен и сегодня, поскольку общество стремится предоставлять инициативу для развития инноваций и творчества. Такие стимулы основываются на общественной сделке, подразумевая, что создатель (изобретатель) получает исключительные права и привилегированное положение на рынке. Это позволяет ему на ограниченный срок устанавливать вознаграждение за разрешение третьим лицам получать доступ и использовать результаты его интеллектуальной деятельности. Такая сделка предполагает, что в будущем изобретения и иные результаты интеллектуальной деятельности перейдут в общественное достояние.

С течением времени аргументы в отношении вышеуказанного подхода к охране прав интеллектуальной собственности стали более изощренными, но «пункт об авторском праве» все еще иллюстрирует обоснование теории стимулирования. В современном обществе основное внимание уделяется вопросам конкуренции, потому что считается, что свободная конкуренция является наилучшим способом стимулирования инноваций и обеспечения благосостояния общества. Это означает, что расчет на свободную конкуренцию ограничивает сферу правового регулирования вмешательством в конкретные ситуации сбоя рыночного механизма. В этой связи институт прав интеллектуальной собственности можно рассматривать в качестве вмешательства со стороны законодательной власти – влияние прав интеллектуальной собственности аналогично любому другому правовому регулированию конкуренции. Но этот вид вмешательства оправдан постольку, поскольку он направлен на устранение недостатка стимулирования созидательности, потому что в ином случае общество не защищено от несанкционированного использования созданных его членами произведений и изобретений. Действительно, в отсутствии охраны интеллектуальной собственности любому лицу было бы дешевле присвоить чужие

изобретения, нежели вложить силы в создание собственных. Другими словами, без правовой защиты, положительные эффекты свободной конкуренции могли бы быть сведены к нулю. Тем самым, права интеллектуальной собственности предназначены для того, чтобы законопослушные участники рынка не страдали от неправомерных действий третьих лиц.

Вместе с тем, если вмешательство в свободную конкуренцию и рыночную экономику путем установления защиты прав интеллектуальной собственности может устранить потенциальный сбой рыночного механизма и способствовать инновациям и благосостоянию общества, мы должны иметь в виду, что только разумная степень вмешательства и суровости правовой защиты будет иметь положительное влияние[148]. Как только защита выходит за рамки необходимого, она может оказать негативное воздействие и в конечном итоге привести к обратному эффекту. Иными словами, излишне суровая правовая защита может ограничить преимущества свободной конкуренции, особенно с учетом того факта, что права интеллектуальной собственности могут создать неоправданный барьер для выхода новых участников на рынок.

Следует признать, что в долгосрочной перспективе динамика свободной конкуренции оказывается более эффективной, чем правовое вмешательство. Принимая во внимание, что среди целей правового государства выделяются содействие социальному благосостоянию и экономическому росту, и что таких целей лучше достичь с помощью инноваций, защита интеллектуальной собственности должна в конечном итоге руководствоваться этим пониманием[149].

Этот подход приводит к тому, что полностью свободная конкуренция, не предусматривающая охрану интеллектуальной собственности, должна преобладать, пока не возникнет обоснованный повод для введения такой охраны.

---

[148] David M., Halbert D. (ed.). The SAGE Handbook of Intellectual Property. SAGE Publications Ltd, 2015. P. 28.

[149] Панкова М. Н. Охрана товарных знаков: виды и регулирование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3(79). С. 160-169.

Если такое обоснование отсутствует, нет необходимости ограничивать действия участников свободного рынка, действующих в рамках принятых правовых норм.

Неотъемлемой частью свободной конкуренции являются имитации (подражание одних товаров другим). Имитации в некоторой степени «смазывают» колеса конкуренции, потому что любой прогресс в конечном итоге зависит от последовательного вклада заинтересованных участников процесса. Следовательно, из принципиальных соображений допустимо, чтобы участники рынка «имитировали» продукцию других лиц. Но существует определенная грань, когда имитации приводят к разочарованию первоначальных инвесторов, так как они не могут вернуть свои вложения, что в конечном итоге приводит к сокращению инвестиций. В таких случаях и целесообразно правовое вмешательство для предотвращения сбоя рыночного механизма.

Вместе с тем, мы не можем однозначно утверждать, что имитация однозначно «смазывает» колеса конкуренции, повышая социальное благосостояние и способствуя экономическому росту. На самом деле, это понимание довольно размыто и может охватывать разнообразную действительность, не предоставляя четкого разграничения между тем, что должно поддерживаться законом, и тем, что подлежит запрету.

Тем самым, представляется целесообразным провести различие между формами использования объекта правовой охраны третьим лицом. С одной стороны, товар может быть в точности воспроизведен без изменений; с другой стороны, он может быть вдохновлен объектом охраны, но с некоторыми изменениями. В первом случае речь идет об идентичном использовании (подделке), во втором случае – об имитации (подражании).

Идентичное использование (подделка) неизбежно вызывает сбой рыночного механизма, поскольку лицо извлекает выгоду из инвестиций первоначального производителя и не позволяет ему окупить затраты. Идентичное использование представляет собой бесспорное нарушение прав интеллектуальной собственности и требует адекватных средств правовой защиты. Согласно общепризнанной позиции, идентичное использование называют контрафакцией при нарушении

законодательства о товарных знаках и пиратством при нарушении законодательства об авторском праве. Бесспорно, что идентичное использование (контрафакция) требует суровой реакции в правовой плоскости для устранения риска сбоя рыночного механизма и обеспечения правовой определенности для будущих инвесторов[150].

Что касается имитаций (подражаний), здесь необходимо провести четкое разграничение. При выпуске продукта на рынок под новым товарным знаком существует риск того, что этот знак будет схож с уже существующим, тем самым нарушив закон. Предприятия в редких случаях могут заранее исключить подобные риски, особенно в областях с высоким уровнем конкуренции. Такие нарушения, основанные на вероятности смешения, требуют субъективной оценки, что делает практически невозможным заранее предсказать окончательный результат[151]. Следовательно, предприятиям сложно оценить точный объем защиты их интеллектуальной собственности, вследствие чего возникают «серые» зоны между допустимым и недопустимым. Важно учитывать правовое положение в каждом конкретном случае, чтобы определить, осуществляется ли имитация за пределами невидимой границы объема прав интеллектуальной собственности, что означает допустимость таких действий, или же она попадает в пределы границ действия исключительного права. В последнем случае использование имитаций является нарушением и должно быть запрещено. Тем не менее, меры правовой защиты в таком случае не должны быть аналогичны тем, которые применяются в случае контрафакции. Оправдание более осторожного подхода к вопросам имитаций связано с акцентом на общественные интересы – если конкурент выходит на рынок с похожим, но не идентичным продуктом, такой «имитационный» продукт не обязательно оказывает негативное влияние на рынок. Напротив, это усиливает

---

[150] Laddie H., Copyright: Over-strength, Over-regulated, Over-rated? // EIPR. 1996. № 5. P. 259.

[151] Право интеллектуальной собственности: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. Е. А. Поздняковой. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 232; Ильяшенко А. Н. Уголовно-правовая охрана прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий / А. Н. Ильяшенко, Л. К. Никитина. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2011. С. 26.

конкуренцию и стимулирует поиск лучших решений, отвечающих ожиданиям потребителей. Следует учитывать это положительное влияние имитации. Действия конкурента, рискующего нарушить объем прав интеллектуальной собственности правообладателя, максимально приближаясь к границе нарушения, не противоречат общественным интересам. Поступая таким образом, он может в конечном счете действовать законно или незаконно – но в любом случае конкуренция усилится. В приведенном примере, в первом случае имитатору должно быть позволено продолжать свою деятельность, тогда как во втором случае правообладатель должен иметь возможность восстановить нарушенные права. Однако, учитывая различные социальные последствия двух форм незаконного использования (незаконной имитации и контрафакции), правовые меры против имитаторов не должны быть такими же строгими, как против пиратов. В противном случае ни один конкурент не захочет рисковать оспорить границы объема прав интеллектуальной собственности, а будет вслепую соблюдать установленные границы, чтобы исключить любые риски. В результате, конкуренты будут цензурировать собственные действия и устанавливать рамки свободы для инноваций, чтобы оставаться на безопасной территории – вдали от риска нарушения. Очевидно, что такое поведение не отвечает общественным интересам, поскольку в конечном итоге ведет к непреднамеренному расширению правовой защиты объектов интеллектуальной собственности.

В политической риторике нарушения – будь то имитации или подделки – редко воспринимаются как неизбежная обратная сторона правовой неопределенности, вызванной нечеткими границами объема прав интеллектуальной собственности. Чаще всего они рассматриваются как форма серьезного правонарушения, что отражается в громких заявлениях[152]. В этом

[152] См., напр.: Regulation (EU) No 386/2012 of the European Parliament and of the Council of 19 April 2012 entrusting the Office for Harmonization in the Internal Market (Trade Marks and Designs) with certain tasks related to the protection of intellectual property rights, including the assembling of public and private sector representatives as a European Observatory on Counterfeiting and Piracy // Official Journal *L 129, 16.5.2012,* p. 1, Recital (4). URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2012/386/oj (дата обращения: 01.08.2024).

контексте нарушения рассматриваются только в узком смысле контрафакции. Из этого можно сделать вывод, что одной из основных дилемм законодательства является отсутствие четкого разграничения между имитацией и контрафакцией. Опасения, связанные со здоровьем и безопасностью, часто используются в качестве аргументов в поддержку политических инициатив по усилению защиты прав интеллектуальной собственности. Однако правила, вытекающие из таких требований, применяются горизонтально ко всем нарушений. Эти расхождения между политическими мотивами для введения новых законов и фактической областью их действия могут привести к дисбалансу, поскольку слишком сильный фокус на контрафакции может отвлечь законодателей от того факта, что избыточная защита может быть так же вредна, как и недостаточная.

Таким образом, слишком жесткие санкции могут привести к чрезмерному сдерживанию и, следовательно, недостаточному использованию объектов интеллектуальной собственности (включая товарные знаки). Из этого следует, что в современных государствах уголовные санкции должны рассматриваться как *ultima ratio*, то есть наиболее суровой и крайней мерой государственного реагирования, когда применение санкций гражданского или административного права не дает желаемого эффекта в противодействии наиболее вредоносным деяниям и не обеспечивает охрану значимых отношений[153].

Вместе с тем, в вопросе уголовно-правовой защиты следует быть очень осторожным, так как, по своей сути, уголовное право представляет собой сильное оружие, которое усиливает эффект от любой меры принуждения[154]. Уголовное право является крайней мерой, применяемой, когда другие методы для решения проблемы не действуют. Приведем пример: если какое-либо лицо пытается совершить противоправное действие, сначала общество может попытаться устно предупредить его о возможных правовых последствиях. В качестве следующего шага может понадобиться гражданско-правовая или административно-правовая

[153] Ализаде Д. Э. О социально-философской обусловленности уголовно-правовой охраны прав на товарный знак // Юридические науки и образование. Журнал. (Баку). 2023. № 73. С. 36-45.
[154] Там же.

судебная защита прав. Крайней мерой будет являться привлечение нарушителя к уголовной ответственности. Эта мера является крайней потому, что обходится обществу и государству дорого, вынуждая их платить в обмен на б*о*льшую степень безопасности и сдерживание как конкретного правонарушителя, так и потенциальных будущих правонарушителей.

В традиционном понимании уголовное право связывают с преступлениями против личности и собственности. В случае покушения на убийство использование устных аргументов для убеждения виновного вряд ли будет эффективным. Наказание в виде денежного штрафа тоже не способно убедить общество в том, что виновный не совершит это преступление в будущем. Аналогично и с преступлениями против собственности: если кто-то задумывается о краже чужого имущества, он может осознавать, что в случае отсутствия серьезного наказания есть вероятность того, что он не будет пойман. С точки зрения целесообразности, это может быть стимулом попробовать свои силы, а в случае задержания – заплатить штраф, считая это необходимой компенсацией за продолжение преступной деятельности. Именно для таких случаев уголовное право предполагает возмещение причиненного вреда, а сама система уголовного правосудия опирается на сочетание расплаты, осуждения и других факторов[155].

Что касается правонарушений в области интеллектуальной собственности, то обоснованность применения уголовных санкций за нарушение нематериального имущества не всегда очевидна, поэтому существует необходимость в более глубоком анализе[156].

Нарушители интеллектуальной собственности практически не взаимодействуют со своими жертвами напрямую, что делает устные предупреждения малоэффективными в восстановлении справедливости[157]. Именно

---

[155] Sheley E. L. Tort Answers to the Problem of Corporate Criminal Mens Rea // 97 North Carolina Law Review& 2012. № 97. P. 773, 812..

[156] Manta I. D. The Puzzle of Criminal Sanctions for Intellectual Property Infringement // 24 Harvard Journal of Law & Technology. 2011. № 24. P. 469.

[157] Ализаде Д.Э. О социально-философской обусловленности уголовно-правовой охраны прав на товарный знак // Юридические науки и образование. Журнал. (Баку). 2023. № 73. С. 38.

поэтому владельцы интеллектуальной собственности обращаются за помощью к правоохранительным органам. Тем не менее, возникает вопрос: зачем применять уголовные меры в ответ на ненасильственные правонарушения?

Ответ зависит от утилитарных факторов и выбора государственной политики. Чтобы понять оба этих аспекта, рассмотрим, как аналогия с преступлениями против материального имущества исторически привела к криминализации нарушений против прав интеллектуальной собственности.

Для начала постараемся дать определение понятию «кража материального имущества». Юридические словари определяют это деяние как незаконное присвоение имущества, принадлежащего другому лицу, с целью лишить его истинного владельца[158]. Несмотря на возникающие в этой связи теоретические вопросы – что делает вещь собственностью лица, как понимать акт присвоения, как определять намерение – более ранние общества рассматривали кражу как нарушение Божественной воли и наказывали смертной казнью[159]. В настоящее время большинство государств отменили смертную казнь за преступления против собственности, но сохранили другие суровые уголовные наказания – к примеру, тюремное заключение[160].

Растущее значение интеллектуальной собственности привело к применению аналогичных принципов и к нематериальным активам. С ростом стоимости интеллектуальных активов, часто превосходящей стоимость традиционных активов, уровень нарушений прав интеллектуальной собственности также увеличился[161]. В этом контексте вопрос относительно применения уголовных санкций сменился с «нужно ли?» на «когда?». Это происходило параллельно с расширением уголовно-правового законодательства в области наказаний за имущественные преступления, когда список подлежащих уголовному

---

[158] Black’s Law Dictionary 1615, 9th edition, Bryan A. Garner, ed. St. Paul: «West Group», 2009.
[159] Epstein R. A., Brown T. P. Cybersecurity in the Payment Card Industry // 75 University of Chicago Law Review. 2008. № 75. P. 203.
[160] Ализаде Д. Э. О социально-философской обусловленности уголовно-правовой охраны прав на товарный знак // Юридические науки и образование. Журнал. (Баку). 2023. № 73. С. 39.
[161] Szott Moohr G., Lipton J., Manta I. D. The criminal law of intellectual property and information: cases and materials // West Academic Publishing, 2016. 2nd edition. ISBN 978-1628103502,

преследованию правонарушений перешел от насильственных преступлений (к примеру, грабеж) к ненасильственным (к примеру, кража).

Различием между нарушением прав интеллектуальной собственности от кражи выступает то, что владелец интеллектуальной собственности не лишается физического объекта в прямом смысле. Вместо этого, претензия владельца прав интеллектуальной собственности обычно сводится к тому, что его нематериальные активы обесцениваются в результате нарушения его исключительных прав. Это может являться аргументом в пользу того, чтобы рассматривать нарушения прав интеллектуальной собственности как акт вандализма (действие, которое приводит к повреждению имущества) или акт незаконного проникновения[162].

Касательно конфликта пользования, в традиционном понимании материальное имущество не может быть одновременно использовано несколькими лицами, но этот подход не применим к нашему анализу. В контексте объектов интеллектуальной собственности конфликт связан не с физической неспособностью поделиться пользованием предмета, а с тем, нарушает ли пользование одного лица права другого[163]. К примеру, в рамках предметов роскоши, ношение аксессуара от бренда «Gucci» или другого мирового бренда кажется менее привлекательным, если его использует слишком много людей[164]. Можно привести пример из области авторского права – распространение нелегальной записи эксклюзивного концерта в Большом театре может уменьшить ценность живого опыта, за который зрители платят высокую цену.

Однако проблема простирается далеко за пределы предметов роскоши. К примеру, проанализируем случай незаконной онлайн-трансляции художественного фильма или телесериала. Можно задаться вопросом, что если определенная часть потребителей законным образом приобретает продукт (который является объектом интеллектуальной собственности) через официальные платформы, имеет ли

---

[162] Manta I. D., Wagner R. E. Intellectual Property Infringement as Vandalism // 18 Stanford Technology Law Review. 2015. № 18. P. 331.
[163] Manta I. Keeping IP Real // Houston Law Review. 2019. № 57. P. 354.
[164] Ализаде Д. Э. О социально-философской обусловленности уголовно-правовой охраны прав на товарный знак // Юридические науки и образование. Журнал. (Баку). 2023. № 73. С. 38.

значение, что другая часть общества получает к нему бесплатный доступ (к примеру, через «*peer-to-peer»* платформы)? Ответ на этот вопрос может быть двоякий.

Во-первых, незаконная потоковая передача или скачивание могут иметь тенденцию эффекта «снежного кома». Зрители, которые платят за просмотр сериала, могут испытывать разочарование от того, что другие пользователи получают контент бесплатно. Получается, что «легальные» зрители субсидируют нарушителей или переплачивают за контент. Можно предположить, что часть пользователей, получающих контент незаконно, была бы готова заплатить за него, если бы выбор стоял между оплатой или полной недоступностью контента. Средства, которые «нелегальные» зрители отказываются платить, в итоге могут привести к росту цены для легальных зрителей[165].

Во-вторых, существует и вторая позиция – производитель (создатель) выпускает пользующийся спросом продукт, но при этом получает непропорционально малую отдачу. Это может деморализовать владельца прав интеллектуальной собственности вне экономического аспекта. Авторы и создатели произведений, вкладывая в произведения творческие силы, могут испытать моральный дискомфорт, если определенная часть потребителей демонстрирует, что результат интеллектуального труда достаточно ценен для бесплатного использования, но недостаточно ценен, чтобы заплатить за его легальное использование[166].

К вопросу сравнения нарушений прав интеллектуальной собственности с правонарушениями в отношении материального имущества стоит подходить гибко. Если оставить в стороне вопросы сентиментальной ценности имущества, можно заметить, что в большинстве случаев кража материального имущества имеет негативные последствия для владельца, так как он теряет всю или часть

---

[165] Ализаде Д. Э. О социально-философской обусловленности уголовно-правовой охраны прав на товарный знак // Юридические науки и образование. Журнал. (Баку). 2023. № 73. С. 40.
[166] Там же.

стоимости своего имущества[167]. Приведем простой пример: если кто-либо преднамеренно уничтожит мою сельскохозяйственную продукцию, я не смогу её реализовать. Так же и с результатами интеллектуальной деятельности – если владелец продает лицензию на право пользования музыки, ее незаконное использование может ограничить его способность продавать свой продукт.

Важно отметить, что ситуация не всегда имеет исключительно негативные оттенки. Например, некоторые потребители могут решить приобрести легальную версию продукта после того, как изначально приобрели пиратскую копию. В некоторых случаях люди могут ознакомиться с творчеством артиста благодаря пиратским загрузкам, что они, возможно, не сделали бы, если бы не рискнули приобрести незнакомую музыку. Кроме того, артисты или производители имеют возможность получать доход через различные каналы распространения. Например, убытки музыканта от пиратских загрузок могут быть компенсированы увеличением продаж билетов на концерты в будущем.

Однако эмпирические выводы, лежащие в основе обозначенных компромиссов, непостоянны и зависят от контекста, поэтому возникает следующий вопрос – почему пользователи нелегального контента и продукции могут предопределять форму и условия, по которым продукт будет реализован на рынке, а не сами правообладатели?

У правообладателя есть возможность распространять товар бесплатно или попросить добровольные пожертвования. В качестве примера можно привести британскую рок-группу «*Radiohead*», которая выпустила альбом в сети Интернет, при этом каждый пользователь мог бесплатно скачать и заплатить за её прослушивание по своему усмотрению[168]. Возвращаясь к примеру с производителем сельскохозяйственной продукции – он также может решить, сколько образцов сельскохозяйственных товаров распространять бесплатно. Но

---

[167] Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости // Москва: «Юриспруденция», 2014. С. 102.

[168] Tyrangiel J. Radiohead Says: Pay What You Want, TIME, 2007 // URL: http://content.time.com/time/arts/article/0,8599,1666973,00.html (дата обращения: 01.08.2024).

ожидать, что владельцы (правообладатели) должны позволить потреблять свою продукцию бесплатно для стимулирования продаж – неверно.

По общему правилу, уголовное право применяется в случае поведения лица, нанесшего значительный ущерб общественным интересам вследствие противоправного деяния[169]. Основное различие между имущественными преступлениями и правонарушениями против прав интеллектуальной собственности заключается в том, что первые чаще могут угрожать физической безопасности жертвы, в то время как нарушители прав интеллектуальной собственности чаще всего действуют удаленно. Можно предположить, что одна из главных причин использования уголовных санкций за имущественные преступления заключается в том, что общество уделяет больше внимания защите физической неприкосновенности, так как преступник, совершающий преступление против материального имущества, может применить силу в отношении жертвы. Но даже в рамках имущественных преступлений законодатель не считает это различие определяющим – в рамках уголовных законов лицо может быть в равной степени привлечено к уголовной ответственности за незаконный доступ к чужому банковскому счету, что также является ненасильственным преступлением.

Таким образом, между вредом, нанесенным нарушением прав интеллектуальной собственности, и вредом от имущественных преступлений, имеются существенные сходства. Нарушение прав интеллектуальной собственности может частично или полностью уничтожить ценность товара и уменьшить стимулы к созиданию, так же как это происходит в случае преступления против материального имущества.

Не стоит забывать и о факторе лоббизма. С точки зрения правообладателей, применение уголовных санкций имеет ряд преимуществ. Во-первых, они осуществляются не частными лицами, а правоохранительными органами, что дает б*о*льший доступ к проверке и изъятию материалов и документов. Во-вторых, денежные штрафы, предусмотренные уголовным законодательством, зачастую

[169] Husak D. Overcriminalization: the limits of the criminal law // New York: Oxford University Press, 1st edition, 2009.

могут свести на нет полученную нарушителем прибыль в большей степени, чем компенсация убытков по гражданскому праву, а также послужит эффективным средством предотвращения будущих нарушений. В рамках уголовного законодательства также могут подразумеваться такие суровые санкции, как конфискация техники и оборудования, закрытие предприятия или тюремное заключение.

Затронем также различия между преступлениями против материального и нематериального имущества – здесь можно отметить, что нарушение прав интеллектуальной собственности, как правило, совершается дистанционно и непосредственно не вмешивается в пространство владельцев прав. Кроме того, как указывалось выше, в контексте нарушений интеллектуальной собственности не происходит физического лишения имущества. Наконец, нарушение прав интеллектуальной собственности может не являться противоправным *per se* в отличие от имущественного преступления, поскольку границы интеллектуальной собственности менее четко очерчены и, следовательно, более вероятны случайные нарушения границы объема прав интеллектуальной собственности[170]. В результате, суды должны уделять особое внимание тому, действительно ли нарушители прав интеллектуальной собственности имели достаточную степень преступного умысла.

В контексте данной главы представляется важным также затронуть причины, по которым уголовное право западных стран содержит уголовную ответственность за незаконное использование товарных знаков и объектов авторского права, но не распространяется на патенты.

Прежде всего, остановимся на проблематике ущерба. Владельцы патентов часто предъявляют претензии по поводу того, что санкции, накладываемые на нарушителей, оказываются недостаточными, и что процесс гражданского судопроизводства является очень затратным[171]. Их позиция заключается в том, что

---

[170] Howe H., Griffiths J. (eds). Concepts of Property in Intellectual Property Law // New York: Cambridge University Press, 2013. P. 30.

[171] Duffy J. F. Standing to Challenge Patents, Enforcement Risk, and Separation of Powers // George Washington Law Review. 2015. № 83. P. 644.

применение уголовных санкций позволит владельцам патентов сократить расходы на гражданские судебные разбирательства, переложив часть затрат на государство, и уменьшит количество нарушений за счет создания механизмов сдерживания.

Несмотря на первоначальную перспективность данной концепции, существующие различия между патентами и другими объектами интеллектуальной собственности создают значительные сложности. Даже при высоких затратах на получение патентов, значительная часть патентов в конечном итоге признаются недействительными[172]. К тому же, хотя срок действия патента короче, чем у других объектов интеллектуальной собственности, они обеспечивают самый высокий уровень защиты исключительности прав (монополии)[173].

Наряду с этим, нарушение патента может принести пользу обществу, если оно заставляет рассмотреть ненадлежащим образом выданные патенты, которые препятствуют инновациям[174].

Еще одно существенное различие – любое чрезмерное сдерживание в патентном контексте может оказаться более опасным, чем сдерживание в отношении товарных знаков, так как в области товарных знаков легче придумать подходящее обозначение в качестве товарного знака[175]. Последствия в области патентов будут намного хуже, если целые классы технологий никогда не увидят свет из-за чрезмерного сдерживания.

Некоторые аспекты различий между патентным правом и законодательством о товарных знаках и авторском праве можно проследить в факторе общественного и государственного выбора. Для сравнения, американские лоббирующие

---

[172] Allison J. R., Lemley M. A. Empirical Evidence on the Validity of Litigated Patents // American Intellectual Property Law Association Quarterly Journal. 1998. № 26. P. 185.

[173] Hoffstadt B. M. Dispossession, Intellectual Property, and the Sin of Theoretical Homogeneity // Southern California Law Review. 2007. № 80. P. 951-52.

[174] Kesan J. P., Ball G. How Are Patent Cases Resolved? An Empirical Examination of the Adjudication and Settlement of Patent Disputes // Washington University Law Review. 2006. № 84. P. 244.

[175] Szott Moohr G. The Crime of Copyright Infringement: An Inquiry Based on Morality, Harm, and Criminal Theory // Boston University Law Review Online, 2003. № 83. P. 760.

организации в сфере авторского права на протяжении многих лет активно настаивали на усилении уголовных санкций за пиратство[176].

Некоторые государства смогли более эффективно изолировать патентную систему от лоббирования[177]. Также ИТ-корпорации, в отличие от фармацевтических компаний, выступают против применения уголовных мер[178]. ИТ-корпорации подвержены большему риску в том, чтобы быть обвиненными в нарушении патентных прав (из-за обсуждавшейся выше нечетко очерченной границы объема прав) и, как следствие, не желают подвергать себя риску большей ответственности из-за суровости закона. Тем не менее, в будущем расклад сил между фармацевтической и ИТ отраслями может измениться, повлияв на суровость наказаний[179].

Выводы по параграфу:

1. Институт прав интеллектуальной собственности является формой вмешательства со стороны законодательной власти, аналогичной другим формам правового регулирования конкуренции. Защита прав интеллектуальной собственности как вид правового регулирования обоснована необходимостью стимулировать инновации и творческую активность путем устранения недостатка мотивации, который возникает в условиях сбоя рыночного механизма, характеризующегося недостаточной защитой от несанкционированного использования результатов интеллектуальной деятельности.

2. Только разумная степень защиты прав интеллектуальной собственности имеет положительное влияние в рамках свободной конкуренции и

---

[176] Saperstein L. Copyrights, Criminal Sanctions and Economic Rents: Applying the Rent Seeking Model to the Criminal Law Formulation Process // Journal of Criminal Law and Criminology. 1997. № 87. P 1478-79.

[177] Nard C. A., Morris A. P. Constitutionalizing Patents: From Venice to Philadelphia // Review of Law & Economics. 2006. № 2. P. 309.

[178] Kesan J. P., Gallo A. A. The Political Economy of the Patent System // The North Carolina Law Review. 2009. № 87. P. 1369-70.

[179] Freilich J. The Paradox of Legal Equivalents and Scientific Equivalence: Reconciling Patent Law's Doctrine of Equivalents with the FDA's Bioequivalence Requirement // Southern Methodist University Law Review. 2013. № 66. P. 76.

рыночной экономики. Чрезмерно суровая правовая защита оказывает негативное воздействие на инновации и благосостояние общества и создает неоправданный барьер для выхода новых участников на рынок.

3. Выделяются такие формы незаконного использования товарного знака третьим лицом, как контрафакция (идентичное использование) и имитация (подражание). Учитывая различные социальные последствия этих форм незаконного использования, правовые меры против «имитаторов» не должны быть такими же строгими, как против «пиратов». При этом, в законодательстве зачастую отсутствует четкое разграничение между этими формами нарушения, что приводит к дисбалансу при правотворчестве.

4. Идентичное использование товарного знака (подделка или контрафакция) является безусловным нарушением исключительных прав правообладателя. Борьба с подделками (контрафактными товарами) требует суровой реакции на правовом уровне. В данном случае, уголовное преследование является эффективным инструментом против таких нарушений.

5. Имеется значительное сходство между ущербом, причиняемым нарушением прав интеллектуальной собственности, и ущербом от преступлений против материального имущества. Нарушение прав интеллектуальной собственности может привести к частичному или полному разрушению ценности продукта и снизить мотивацию к созидательности, что аналогично последствиям преступлений против материального имущества.

6. В современных государствах уголовные санкции в отношении нарушений прав на товарный знак должны рассматриваться как *ultima ratio*, то есть наиболее суровой и крайней мерой государственного реагирования, когда применение санкций гражданского или административного права не дает желаемого эффекта в противодействии наиболее вредоносным деяниям и не обеспечивает охрану значимых отношений.

7. Возможность применения уголовных санкций против незаконного использования товарного знака имеет ряд преимуществ для правообладателей. Во-первых, они применяются правоохранительными органами, что дает б*о*льший

доступ к проверке деятельности нарушителя и изъятию материалов и документов. Во-вторых, в рамках уголовного законодательства могут предусматриваться суровые санкции, такие как конфискация техники и оборудования, закрытие предприятия, тюремное заключение, и денежные штрафы.

§ 3. Экономические предпосылки установления уголовной ответственности за нарушение прав на товарный знак

Незаконное использование объектов интеллектуальной собственности, в частности контрафакция и пиратство в контексте интеллектуальной собственности на сегодняшний день вездесущи в общественном сознании[180]. Многие средства массовой информации сообщают о драматичной судьбе инновационных отраслей, подверженных глобальным атакам. Но они – не единственные жертвы. Подделка товаров с нарушением прав интеллектуальной собственности угрожает здоровью потребителей, поскольку одни из наиболее пострадавших секторов – фармацевтическая промышленность, производители технических устройств и иной продукции (к примеру, детские игрушки). Аналогичным образом затрагивается и индустрия развлечений. Все они ссылаются на негативное влияние контрафакции и пиратства на глобальном уровне.

Контрафактные товары зачастую являются идентичными оригинальным товарам, что позволяет сбывать их в качестве подлинных товаров. Подобные действия включают в себя незаконное использование товарных знаков на фармацевтических продуктах, одежде, парфюмерии, домашней утвари и иной продукции, которая произведена третьими лицами без разрешения правообладателя и которая реализуется в том виде, в котором потребители зачастую не в состоянии отличить их от подлинных продуктов.

Основной причиной для занятия производством и торговлей контрафактной продукции является возможность получать значительную прибыль, незаконно используя интеллектуальные достижения и финансовые инвестиции других лиц.

---

[180] Занковский С. С. Предпринимательское право и практика в XXI веке: защита прав на товарный знак // Modern Science. 2019. № 11-3. С. 62-67.

Очевидно, что этот рынок не смог бы существовать, если бы на него не было спроса, подпитываемого общественным мнением, что контрафакция является безобидным нарушением. Это приводит к выводу, что кража прав интеллектуальной собственности до сих пор не является в общественном сознании серьезным преступлением. Это положение обостряется следующими факторами:

1) неспособностью государств и хозяйствующих субъектов сообщить потребителям о предостерегающих их опасностях при использования незаконных продуктов и опасных последствиях от существования этого рынка; и

2) наложением неадекватно мягких наказаний правоохранительными органами.

С начала 1980-х рынок контрафактной продукции вырос до такой степени, что ныне представляет собой широко распространенный феномен с глобальным воздействием. Причины появления данного феномена различны. Они включают в себя развитие технологий, которые облегчили стремительное и массовое производство копий при минимальных издержках, повышение спроса на продукцию известных брендов, экономические и политические изменения, такие как развитие международной торговли, глобализация экономики, развитие средств коммуникации и возможностей организованной преступности.

К примеру, развитие технологий и возможностей доступа к производственному оборудованию, бывшему в употреблении, облегчило создание различной контрафактной продукции – от традиционных областей вроде сигарет и одежды до высокотехнологичных секторов вроде компьютерных программ.

Неконтролируемые производственные секторы, которые выпускают контрафактную продукцию, требуют несравнимо меньших расходов по следующим причинам:

1) они зачастую располагаются в государствах с дешевой рабочей силой и ценами на сырье;

2) качество производственного оборудования чрезвычайно низко;

3) отсутствует контроль качества продукции;

4) отсутствует необходимость планирования и финансирования на долгосрочной основе;

5) отсутствуют расходы на соответствие регулятивным требованиям, на которые законопослушным предприятиям приходится тратить значительные суммы.

Как мы рассмотрели выше, контрафакция – это форма кражи результатов интеллектуальной деятельности. Она связана с незаконным производством, торговлей и пользованием интеллектуальной собственности. Экономические издержки контрафакции аналогичны тем, которые возникают при других видах краж. Контрафакция отвлекает на себя значительные частные и государственные ресурсы, которые в противном случае могли бы использоваться для более продуктивных целей.

Контрафакция имеет очевидные экономические последствия – замедление развития инноваций, финансирование криминальных группировок, негативное влияние на окружающую среду, неудовлетворительные трудовые условия. Более того, в государствах, где широко распространена контрафакция, прямые инвестиции имеют тенденцию к снижению, а структура торговли оказывается негативно затронута. Представляется важным детальнее раскрыть эти последствия.

Инновации являются одним из основных факторов экономического роста благодаря разработке и использованию идей для новых продуктов и процессов[181]. Инноваторы защищают проявления своих идей посредством патентов, авторских прав и товарных знаков. Без надлежащей защиты этих прав интеллектуальной собственности исчезает стимул для разработки новых продуктов. Риски особенно высоки для тех отраслей, в которых затраты на исследования и разработку новых продуктов являются высокими по сравнению с затратами на производство готовой продукции – примером может служить фармацевтическая отрасль. Таким образом,

[181] Commission Staff Working Document: Report on the protection and enforcement of intellectual property rights in third countries. European Commission. Brussels, SWD(2023), 153 final // URL: https://circabc.europa.eu/rest/download/7099aee0-c68f-42c5-ae30-5350a879a30e (дата обращения: 01.08.2024).

контрафакция в той мере, в какой она подрывает усилия инноваторов, может иметь важные неблагоприятные последствия для исследований.

Контрафакция зачастую переводит денежные потоки на лиц, занимающихся противозаконной деятельностью, включая уклонение от уплаты налогов и незаконный оборот наркотических средств. Можно предположить, что часть этих денежных средств в дальнейшем используется для поддержания преступной деятельности.

Контрафакция негативно отражается на окружающей среде. Растущий объем изъятых товаров вызывает экологические проблемы, поскольку их уничтожение является дорогостоящим процессом и образует значительные отходы.

Контрафакция также негативно влияет на занятость населения в затронутых секторах[182]. Представляется возможным проследить переход рабочих мест от правообладателей к нарушителям. Этот сдвиг имеет негативные последствия для работников, поскольку условия труда в организациях, занимающихся незаконной деятельностью, зачастую намного хуже, чем те, которые предлагаются на предприятиях, которые придерживаются норм охраны здоровья и безопасности.

Наконец, контрафакция влияет на приток иностранных инвестиций. Ситуация в отношении прав интеллектуальной собственности является одним из факторов, которые рассматриваются компаниями, инвестирующими на глобальном уровне.

Правообладатели, со своей стороны, ощущают снижение объема продаж, давление на ценообразование, ущерб для бренда и репутации, снижение лицензионных платежей, отсутствие стимулов для инвестирования в новые продукты и увеличение расходов на борьбу с контрафакцией.

Поддельные продукты вытесняют легальные продукты с рынка, снижая рыночную долю правообладателя и оказывая давление на цены оригинальных товаров. В случае с товарными знаками потеря доли рынка имеет два компонента

---

[182] Fink C., Maskus K. E., Qian Y. The Economic Effects of Counterfeiting and Piracy: A Review and Implications for Developing Countries // Policy Research Working Paper; No. 7586. World Bank, Washington, DC. 2016.

– снижение продаж по причине того, что потребители покупают контрафактные товары, считая их подлинными, или по причине того, что потребители сознательно покупают более дешевые поддельные товары вместо оригинальных.

Что касается стоимости бренда и репутации компании, контрафактная продукция может навредить им с течением времени[183]. Например, те потребители, которые полагали, что они покупают подлинную продукцию, могут, обнаружив подделку, обвинить правообладателя в невысоком качестве товара. Если же потребитель не узнал о том, что товар является поддельным, он может в будущем отказаться покупать другой продукт у правообладателя по причине его низкого качества.

Контрафакция широко распространена во многих государствах и представляет собой многомиллиардную индустрию. Измерение уровня контрафакции помогает понять масштабы проблемы и связанные с ней социальные издержки.

В Российской Федерации, по данным Федеральной Таможенной Службы, за 2021 г. было выявлено 7,2 млн единиц контрафактной продукции, за 2022 г. – 8,2 млн единиц контрафактной продукции[184]. В 2023 г. количество выявленной контрафактной продукции составило 4,9 млн единиц[185].

Оборот рынка нелегальной продукции в Российской Федерации продолжает расти. За 2020-2023 годы прирост составил 58%, а оборот увеличился до 4,9 трлн рублей. Доля нелегальной продукции в обороте розничной торговли выросла с 9% в 2021 году до 10,2% в 2022 году. В 2023 году ситуация практически не изменилась

---

[183] Батрова Т.А. К вопросу о толковании юридических понятий или правовая охрана товарных знаков. // Теория государства и права. 2020. № 2(18). С. 42-51.

[184] ФТС РФ указал, что часть роста контрафакта может быть связана с легализацией в 2022 году параллельного импорта // URL: https://1prime.ru/state_regulation/20231006/841908043.html (дата обращения: 01.08.2024).

[185] «ФТС: в 2023 г. на таможне выявили более 4,9 млн единиц контрафактной продукции» // СМИ Shopper's. URL: https://shoppers.media/news/12823_fts-v-2023-g-na-tamozne-vyiavili-bolee-49-mln-edinic-kontrafaktnoi-produkcii (дата обращения: 01.08.2024).

– 10,1%. Выделяются следующие причины роста: инфляция, легализация параллельного импорта, мораторий на проверки бизнеса, рост маркетплейсов[186].

Одним из основных исследований, посвященных влиянию контрафакции и пиратства на мировом уровне, являются отчеты, подготавливаемые Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Прежде чем перейти к анализу исследований ОЭСР, для целей данной главы стоит коснуться причин одновременного использования понятий «*контрафакция*» и «*пиратство*». Термин «*контрафакция*» относится к случаям нарушения прав на товарный знак, включая введение потребителя в заблуждение. Однако рассматриваемое противоправное деяние может одновременно включать несанкционированное производство и распространение продукта, защищенного иными правами интеллектуальной собственности – чаще всего, авторским правом. В данном случае речь идет о пиратстве. Важно отметить, что термин «*контрафакция*» соответствует немецкому термину «*produktpiraterie*» и французскому термину «*contrefaçon*», которые охватывают более широкий спектр нарушений прав на интеллектуальную собственность[187].

Различные виды нарушений прав интеллектуальной собственности часто пересекаются между собой. К примеру, музыкальное пиратство может нарушать и авторские права, и права на товарный знак. Аналогичным образом, поддельные игрушки могут продаваться под незаконным товарным знаком, но при этом нарушать как права на товарный знак, так и авторские права[188]. При условии, что нарушение прав на товарный знак отсутствует, возникающие правовые проблемы часто затрагивают законодательство о товарных знаках. Соответственно, для целей настоящей главы и, в частности, при анализе исследований о влиянии незаконной деятельности в сфере интеллектуальной собственности на экономику, в ряде

---

[186] РБК Исследования Рынков: «Оценка рынка нелегальной продукции в России». URL: https://marketing.rbc.ru/research/51134/ (дата обращения: 01.08.2024).
[187] Dornis T. W. Trademark and Unfair Competition Conflicts: Historical-Comparative, Doctrinal, and Economic Perspectives // Cambridge Intellectual Property and Information Law, 2017. P. 16.
[188] The Economic Impact of Counterfeiting. Organization for Economic Co-operation and Development. 1998. P. 5. // URL: https://www.oecd.org/sti/ind/2090589.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

случаев мы считаем разумным одновременное использование терминов «*контрафакция*» и «*пиратство*» по аналогии с их использованием в соответствующих официальных документах.

ОЭСР впервые приступила к осуществлению проекта по оценке масштабов и последствий контрафакции и пиратства в мире в 2005 году. Результаты этого проекты были опубликованы в докладе под названием «Экономический эффект контрафакции и пиратства». В докладе было отмечено, что международная торговля контрафактной и пиратской продукцией в 2007 году составила 1.95%, или рынок размером 250 млрд. долл. США.

С 2016 года ОЭСР начала проводить исследование данной проблемы в сотрудничестве с Ведомством по интеллектуальной собственности Европейского союза (Ведомство ЕС). В 2016 году, ОЭСР и Ведомство ЕС совместно опубликовали обновленный доклад, в котором подчеркнули, что международный рынок контрафактной и пиратской продукции увеличился, составив в 2013 году более 461 млрд. долл. США[189]. Кроме того, было установлено, что контрафактная и пиратская продукция превысила 2.5% от объема всей мировой торговли.

Следующий доклад был опубликован в 2019 году[190]. В соответствии с ним, объем контрафактной пиратской продукции в 2016 году составил 509 млрд. долл. США, или 3.3% всей мировой торговли.

Последний на сегодняшний день совместный доклад ОЭСР и Ведомства ЕС был опубликован в 2021 году[191]. В соответствии с ним, в 2019 году объем международной торговли контрафактной и пиратской продукцией составил 464 млрд. долл. США, или 2.5% от объема всей мировой торговли. Представляет

---

[189] Trade in Counterfeit and Pirated Goods: Mapping the Economic Impact. OECD, European Union Intellectual Property Office. OECD Publishing, Paris. 2016 // URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264252653-en (дата обращения: 01.08.2024).

[190] Illicit Trade: Trends in Trade in Counterfeit and Pirated Goods. OECD, European Union Intellectual Property Office. OECD Publishing, Paris. 2019 // URL: https://doi.org/10.1787/g2g9f533-en (дата обращения: 01.08.2024).

[191] Global Trade in Fakes: A Worrying Threat, Illicit Trade. OECD, European Union Intellectual Property Office, OECD Publishing, Paris. 2021 // URL: https://doi.org/10.1787/74c81154-en (дата обращения: 01.08.2024).

интерес следующий факт – объем контрафактной и пиратской продукции сравним с ВВП таких стран, как Австрия или Бельгия.

Ведомство по Патентам и Товарным Знакам США сообщает о еще больших цифрах – так, по состоянию на 2018 год, объем внутренних и международных продаж контрафактной и пиратской продукции оценивался от 1,7 до 4,5 триллионов долл. США в год[192].

ОЭСР в своих исследованиях ссылается на определение понятий «*контрафакция*» и «*пиратство*», содержащееся в Соглашении ТРИПС. В этом контексте следует иметь в виду два важных момента. Во-первых, эти определения используются только для целей докладов ОЭСР. Во-вторых, исследования ОЭСР не включают произведенные и потребляемые внутри страны (то есть, не экспортировавшиеся) контрафактные и пиратские продукты, а также нематериальные нарушения, такие как онлайн-пиратство или нарушения других объектов интеллектуальной собственности.

Анализ вышеуказанных исследований позволяет говорить о том, что организованные преступные группы играют всё более важную роль в деятельности по производству и сбыту контрафакции. Торговые маршруты поддельных товаров сложны и подвержены динамическим изменениям. Представляется возможным проследить, что из года в год происходят значительные изменения, поскольку торговцы оперативно пользуются недостатками государственного контроля и управления.

В исследованиях выделяются пять основных факторов, влияющих на подверженность государства торговле поддельными товарами:

1. Управление: высокий уровень коррупции и низкий уровень охраны интеллектуальной собственности – факторы, которые сильно влияют на степень экспорта поддельных товаров из экономики.

---

[192] U.S. Intellectual Property and Counterfeit Goods— Landscape Review of Existing/Emerging Research. A Report Prepared by the Federal Research Division, Library of Congress, Under an Interagency Agreement with the U.S. Patent and Trademark Office, U.S. Department of Commerce. 2020 // URL: https://www.uspto.gov/sites/default/files/documents/USPTO-Counterfeit.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

2. Наличие зон свободной торговли (ЗСТ) с хорошей инфраструктурой, но при этом ограниченным государственным надзором, которые используются как относительно безопасная среда для «пиратов»[193]. Доля поддельных товаров из стран, в которых расположены 20 крупнейших ЗСТ, вдвое больше, чем из стран, в которых нет ЗСТ. Существование, количество и размер ЗСТ в стране коррелируют с увеличением стоимости контрафактной и пиратской продукции, экспортируемой из этой страны.

3. Производственные мощности: низкие затраты на рабочую силу и слабое регулирование рынка труда являются важными движущими силами торговли контрафактными и пиратскими товарами.

4. Логистические возможности и оборудование: возможность отслеживать транспортировку товаров является ключевым фактором сокращения доли контрафактной и пиратской продукции в экспорте.

5. Политика содействия торговле, которая ссылается на то, что повышение прозрачности снизит вероятность того, что экономика будет экспортировать подделки: это включает доступность подробной информации о торговых потоках, степень вовлеченности экономики в торговое сообщество, прозрачный пересмотр пошлин и сборов, взимаемых с импорта и экспорта, и внутреннее сотрудничество между пограничным ведомством (таможней) и другими государственными органами.

Контрафактная и пиратская продукция следуют по сложным торговым маршрутам, используя промежуточные транзитные пункты. Многие из транзитных стран имеют крупные зоны свободной торговли, которые являются важными центрами международной торговли. Анализ контрафактного трафика определил ряд важных промежуточных транзитных пунктов. Некоторые из них, такие как Гонконг, Китай или Сингапур, являются важными узлами международной торговли в целом. К другим транзитным точкам относятся экономики с очень

[193] Recommendation of the Council on Countering Illicit Trade: Enhancing Transparency in Free Trade Zones. OECD/LEGAL/0454, 2021.

слабым управлением и наличием сильного присутствия организованных преступных или террористических сетей.

Поддельные и пиратские товары доставляются практически всеми видами транспорта, включая небольшие посылки. Использование мелких партий подделок также продолжает расти[194]. Небольшие посылки перевозят через границу морским, автомобильным, железнодорожным или воздушным транспортом. Небольшие посылки, отправляемые почтой или курьерскими службами, являются примером упрощения процедур торговли, и они также позволяют преступникам снизить вероятность обнаружения и минимизировать риск наказания. Распространение мелких грузов увеличивает стоимость проверок и задержаний для таможни и создает дополнительные серьезные проблемы для правоохранительных органов.

Поддельные товары можно найти в постоянно растущем количестве отраслей, таких как товары повседневного спроса (обувь, косметика, игрушки), товары для бизнеса (запчасти или химические вещества), товары для ИТ (телефоны, аккумуляторы) и предметы роскоши (модная одежда, роскошные часы)[195]. Важно отметить, что многие поддельные товары, особенно продукты питания, фармацевтические препараты и медицинское оборудование, могут представлять серьезный риск для здоровья и безопасности[196].

В рамках данной главы стоит также обратить внимание на еще одно, более раннее исследование, заказанное Международной Торговой Палатой посредством своей инициативы «Бизнес в борьбе с распространением контрафактной продукции и пиратством» («BASCAP»). В соответствии с отчетом, заказанным BASCAP и

---

[194] Governance Frameworks to Counter Illicit Trade. OECD. OECD Publishing, Paris. 2018 // URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264291652-en (дата обращения: 01.08.2024).

[195] Combating Trafficking in Counterfeit and Pirated Goods Report to the President of the United States. United States Department of Homeland Security. 24 January 2020. pp. 16 // URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/20_0124_plcy_counterfeit-pirated-goods-report_01.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

[196] Illicit Trade: Trade in Counterfeit Pharmaceutical Products. OECD, European Union Intellectual Property Office. OECD Publishing, Paris, 2021 // URL: https://doi.org/10.1787/a7c7e054-en (дата обращения: 01.08.2024).

Международной ассоциацией по товарным знакам («INTA»), к 2022 году проецировался объем контрафактной торговли в размере 991 млрд. долл. США[197].

При анализе исследований по данной тематике возникают важные вопросы, включая происхождение драматических цифр, распространяемых в официальных и неофициальных изданиях. На первый взгляд может показаться, что такие данные собираются независимыми организациями. Однако это не исключает вероятность влияния заинтересованных сторон на происхождение этих данных. Вопрос также возникает о том, как рассчитываются заявленные потери, так как группы потребителей, выбирающие контрафактные товары, и те, кто готов платить за оригинальные товары, различны. Это подчеркивает отсутствие универсального "золотого" стандарта для оценки воздействия нарушений прав интеллектуальной собственности. В итоге комплексный анализ такой статистики представляется практически невозможным в настоящее время. В результате комплексно проанализировать такую статистику практически невозможно.

В рамках настоящего исследования невозможно не отметить позитивные эффекты существования рынка контрафакции и пиратства:

1) потребители, которые «сознательно» покупают контрафактный или пиратский товар, потому что он дешевле, или потому, что подлинный товар недоступен, могут испытать положительный эффект от таких покупок;

2) поддельные товары по более низким ценам могут оказывать конкурентное давление на снижение цен на подлинные товары;

3) потребители могут использовать пиратские товары для ознакомления с музыкой, фильмами, программного обеспечения или электронных игр перед покупкой законных копий, что может привести к увеличению продаж подлинных товаров;

---

[197] The Economic Impacts of Counterfeiting and Piracy: Report prepared for BASCAP and International Trademark Association. Frontier Economics. 2016 // URL: https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2017/02/ICC-BASCAP-Frontier-report-2016.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

4) правообладатели, которые терпят убытки в одном направлении бизнеса, могут увеличить доходы в смежном или дополнительном бизнесе из-за повышения узнаваемости бренда. Например, компании могут получить увеличенный доход за счет продажи товаров, основанных на персонажах фильмов, популярность которых повышается за счет продаж пиратских фильмов.

Впрочем, отрицать нанесение ущерба нельзя – крупномасштабное нарушение прав интеллектуальной собственности в различных формах неоспоримо. Необходимость предоставить правообладателям адекватные средства, позволяющие им реализовать свое законное право, очевидна: без эффективного обеспечения соблюдения прав, права интеллектуальной собственности – не что иное, как пустая оболочка. Другими словами, существует взаимная и существенная взаимосвязь между предоставлением прав интеллектуальной собственности и эффективным правоприменением (охраной). Однако эти взаимоотношения амбивалентны. Без надлежащего правоприменения объем защиты – точнее, чрезмерная защита – не имеет значения. Влияние прав интеллектуальной собственности становится очевидным только тогда, когда они полностью соблюдены.

Таким образом, вопрос о влиянии предоставленной защиты – является ли такая защита слишком слабой или слишком сильной – может быть оценен только в свете эффективного правоприменения, так же как и несоответствия в механизме охраны прав интеллектуальной собственности могут быть выявлены только по факту правоприменения.

Выводы по параграфу:

1. Основной причиной для занятия производством и торговлей контрафактными продуктами являются потенциально крупные доходы от незаконного использования интеллектуальных достижений и финансовых инвестиций третьих лиц-правообладателей.

2. Рынок контрафактной продукции представляет собой широко распространенный феномен с глобальным воздействием. Основными причинами

данного феномена являются развитие технологий, повышение спроса, развитие международной торговли, глобализация экономики, развитие средств коммуникации и возможностей организованной преступности.

3. Контрафакция имеет очевидные экономические последствия: замедление развития инноваций, финансирование криминальных группировок, негативное влияние на окружающую среду, неудовлетворительные трудовые условия, снижение прямых инвестиций.

4. В свете роста и развития рынка контрафактной продукции, очевидна необходимость предоставления правообладателям на законодательном уровне адекватных средств, которые позволят им реализовывать защиту их прав интеллектуальной собственности от незаконного использования.

ГЛАВА II. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Современное законодательство Российской Федерации в сфере уголовно-правовой охраны прав на товарный знак

Рассматриваемое настоящим исследованием преступление в российском уголовном законе включено в ст. 180 Уголовного кодекса РФ, которая озаглавлена «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»[198]. Правовой основой включения данной нормы являются международные обязательства, взятые на себя СССР и признанные Российской Федерацией. Среди них первостепенными являются Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г., Мадридское соглашение о международной регистрации знаков 1891 г., а также Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков 1989 г. и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 г.[199]

Наименование рассматриваемой нормы было изменено с «Незаконное использование *товарного знака*» на «Незаконное использование *средств индивидуализации товаров (работ, услуг)*» *(выделено мною – Д. А.)* в результате принятия Федерального закона от 31 декабря 2014 года № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий»[200]. Наименование было оставлено в неизменном виде при изменении редакции отдельных норм этой статьи Федеральным законом от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ «О внесении изменений в

---

[198] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2024).

[199] Серебруев И. В. Уголовно-правовая специфика незаконного использования товарного знака: постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2015. № 2(101). С. 67-79.

[200] Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий" (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1 (часть I). Ст. 83.

Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[201]. Данный шаг с нашей стороны приветствуется, так как нынешнее наименование указанной нормы отвечает соображениям лаконичности. Стоит заметить, что о необходимости изменения первоначального наименования писали в своих научных работах Е.В. Демьяненко, А.А. Козлов[202].

Согласно ч. 1 ст. 180 УК РФ, незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб, наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев.

Квалифицированные виды рассматриваемого преступления, согласно последней редакции ч. 2 и ч. 3 ст. 180 УК РФ, следующие:

– деяние, предусмотренное частью первой рассматриваемой статьи, совершенное группой лиц по предварительному сговору, наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до четырехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до ста тысяч рублей или в

---

[201] Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Российская газета». 10.04.2024. № 78.

[202] Демьяненко Е. В. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака: дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2003. С. 89; Козлов А. А. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. С. 25.

размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо без такового;

– деяние, предусмотренное частью первой рассматриваемой статьи, совершенное организованной группой, наказывается штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

Примечание к ст. 180 УК РФ было введено в соответствии с вышеупомянутым Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 530-ФЗ, согласно которому крупным ущербом в рассматриваемой норме признавался ущерб, сумма которого превышает 250 тыс. рублей. На момент завершения настоящего исследования, в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ, порог размера крупного ущерба увеличен до 400 тыс. рублей.

Предпосылок для принятия рассматриваемой нормы в новой редакции с увеличенным порогом размера крупного ущерба было несколько. О необходимости изменений в законодательстве впервые было сказано на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) – особый акцент был сделан на процессе правовой гуманизации и уменьшения злоупотреблений в отношении предпринимателей[203]. Предыдущие индексации по многим преступлениям экономической направленности имели место в 2011 и 2016 годах. Кроме того, за последние годы, с учетом социальных и геополитических процессов, произошел значительный рост уровня инфляции, вследствие чего произошло неоправданное вовлечение в сферу уголовного преследования субъектов совершения проступков, не имеющих признаков уровня достаточной степени общественной опасности, которые подразумевались составом уголовного преступления изначально. Нам

[203] «Путин потребовал "не подводить под статью" бизнес без лицензий, отозванных Западом» / Информационное агентство ТАСС // URL: https://tass.ru/ekonomika/14953545 (дата обращения: 01.08.2024).

видится обоснованным увеличение порога размера крупного ущерба по рассматриваемому составу преступления на 60%. Вместе с тем, инфляционные процессы в экономике могут в скором времени снова поставить вопрос о необходимости дальнейшего увеличения порога размера крупного ущерба. Этот же вопрос поднимался в рамках обсуждения законопроекта в Государственной Думе РФ, однако решение по нему не было предложено[204].

Нельзя не отметить и иные предпринимаемые государством меры по гуманизации уголовного законодательства за преступления в сфере экономической деятельности. Так, согласно Федеральному закону от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[205], в действие была введена ст. 76.1, согласно ч. 2 которой (с последующими изменениями и дополнениями) лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное, среди прочего, частями 1 - 3 ст. 180 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и двукратной суммы причиненного ущерба, либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной

---

[204] Стенограмма заседания 30 мая 2023 года / Заседание Государственной Думы РФ № 126 // URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/6104/ (дата обращения: 01.08.2024).

[205] Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

части УК РФ, и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы. В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ, освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба распространено только на лиц, впервые совершивших, в числе иного, преступления, предусмотренные частями 1 и 2 ст. 180 УК РФ.

В докладе о состоянии правовой охраны, использования и защиты интеллектуальной собственности в РФ, авторы отмечали, что в 2016 году наблюдалось значительное увеличение числа лиц, подвергнутых уголовной ответственности за незаконное использование товарного знака, по сравнению с предыдущим (2015) годом[206]. Проведенные автором обобщение и анализ статистики и судебно-следственной практики за 2016-2023 гг. показывает, что применение уголовно-правовых норм в контексте ст. 180 УК РФ не является значительным, а число осужденных в целом остается стабильным на протяжении последних восьми лет (Таблица 1).

Таблица 1 - Количество лиц, осужденных по ст. 180 УК РФ в 2016-2023 гг.

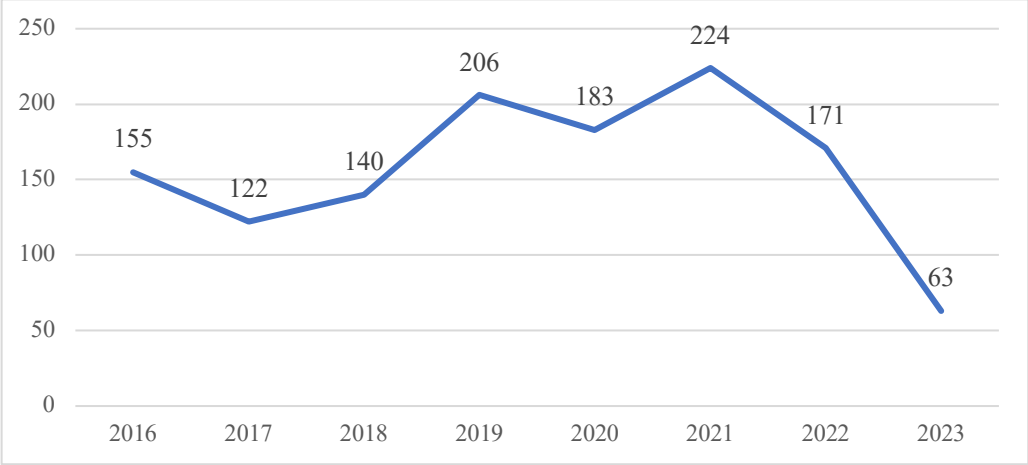
Количество осужденных по ст. 180 УК РФ	***Годы***							
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Часть 1	155	122	140	206	183	224	171	63
Часть 2	0	0	0	1	0	0	1	0
Часть 3	64	59	67	66	52	52	46	57
Часть 4	0	20	33	23	44	41	71	91
Итого по ст. 180 УК РФ	**219**	**201**	**240**	**296**	**279**	**317**	**289**	**211**

Составлено автором.

[206] Лопатин В. Н., Голобокова Г. М., Дорошков В. В., Синельникова В. Н., Обрезанов С. А., Назмиев Э. Ф. и др. О состоянии правовой охраны, использования и защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации в 2016 году. Национальный аналитический доклад / под научной редакцией доктора юридических наук В.Н. Лопатина. М., 2017. С. 464.

Таким образом, динамика осужденных по составу преступления, предусмотренному по ч. 1 ст. 180 УК РФ, за указанные годы следующая (Таблица 2):

Таблица 2 - Динамика количества лиц, осужденных по ч. 1 ст. 180 УК РФ в 2016-2023 гг.

Составлено автором по данным таблицы 1.

Выводы по параграфу:

1. Законодательное увеличение порога размера крупного ущерба по ст. 180 УК РФ представляется своевременным и должно сделать преследование преступлений более эффективным. Однако инфляционные процессы в экономике могут в скором времени снова поставить вопрос о необходимости дальнейшего увеличения порога размера крупного ущерба, потому что существует реальный риск того, что он перестанет отвечать экономическим реалиям государства.

2. Лицо, впервые совершившее рассматриваемое преступление, освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и двукратной суммы причиненного ущерба, либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет

денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы

3. Анализ данных указывает, что применение уголовно-правовых мер и количество осужденных по ст. 180 УК РФ остается стабильным на протяжении последних восьми лет.

§ 2. Объективные признаки состава незаконного использования товарного знака по законодательству Российской Федерации

Исследование состава преступления традиционно начинается с такого элемента, как объект преступления, который позволяет разграничить преступления одной группы от другой.

Общепризнанным считается, что общий объект для всех преступлений един – им выступают права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества.

Определение родового и видового объекта исходит из местоположения рассматриваемого преступления в структуре уголовного закона. Поскольку преступление, предусмотренное ст. 180 УК РФ, включено в раздел VIII, объединяющий преступления в сфере экономики, и в частности в главу 22, посвященную преступлениям в сфере экономической деятельности, это позволяет считать, что родовым объектом незаконного использования товарного знака являются общественные отношения, возникающие в сфере экономики. Соответственно, видовым объектом преступления выступают общественные отношения, связанные с экономической деятельностью.

Касательно вопроса о непосредственном объекте преступления, единой позиции на этот счет в уголовной науке не наблюдается. Ниже представим некоторые точки зрения ученых в отношении содержания непосредственного объекта состава преступления по ст. 180 УК РФ:

1) непосредственный объект – это общественные отношения, обеспечивающие защиту деловой репутации[207];

2) непосредственный объект – это общественные отношения, основанные на принципе добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности[208];

3) непосредственный объект – это общественные отношения в сфере обеспечения добросовестной конкуренции и права пользования товарным знаком[209];

4) непосредственный объект рассматриваемого состава преступления состоит из основного непосредственного объекта, которым является интерес субъекта экономической деятельности на использование принадлежащего ему товарного знака, и дополнительного непосредственного объекта, которым является интерес законной добросовестной конкуренции[210].

В уголовном праве непосредственным объектом преступления считается та конкретная личная, общественная или государственная ценность, которая подвергается вреду в ходе совершения правонарушения. В отношении двухобъектных преступлений, конструкция которых включает в себя два объекта, традиционно применяется классификация объектов преступлений «по горизонтали», и выделяются основной и дополнительный непосредственный объект. Основной объект составляют те общественные отношения, для охраны

---

[207] См., напр.: Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998. С. 230.

[208] См., напр.: Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики : авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006. С. 432.

[209] См., напр.: Уголовное право России: (Особенная часть)/ отв ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 206; Витвицкая, С. С, Витвицкий, А. А. Преступления в сфере экономической деятельности: (уголовно-правовой аспект). Ростов н/Д, 1998. С. 77; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. А. С. Михлин. М., 2000. С. 380.

[210] Быкодорова А. Ф. Уголовно-правовое значение незаконного использования товарного знака: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 58.

которых создана данная уголовно-правовая норма, а критерием выделения служит не важность объекта, а общая направленность деяния и зависимость от его связи с родовым объектом[211].

В рамках настоящего исследования мы придерживаемся позиции, что в случае с преступлением по ст. 180 УК РФ незаконное деяние направлено на общественные отношения, складывающиеся по поводу исключительных прав правообладателя на средства индивидуализации товаров, работ и услуг (товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товаров и сходные с ними обозначения для однородных товаров) – для охраны этих общественных отношений создана рассматриваемая норма, и они выступают основным непосредственным объектом преступления.

Дополнительным непосредственным объектом преступления следует считать общественные отношения, которые возникают по поводу добросовестной конкуренции субъектов предпринимательской деятельности. Это связано с тем, что средства индивидуализации применяются в конкурентной среде, и их незаконное использование явно нарушает общественные отношения в данной сфере.

Анализ диспозиции ст. 180 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что не все интеллектуальные права, предусмотренные гражданским законом, входят в содержание непосредственного объекта преступления. Так, средства индивидуализации, индивидуализирующие предприятие, а именно право на фирменное наименование и право на коммерческое обозначение, не выступают в качестве непосредственного объекта преступления[212].

В этом контексте стоит затронуть вопрос об уголовной ответственности за незаконное использование географических указаний. 27 июля 2020 года вступил в силу Федеральный закон от 26 июля 2019 года № 230-ФЗ «О внесении изменений

---

[211] См.: Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе переработанное и дополненное / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2008, С. 108; Уголовное право. Общая и особенная части: учебник / В.И. Гладких, М.Г. Решняк. Москва: Эксмо, 2022. С. 45.

[212] Ализаде Д.Э. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане // Мировой судья. 2024. № 4. С. 8-13.

в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»[213]. Согласно этому закону, в гражданский закон было введено новое средство индивидуализации – географическое указание[214]. Географическое указание и наименование места происхождения товара указывают на связь между продуктом и его местом происхождения. Они информируют потребителей о происхождении продукта и его качестве или характеристиках, зависящих от места происхождения. Главное различие между ними заключается в том, что для использования наименования места происхождения товара требуется более тесная связь с этим местом. Это означает, что особенности наименования места происхождения товара определяются исключительно характерными для данной географической локации природными условиями или человеческими факторами. Важно, чтобы все этапы производства товара, оказывающие существенное воздействие на его особенности, осуществлялись именно на территории этой географической локации. В случае географического указания, хотя бы один этап производства товара, существенно влияющий на его характеристики, должен осуществляться на территории данной географической локации.

Принятие новых правил о географических указаниях было вызвано, в первую очередь, необходимостью охраны отечественных обозначений, указывающих на географическое происхождение товаров. Эти товары, фактически обладая соответствующим качеством и репутацией, не могли получить правовую защиту в виде наименования места происхождения товара из-за ограничений, установленных отечественным законодательством для данной категории. Новые

---

[213] Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ "О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 30. Ст. 4132.

[214] Ализаде Д.Э. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане // Мировой судья. 2024. № 4. С. 11.

правила ввели более «мягкие» требования для предоставления правовой защиты этим обозначениям через правовой институт географических указаний. Кроме того, введение в гражданский закон такого объекта интеллектуальной собственности, как географическое указание, позволяет регистрировать иностранные географические указания, которые пользовались правовой охраной в стране происхождения, но не в качестве наименования места происхождения товара.

Несмотря на нововведения в гражданском законодательстве, уголовной ответственности за несанкционированное использование географических указаний, в отличие от наименований места происхождения товара, на сегодняшний день не предусмотрено[215]. Нам представляется, что это упущение законодателя.

Для выяснения сущности объекта преступления следует определить предмет преступления, который имеет немаловажное значение для правильной квалификации деяния, а свойства предмета во многих случаях служат основанием для разграничения смежных преступлений[216]. Согласно общепризнанной позиции, которую мы поддерживаем, в качестве предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК РФ, выступают чужой товарный знак, знак обслуживания и наименование места происхождения товара или сходные с ними обозначения, использованные для однородных товаров[217].

Согласно ст. 1477 ГК РФ, товарным знаком является обозначение, служащее для индивидуализации товаров. При этом правила о товарных знаках соответственно применяются к знакам обслуживания, то есть к обозначениям,

---

[215] Ализаде Д.Э. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане // Мировой судья. 2024. № 4. С. 12.

[216] Качаева Т. Ю. Вопросы уголовно-правовой охраны средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: Материалы всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 23 декабря 2022 года / Сост. Э.Р. Миргородская. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 233-237.

[217] См., напр.: Салеева Ю. Е. Причины невостребованности ст. 180 Уголовного кодекса Российской Федерации / Ю. Е. Салеева, Ю. В. Царева // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2(54). С. 154-162.

служащим для индивидуализации выполняемых работ или оказываемых услуг[218]. Это также следует из обязательств Российской Федерации, которые вытекают из международных договоров. Например, согласно ст. 16 Договора о законах по товарным знакам от 27 октября 1994 г. и ст. 16 Сингапурского договора о законах по товарным знакам от 28 марта 2006 г[219]., договаривающиеся стороны обязались применять к знакам обслуживания положения Парижской конвенции, касающиеся товарных знаков[220]. Этому подходу вторит и Соглашение ТРИПС, где в п. 1 ст. 15 указывается, что любое обозначение или их сочетание, которое способно отличить товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг других предприятий, может быть товарным знаком. Таким образом, выводы, сделанные настоящим исследованием, в одинаковой степени относятся к товарным знакам и знакам обслуживания.

Ч. 2 ст. 180 УК РФ в редакции до вступления в силу Федерального закона от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ криминализировала незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб. В этой связи хотелось бы обратить внимание на некоторые противоречия юридической техники в гражданском законодательстве по данной проблематике.

С одной стороны, гражданский закон в ст. 1485 ГК РФ использует понятие «знак охраны», а не «предупредительную маркировку». Так, правообладатель вправе использовать знак охраны (что предполагает правомочие, но не обязанность) для оповещения о своем исключительном праве на товарный знак. Сам знак охраны помещается рядом с товарным знаком, состоит из латинской буквы «R» или латинской буквы «R» в окружности (®), либо словесного

---

[218] Сергеева Н.Ю. Материально-правовые пределы действия исключительного права на товарный знак: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2015.С. 29.

[219] Сингапурский договор о законах по товарным знакам // Бюллетень международных договоров. № 8. 2009.

[220] Куликова Т. В. Проблемы защиты прав на товарный знак и знак обслуживания / Т. В. Куликова, Н. В. Нестерова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 8(87). С. 90-93.

обозначения «товарный знак» или «зарегистрированный товарный знак», и указывает на то, что применяемое обозначение является товарным знаком, охраняемым на территории Российской Федерации.

С другой стороны, п. 5 ст. 1515 ГК РФ использует понятие «предупредительная маркировка». Согласно этой норме, лицо, производящее предупредительную маркировку по отношению к не зарегистрированному в Российской Федерации товарному знаку, несет ответственность в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

В этой же связи упомянем и ст. 1537 ГК РФ, посвященную ответственности за незаконное использование географического указания и наименования места происхождения товара, которая также использует понятие «знак охраны».

Представляется, что это противоречие проистекает из того факта, что в первом в Российской Федерации законе о товарных знаках от 1992 г. использовалось понятие «предупредительная маркировка». В дальнейшем это понятие было «усовершенствовано» для целей ст. 1485 и ст. 1537 ГК РФ, но оставлено без изменений в п. 5 ст. 1515 ГК РФ и ч. 2 ст. 180 УК РФ (в редакции до вступления в силу Федерального закона от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ).

Некоторые исследователи справедливо утверждали, что предупредительная маркировка, не являясь средством индивидуализации, не может быть объектом правовой охраны, и ее использование в отношении незарегистрированного знака не нарушает чьих-либо прав и не может привести к ущербу[221]. Важно понимать, что *законное* использование предупредительной маркировки в отношении незарегистрированного знака по определению невозможно[222]. Следовательно, общественная опасность такого действия изначально представлялась сомнительной.

---

[221] См., например: Джамалова Б. Б. Особенности объекта и предмета преступления, указанного в ст. 180 УК РФ / Б. Б. Джамалова, М. О. Саидов // Современный ученый. 2020. № 6. С. 328-334.

[222] Жилкин М. Г. Проблемы дифференциации ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Евразийская адвокатура. 2018. № 4(35). С. 19-23.

Более того, еще до вступления в силу Федерального закона от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ, в административном законе отсутствовал правовой запрет на использование предупредительной маркировки в отношении незарегистрированного знака. При этом большинство норм о преступлениях в сфере экономической деятельности имеют эквиваленты в административном законе, отличающиеся уровнем общественной опасности деяний[223].

С учетом вышеизложенного, мы поддерживаем позицию, что ч. 2. ст. 180 УК РФ в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ, должна была быть исключена (декриминализирована) из уголовного закона, что и учел законодатель в новой редакции ст. 180 УК РФ[224].

Эти выводы поддерживаются тем фактом, что за период 2016-2023 гг. в Российской Федерации было осуждено всего два человека за незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара.

В результате принятия Федерального закона от 28 июня 2022 года № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», законодателем были внесены значительные изменения в правовой режим товарных знаков, которые вступили в законную силу 28 июня 2023 года[225]. Согласно этому закону, право регистрации товарных знаков на своё имя получили российские граждане. До этого момента этим правом, согласно ст. 1492 ГК РФ, обладали лишь юридические лица и индивидуальные предприниматели.

---

[223] Никитина Л. К. Оптимизация уголовного законодательства об ответственности за Незаконное использование товарного знака // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы: материалы XX межрегиональной молодежной научно-практической конференции. Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Оттиск", 2018. С. 85-91.

[224] Александров А.Г. Правовые меры защиты товарного знака от его незаконного использования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. С. 223-226; Филиппов П.А. Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности: дис.. канд.юр.наук. М., 2003. С. 163.

[225] Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 193-ФЗ "О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 27. Ст. 4594.

Э.П. Гаврилов еще в 2009 году, считая это правило дискриминационным, замечал, что «…у [российских граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями] может возникнуть объективная потребность стать обладателями исключительного права на товарный знак в отношении товаров, изготовляемых и вводимых в гражданский оборот не регулярно, а только время от времени»[226].

Данное нововведение было продиктовано рядом обстоятельств. Во-первых, был учтен положительный правовой опыт в ряде крупных государств, а именно Германии, Китае и США[227].

Во-вторых, в контексте развития проекта осуществления деятельности самозанятыми гражданами, данные поправки позволяют зарегистрировать товарный знак на своё имя гражданам, осуществляющим деятельность в рамках самозанятости, что уравнивает их в гражданских правах с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Это представляется особо актуальным в свете статистических данных, свидетельствующих о том, что количество самозанятых граждан в 2024 году превысило 10 млн. человек[228].

Таким образом, для целей ч. 1 ст. 180 УК РФ, потерпевшими считаются правообладатели товарных знаков, которыми могут выступать российские граждане, индивидуальные предприниматели или юридические лица. В круг потерпевших включать потребителей представляется неверным в силу природы и основных функций товарного знака[229].

---

[226] Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. М.: Издательство «Экзамен», 2009. С. 819.

[227] Кудасова О. И. Правовое регулирование незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) / О. И. Кудасова, С. О. Кормильцева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4(98). С. 86-93.

[228] Федеральная налоговая служба РФ: «Статистика о представленных физическими лицами в налоговые органы уведомлениях об осуществлении деятельности по оказанию услуг физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд» // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/ (дата обращения: 01.08.2024).

[229] Прокш М. Ю. Уголовно-правовая охрана товарного знака в случае недобросовестной конкуренции: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 129.

Объективная сторона представляет собой внешнюю сторону преступного деяния (преступления). Деяние как элемент объективной стороны незаконного использования товарного знака выражено в форме действия.

Состав исследуемого преступления с точки зрения его объективной стороны построен как формально-материальный. Законодатель определил обязательные признаки объективной стороны следующим образом: деяние должно быть совершено в форме незаконного использования объекта преступления *неоднократно* или привести к *крупному ущербу* (при этом должна существовать причинно-следственная связь между действием и его последствиями).

Диспозиция ч. 1 ст. 180 УК РФ предусматривает совершение следующих действий, которые могут являться преступлением:

- незаконное использование чужого товарного знака;
- незаконное использование чужого знака обслуживания;
- незаконное использование чужого наименования места происхождения товара;
- незаконное использование сходных с чужим товарным знаком обозначений для однородных товаров;

  незаконное использование сходных с чужим знаком обслуживания обозначений для однородных товаров;
- незаконное использование сходных с чужим наименованием происхождения товара обозначения для однородных товаров.

Для характеристики содержания и форм незаконного использования предмета исследуемого преступления необходимо определить, что считается использованием товарного знака, и какое использование является незаконным.

Как справедливо отмечает Т. Ю. Батютина, ст. 180 УК РФ является случаем, когда все признаки гражданского правонарушения могут входить в состав преступления[230]. При этом деяние становится преступным ввиду особенностей

[230] Батютина Т. Ю. Роль норм гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. С. 23.

объективной стороны, характеризуемой наступлением общественно опасных последствий.

Согласно ст. 1484 ГК РФ, лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак (правообладателю), принадлежит исключительное право использования товарного знака любым не противоречащим закону способом (исключительное право на товарный знак). Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на товарный знак.

Исключительное право на товарный знак может быть осуществлено для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, в частности путем размещения товарного знака:

1) на товарах, в том числе на этикетках, упаковках товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации;

2) при выполнении работ, оказании услуг;

3) на документации, связанной с введением товаров в гражданский оборот;

4) в предложениях о продаже товаров, о выполнении работ, об оказании услуг, а также в объявлениях, на вывесках и в рекламе;

5) в сети "Интернет", в том числе в доменном имени и при других способах адресации.

Что касается незаконного использования, ответ на этот вопрос был представлен в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 26 апреля 2007 года № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака»[231]. Согласно п. 18 Постановления Пленума ВС РФ № 14, под незаконным использованием чужого товарного знака, знака

[231] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // «Российская газета». 05.05.2007. № 95.

обслуживания или сходных с ними обозначений для однородных товаров применительно к ч. 1 ст. 180 УК РФ понимается применение товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения без разрешения правообладателя указанных средств индивидуализации:

1) на товарах, этикетках, упаковках этих товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации либо хранятся и (или) перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации;

2) при выполнении работ, оказании услуг;

3) на документации, связанной с введением товаров в гражданский оборот; в предложениях о продаже товаров;

4) в сети Интернет, в частности в доменном имени и при других способах адресации.

Для целей настоящего исследования представляется важным рассмотреть вопрос о том, является ли параллельный импорт незаконным использованием товарного знака, в том числе в контексте ст. 180 УК РФ.

Под параллельным импортом (который также называют «серым импортом»[232]) подразумевается импорт товаров, произведенных управомоченным лицом в одном государстве, которые после ввода в торговый оборот в данном государстве экспортируются в иные государства третьими лицами[233]. В данном случае речь идет об импорте на территорию другого государства оригинальных товаров, которые имеют маркировку товарным знаком с разрешения правообладателя, третьими лицами, не имеющими разрешения правообладателя на их импорт, который происходит посредством параллельных каналов, а не через

---

[232] Данное определение не совсем точно, поскольку как таковые товары являются оригинальными, и лишь каналы распределения не контролируются изготовителем или владельцем прав на интеллектуальную собственность.

[233] Пирогова В. В. Соглашение ТРИПС (ВТО): Исчерпание Прав и Параллельный Импорт // Государство и право. 2012. № 6. С. 119–122.

правообладателя или его официального лицензиата (дистрибьютора). Таким образом, в стране импорта возникает столкновение интересов различных сторон:

– во-первых, интересов самого правообладателя,

– во-вторых, интересов лицензиатов (дистрибьюторов), занимающихся торговой деятельностью на основании соответствующего договора с правообладателем, и

– в-третьих, интересов лица, занимающегося параллельным импортом.

Научная доктрина выделяет два основных принципа исчерпания исключительных прав правообладателей: национальный и международный[234].

Национальный принцип исчерпания прав подразумевает, что исключительные права на товарный знак исчерпываются в момент, когда товар введен в гражданский оборот на территории конкретного государства непосредственно правообладателем или с его согласия[235].

Разновидностью национального принципа является региональный принцип исчерпания прав, согласно которому введение продукции в оборот в определенном регионе ведет к исчерпанию прав в отношении дальнейшей продажи этого товара в любую из стран в рамках данного региона[236]. Данного принципа придерживаются такие международные образования региональной экономической интеграции, как Европейский союз и ЕАЭС, в государствах-членах которых товары могут свободно перемещаться, но при этом не могут быть импортированы из-за границы без согласия правообладателя[237].

---

[234] Грачева Д. А. Исчерпание исключительных прав: национальный и международный принципы // Научный Поиск. 2017. №2. С. 19-21.

[235] Parallel Imports Worldwide Report 2017 // International Trademark Association. P. 72. URL: https://www.inta.org/Advocacy/Documents/2018/ParallelImportsWordwideReport.docx (дата обращения: 01.08.2024).

[236] Ализаде Д. Э. Уголовная ответственность за параллельный импорт: сравнительный анализ законодательства Великобритании и Азербайджана // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 1. С. 15-18.

[237] Чикишев Н.С. О защите прав на объекты интеллектуальной собственности на таможенной территории ЕАЭС // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. №4 (60). С. 15-19.

Международный принцип исчерпания прав основывается на том, что права на интеллектуальную собственность считаются исчерпанными, как только товар был продан (введен в оборот) правообладателем или с его согласия в любой части мира[238]. Из этого следует, что приобретатель, купивший товары, например, в Китае, Индии или Мексике, может экспортировать товары из данного государства и вводить их в гражданский оборот на территории других государств, не нарушая исключительные права правообладателя[239].

Некоторые государства придерживаются международного принципа исчерпания прав, но при этом запрещают продажу товаров, если эти товары существенно отличаются от товаров, которые правообладатель разрешил ввести в гражданский оборот в этом государстве. Страны, использующие данный принцип, зачастую пользуются разными стандартами для определения так называемых «*существенных отличий*». Соединенные Штаты Америки, к примеру, придерживаются подхода, по которому товары могут быть допущены для ввоза, если они происходят от лица, которое имеет юридическую связь с правообладателем товарного знака, и при этом товары существенно не отличаются от тех, которые продаются в США[240].

Вопросам правового режима параллельного импорта, как и доводам за или против его легализации в России, посвящено немалое количество научных работ, поэтому в рамках настоящего исследования мы хотели бы сконцентрировать наше внимание на эволюции новейшего развития и уголовно-правовых аспектах этого феномена.

Проводя сравнение между контрафактными и так называемыми «серыми» товарами, Д. В. Пучков отмечает, что п. 1 ст. 1515 ГК РФ под контрафактными подразумевает товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно *размещены* товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, и приходит к выводу, что данная норма не распространяется на параллельный

---

[238] Parallel Imports Worldwide Report 2017 // Op. cit. P. 32, 59, 65, 77.
[239] Энтин В. Л. О контрафакте, Масяне и Д'Артаньяне // эж-Юрист. 2009. №4.
[240] Parallel Imports Worldwide Report 2017 // Op. cit. P. 124.

импорт по причине того, что товарный знак размещается на товаре непосредственно правообладателем[241]. Хотелось бы заметить, что эта норма противоречит Постановлению Пленума ВС РФ № 14, в п. 19 которого контрафактными признаются товары, этикетки, упаковки этих товаров, на которых незаконно *используется* товарный знак (знак обслуживания) или сходное с ним до степени смешения обозначение. В этом же пункте указывается, что «судам следует учитывать, что в соответствии с действующим законодательством регистрация товарного знака не дает правообладателю права запретить использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия», и такие товары не могут признаваться контрафактными. Мы считаем, что использованная высшим судебным органом формулировка указывает на то, что незаконное использование товарного знака включает в себя параллельный импорт в понимании уголовного закона. Тем не менее, бесспорно, что использование терминов «*используется*» и «*размещен*» применительно к одному правовому явлению не способствует правовой определенности и может отрицательно сказаться на правоприменительной практике. В отношении товарных знаков зачастую без должного обоснования можно встретить взаимозаменяемое и одновременное использование таких понятий, как «применение товарного знака», «размещение товарного знака», «нанесение товарного знака» или «использование товарного знака». В данном вопросе необходима унификация терминологии для целей предсказуемости.

М. С. Ласточкина придерживается мнения, что к контрафакту относится параллельный ввоз – импорт товаров, защищенных товарным знаком без авторизации владельца товарного знака[242].

---

[241] Пучков Д. В. Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности в России: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 140.

[242] Ласточкина М. С. Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 104.

Заслуживает внимания позиция С. М. Трейгера, который утверждает, что параллельный импорт следует признать законным только в отношении самих правообладателей и их официальных импортеров (мы полагаем, что автор имеет в виду дистрибьюторов, франчайзи и иных лицензиатов), которые действуют с согласия правообладателя[243]. С другой стороны, если эти лица действуют с согласия правообладателя, тогда в таком случае этот импорт *per se* не является параллельным.

В Российской Федерации первым законодательным актом, установившим правила регулирования параллельного импорта, был Закон РФ от 23 сентября 1992 года № 3520-I «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»[244]. Первоначальная редакция ст. 23 закона устанавливала, что регистрация товарного знака не дает права его владельцу запретить использование этого товарного знака другим лицам в отношении товаров, которые были введены в хозяйственный оборот непосредственно правообладателем или с его согласия. Отсутствие указания на территорию введения в гражданский оборот товаров означало, что в Российской Федерации изначально был установлен международный принцип исчерпания исключительных прав на товарный знак[245].

Спустя десять лет, на основании Федерального закона от 11 декабря 2002 года № 166-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», ст. 23 была принята в новой редакции, согласно которой регистрация товарного знака не давала права правообладателю запретить использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской

---

[243] Трейгер С. М. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2011. С. 157.

[244] Закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-I "О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров" (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) // «Российская газета». 17.10.1992. № 228.

[245] Ализаде Д. Э. Эволюция и уголовно-правовые аспекты параллельного импорта в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8(183). С. 288.

Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия[246]. Анализ этой нормы позволяет сделать вывод, что с этого момента в Российской Федерации был закреплен национальный принцип исчерпания исключительных прав на товарный знак[247]. Этот же подход нашел свое отражение после вступления в силу четвертой части ГК РФ 1 января 2008 года, в которой, согласно ст. 1487 «Исчерпание исключительного права на товарный знак» было установлено, что не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия.

Таким образом, в Российской Федерации доктрина национального исчерпания прав на товарный знак выражена в ст. 1487 ГК РФ, из которой следует, что исключительные права на товарный знак исчерпываются в момент, когда товар введен в гражданский оборот на территории Российской Федерации правообладателем или с его разрешения.

На региональном уровне, позиция государства в отношении исчерпания исключительных прав на товарный знак в рамках Единого экономического пространства и Таможенного союза на начальном этапе регламентировалась Соглашением от 9 декабря 2010 года «О единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности»[248], которое было ратифицировано Федеральным законом от 11 июля 2011 года № 179-ФЗ[249], но

---

[246] Федеральный закон от 11 декабря 2002 г. N 166-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров" (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 50. Ст. 4927.

[247] Ализаде Д. Э. Эволюция и уголовно-правовые аспекты параллельного импорта в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8(183). С. 289.

[248] Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности (прекратило действие с 01.01.2015 на основании международного договора от 29.05.2014) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 6.

[249] Федеральный закон от 11 июля 2011 г. № 179-ФЗ "О ратификации Соглашения о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 29. Ст. 4270.

прекратило действие 1 января 2015 года в связи с дальнейшими интеграционными процессами.

Так, 29 мая 2014 года Российская Федерация наряду с пятью другими государствами подписала Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС или Союз), в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой экономической политики в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик в интересах повышения жизненного уровня государств-членов[250]. Договор ЕАЭС был ратифицирован Федеральным законом от 3 октября 2014 года № 279-ФЗ и вступил в действие 1 января 2015 года[251].

Особое внимание в Договоре ЕАЭС уделяется вопросам охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности[252]. Ст. 89 раздела XXIII «Интеллектуальная собственность» Договора ЕАЭС устанавливает, что государства-члены осуществляют сотрудничество в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и обеспечивают на своей территории охрану и защиту прав на них в соответствии с нормами международного права, международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов.

Регулирование отношений в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности для государств-членов ЕАЭС осуществляется посредством Приложения № 26 «Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности» к Договору ЕАЭС. Пункт 16 указанного приложения устанавливает, что на территории государств-членов применяется

---

[250] Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 21 ноября 2023 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru . 16.01.2015. № 0001201501160013.

[251] Федеральный закон от 3 октября 2014 г. N 279-ФЗ "О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 40 (часть I). Ст. 5310.

[252] Дорошков В. В. Об итогах XIV Международного Форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» // Информационное право. 2023. № 2(76). С. 26-29.

принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза, в соответствии с которым не является нарушением исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза использование этого товарного знака, товарного знака Союза в отношении товаров, которые были правомерно введены в гражданский оборот на территории любого из государств-членов непосредственно правообладателем товарного знака и (или) товарного знака Союза или другими лицами с его согласия. Из анализа этой нормы следует, что в рамках ЕАЭС действует региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, согласно которому импортеру необходимо получить согласие владельца (правообладателя) товарного знака на ввоз на территорию ЕАЭС и введение в гражданский оборот товара, на котором использован товарный знак этого владельца (правообладателя)[253].

Дальнейшее расширение регионального принципа исчерпания прав на товарный знак со стороны РФ в рамках ЕАЭС произошло посредством вступления в силу Договора от 3 февраля 2020 года «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза» на основании Федерального закона от 9 ноября 2020 года № 360-ФЗ[254]. Договор, поддержанный научным сообществом, представляет собой основополагающий документ по формированию региональной системы регистрации и правовой охраны средств индивидуализации ЕАЭС, в рамках которой заявитель может получить правовую охрану товарного знака или НМПТ на основании одной заявки, что позволяет сократить сроки регистрации, снизить расходы на получение охранных документов и ускорить обмен информацией[255].

---

[253] Ализаде Д.Э. Эволюция и уголовно-правовые аспекты параллельного импорта в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8(183). С. 289.

[254] Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 31. Ст. 5888.

[255] Крылепова А. О. Признаки экстерриториальной охраны товарных знаков // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 10(131). С. 73-83; Дорошков В. В. Проблемы защиты интеллектуальной собственности в современных условиях // Четырнадцатый международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Сборник докладов, документов и материалов. М., издание РНИИИС. 2023. С. 311-317.

Попытки пересмотра национального подхода к параллельному импорту в России предпринимались не единожды – так, еще в 2011 году Федеральной антимонопольной службой РФ было предложено отменить национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, что было встречено неодобрительно со стороны правообладателей – владельцев товарных знаков и их официальных лицензиатов (дистрибьюторов, франчайзи и т.п.)[256].

В данной связи следует заметить, что судебная практика по этому вопросу является непоследовательной. До 2009 года любой товар, который ввозился в Россию без согласия правообладателя, подлежал конфискации. 3 февраля 2009 года подход был изменен после принятия Постановления № ВАС-10458/2008 Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (ВАС) по делу № А40-9281/08-145-128, в котором ООО «Порше Руссланд» было отказано в конфискации товара другого лица, которое ввезло товар, на котором товарный знак был использован с согласия правообладателя, но импорт в РФ которого не был им разрешен[257].

Есть и кардинально противоположный прецедент. Спустя несколько лет Президиум ВАС РФ в деле №А51-6603/2011 Постановлением № 6813/12 от 13 ноября 2012 года признал параллельный импорт незаконным и нарушающим права интеллектуальной собственности[258]. Таким образом, как справедливо отмечается в юридической литературе, зачастую суды не могут определить, где ставить запятую во фразе «ввозить нельзя конфисковать»[259].

Самым значительным на сегодняшний день судебным решением по вопросу подхода в РФ к параллельному импорту является Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 года № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и

---

[256] Ализаде Д. Э. Эволюция и уголовно-правовые аспекты параллельного импорта в Российской Федерации // // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8(183). С. 289.
[257] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 февраля 2009 г. № 10458/08 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 5.
[258] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 ноября 2012 г. № 6813/12 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 2.
[259] Полевой Д.М. «Параллельный импорт». Какие перемены несет нам Постановление Конституционного Суда Российской Федерации №8-П/2018? // URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/59930/ (дата обращения: 01.08.2024).

4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»[260].

Согласно материалам дела, российское ООО «ПАГ» закупило у компании «MEDITECH Sp. z o.o.» (Польша) и импортировало в Калининградскую область специальную бумагу для медицинских аппаратов, на которой был размещен товарный знак «SONY», который принадлежит компании «Sony Corporation» (Япония)[261]. На таможенной границе товар по решению Арбитражного суда Калининградской области арестовали, ООО «ПАГ» было запрещено введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации товаров, на которых размещен товарный знак «SONY», а сами товары после ареста были изъяты из оборота и уничтожены за счет ответчика, а также в качестве компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак с ответчика было взыскано в пользу истца 100 000 руб. Решение суда было оставлено в силе апелляционной и кассационными инстанциями.

Дело дошло до Конституционного суда Российской Федерации, который ООО «ПАГ» попросило проверить на конституционность нормы ч. 4 ст. 1252 ГК РФ, ст. 1487 ГК РФ, ч. 1, 2 и 4 ст. 1515 ГК РФ, которые, согласно позиции заявителя нарушают конституционные принципы правовой определённости, справедливости и неприкосновенности частной собственности и противоречат статьям ст. 1, 7, 17, 18, 19, 35, 55 Конституции Российской Федерации. Позиция заявителя заключалась в том, что товар является контрафактным, если на нем незаконно размещен товарный знак, в то время как товар, являвшийся объектом спора, был оригинальной продукцией и товарный знак на нем был использован

---

[260] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. N 8-П город Санкт-Петербург "по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "ПАГ" // «Российская газета». 22.02.2018. № 39(7502).

[261] Артамонов С. С. Правовая конструкция параллельного импорта: Российская специфика // Актуальные вопросы юридической науки и практики : Сборник научных статей студентов и молодых учёных. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2022. С. 164-173.

правообладателем, компанией «Sony Corporation». При этом санкции за контрафактные товары и «серые» товары одинаковы, что противоречит конституционным принципам.

13 февраля 2018 года Конституционный суд РФ постановил, что положения ГК РФ касательно параллельного импорта не противоречат Конституции РФ. При этом суд дал им новое конституционно-правовое истолкование.

Во-первых, Конституционный суд не исключил правомочие судов отказать в применении последствий ввоза на территорию РФ без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами РФ, в тех случаях, когда в силу недобросовестности поведения правообладателя товарного знака применение по его требованию этих последствий может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов.

Касательно критерия недобросовестности, суд отметил, что следование правообладателя товарного знака режиму санкций против Российской Федерации, ее хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение.

Конституционный суд также затронул вопрос ответственности, постановив, что не предполагается применение при ввозе на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя товарного знака партии товара, на котором товарный знак размещен правообладателем или с его согласия, таких же по размеру (тяжести последствий) мер гражданско-правовой ответственности, как при ввозе поддельного (на котором товарный знак размещен не правообладателем и не с его согласия) товара, если по обстоятельствам конкретного дела это не влечет

для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от введения в оборот поддельного товара.

Наконец, касательно конфискации товара, Конституционный суд постановил, что товары, на которых товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия, ввезенные на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя, могут быть изъяты из оборота и уничтожены в порядке применения последствий нарушения исключительного права на товарный знак лишь в случае их ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

Таким образом, Конституционный суд РФ пришел к выводу о разграничении параллельного импорта и контрафактной продукции и о том, что гражданско-правовая ответственность между ними должна отличаться[262]. По итогам этого решения в юридической литературе также было отмечено, что запрет параллельного импорта товаров правообладателями-иностранными компаниями может расцениваться как санкционная мера, в масштабе всей страны влияющей на ее экономическую независимость, поэтому в целях защиты здоровья и благополучия граждан разрешение параллельного импорта является логичным действием государственной политики[263].

Касательно обеспечения единообразного судебного подхода к критерию добросовестности в сфере товарных знаков, немаловажным представляется отметить позицию Верховного суда РФ, которую он изложил в «Обзоре судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков» №3 (2023), утвержденном Президиумом ВС РФ 15 ноября 2023 года. В п. 11 обзора ВС РФ подчеркнул, что при рассмотрении требований о пресечении действий, нарушающих исключительное право на товарный знак в виде запрета на

---

[262] Гасанов М. Д. Правомерность применения механизма параллельного импорта в Российской Федерации // Обществознание и социальная психология. 2022. № 8(38). С. 325-332.

[263] Сысоева А. В. Исчерпание исключительного права на товарный знак в российской федерации в контексте евразийского экономического союза и санкционных мер (обзор) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 21. С. 74-78.

реализацию продукции, на которой товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия, если эта продукция была ввезена на территорию Российской Федерации для введения в оборот без согласия правообладателя товарного знака, суду необходимо оценить добросовестность действий этого лица (правообладателя)[264].

Таким образом, до недавнего времени в РФ федеральным законодателем в рамках предоставленной ему дискреции был закреплен национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак во взаимосвязи с региональным принципом исчерпания прав на основании Договора ЕАЭС. При этом следует отметить, что законодательства Республики Казахстан и Республики Беларусь были приведены в соответствие с Договором ЕАЭС и предусматривают во внутреннем законодательстве региональный принцип исчерпания прав на товарный знак[265].

Дальнейшее изменение и, в некотором смысле, усложнение подхода к регулированию параллельного импорта произошло в 2022 году.

Сначала был принят Федеральный закон от 8 марта 2022 года № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в п. 13 ч. 1 ст. 18 которого Правительство РФ было уполномочено принимать решения, предусматривающие перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса РФ о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы[266].

---

[264] «Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков» №3 (2023) / Утвержден Президиумом ВС РФ 15 ноября 2023 года // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/practice/33172/ (дата обращения: 01.08.2024)

[265] Ляпцев С. А. Принцип исчерпания прав на товарный знак в условиях параллельного импорта: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2019. С. 20.

[266] Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1596.

Затем был принят Федеральный закон от 28 июня 2022 года № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который отменил ответственность за параллельный импорт указанного перечня иностранных товаров, указав, что использование результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в товарах (группе товаров), перечень которых устанавливается согласно пп. 13 ч. 1 ст. 18, а также средств индивидуализации, которыми такие товары маркированы, не является нарушением исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации[267].

Правительство РФ во исполнение указанного закона Постановлением от 29 марта 2022 года № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы»[268] приняло решение разрешить ввоз в страну оригинальных товаров (групп товаров) иностранного производства без согласия правообладателей и поручило Министерству промышленности и торговли РФ по предложению федеральных органов исполнительной власти утвердить (и, по необходимости, обновлять) перечень товаров, в отношении которых в 2022-2024 годах не применяются положения, среди прочего, ст. 1515 («Ответственность за незаконное использование товарного знака») и ст. 1537 («Ответственность за незаконное использование географического указания и наименования места

[267] Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 213-ФЗ "О внесении изменения в статью 18 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 27. Ст. 4614.

[268] Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 "О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 14. Ст. 2286.

происхождения товара») ГК РФ[269]. Основным условием в постановлении было указано введение товаров в гражданский оборот за пределами территории России правообладателями, а также с их согласия[270].

Перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются указанные положения, был утвержден приказом Министерства промышленности и торговли РФ от 19 апреля 2022 года № 1532 и вступил в силу 7 мая 2022 года[271]. Приказом Министерства промышленности и торговли РФ от 21 июля 2023 года № 2701 приказ № 1532 был признан утратившим силу и был принят новый перечень товаров (групп товаров)[272]. Новый приказ вступил в силу 4 ноября 2023 года. Структурно перечень товаров (групп товаров) можно разделить на три категории:

– указан код ТН ВЭД и перечислены товарные знаки (бренды). В таком случае разрешается параллельный импорт лишь указанных товаров.

---

[269] См.: Григорьева О. Г. Легализация параллельного импорта как юридическое средство обеспечения национальных интересов России в условиях санкционных ограничений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1(150). С. 150-155; Крайнова Н. А. Борьба с контрафактом в условиях формирования новой геополитической реальности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6(138). С. 102-106.

[270] Туча В. В. Некоторые проблемы параллельного импорта в Российской Федерации: законность и целесообразность // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития : Материалы VII Национальной научно-практической конференции (симпозиума), Краснодар, 19 апреля 2022 года / Под общей редакцией В.П. Камышанского. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2022. С. 170-174.

[271] Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19 апреля 2022 года № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2023 г.) (утратил силу) // Опубликован: Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 6 мая 2022 г.

[272] Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 21 июля 2023 года N 2701 Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия // Опубликован: Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 04.08.2023

– указан код ТН ВЭД с исключением товарных знаков (брендов). В таком случае разрешается параллельный импорт всей категории товаров, кроме исключенных брендов.

– указан только код ТН ВЭД. В таком случае разрешается параллельный импорт всей категории товаров.

Следовательно, согласно вышеупомянутым нормативным актам, можно констатировать об изменении режима исчерпания исключительного права на товарные знаки и частичном возврате к модели международного исчерпания исключительного права на товарный знак.

Обращает на себя внимание, что остается открытым вопрос о механизме функционирования Постановления № 506 с учетом действия регионального принципа исчерпания прав по Договору ЕАЭС и тем фактом, что Конституция РФ в ч. 4 ст. 15 провозглашает верховенство международного права и международных договоров РФ, если ими установлены правила, отличные от предусмотренных национальным законодательством.

Мы полагаем, что в России на сегодняшний день сложилась смешанная модель исчерпания исключительных прав и параллельного импорта, которая включает в себя все три принципа исчерпания исключительных прав на товарный знак и которую можно обобщить следующим образом[273]:

1) национальный принцип исчерпания исключительных прав, закрепленный в ст. 1487 ГК РФ, из которого следует, что товар вводится в гражданский оборот на территории России непосредственно владельцем товарного знака или с его согласия иным лицом (франчайзи, дистрибьютор и т.п.), после чего происходит исчерпание исключительных прав на этот товарный знак;

2) региональный принцип исчерпания исключительных прав, закрепленный в Договоре ЕАЭС, из которого следует, что товар вводится в гражданский оборот на территории стран ЕАЭС непосредственно владельцем товарного знака или с его

[273] Михайлов С. В. Параллельный импорт во внешнеторговой деятельности / С. В. Михайлов, А. В. Шпак // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4(103). С. 136-140.

согласия иным лиц, после чего происходит исчерпание исключительных прав на этот товарный знак;

3) международный принцип исчерпания исключительных прав, закрепленный Федеральным законом № 46-ФЗ, который может быть применен в случае отсутствия правообладателя или его согласия на ввоз на территорию РФ товаров, предусмотренных перечнем Министерства промышленности и торговли РФ – в таком случае, любое лицо имеет право ввезти на территорию России товар, который был введен в гражданский оборот за пределами территории России правообладателем или с его согласия.

Несмотря на уникальность сложившегося в России подхода касательно исчерпания исключительных прав на товарный знак и несмотря на то, что Конституционный суд РФ затронул лишь вопрос о гражданско-правовой ответственности за параллельный импорт, мы придерживаемся позиции, что согласно формулировке диспозиции ст. 180 УК РФ и Постановления Пленума ВС РФ № 14, параллельный импорт должен считаться незаконным использованием товарного знака в понимании уголовно-правового закона.

Остается открытым вопрос о том, насколько сложившийся ныне подход окажется долговечным. В этой связи представляется верным вывод Е. Г. Афанасьевой, М. Г. Долгих, Е. А. Афанасьевой, которые указывали, что в реализации ограничений параллельного импорта полная последовательность недостижима[274].

Что касается международно-правового регулирования параллельного импорта, в этой связи Г. П. Ивлиев, Б. А. Шахназаров отмечают, что на международном уровне закрепление понятия «параллельный импорт» отсутствует, а его неофициальное (в известной степени, компромиссное) определение было

[274] Афанасьева Е. Г., Долгих М. Г., Афанасьева Е. А. Средства индивидуализации в предпринимательской деятельности: правовые вопросы: Учеб. пособие / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; отв. ред. Алферова Е.В. М., 2016. С. 36.

предложено лишь Международной ассоциацией правообладателей товарных знаков[275].

Несмотря на отсутствие закрепления рассматриваемого понятия на международном уровне, в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) нормы ст. 6 Соглашения ТРИПС позволяют государствам-членам самостоятельно избирать модель исчерпания исключительных прав. При этом В. В. Пирогова отмечает, что если на национальном уровне законодателем будут определены конкретные правила применения нормы об исчерпании прав (будь то международный или национальный принципы), никаким санкциям в случае несоблюдения требований ст. 6 Соглашения ТРИПС государство-член ВТО подвергнуто не будет[276].

Как мы рассмотрели выше, уголовная ответственность по ч. 1 ст. 180 УК РФ наступает за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб.

В данном случае, в науке уголовного права принято говорить о преступлении с альтернативными признаками объективной стороны, которое слагается из совершения одного или обоих указанных в диспозиции альтернативных деяний, которое при этом юридически относится к единичному сложному преступному деянию[277]. Объективная сторона рассматриваемого состава преступления предусматривает совершение одного из альтернативных действий: незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) *неоднократно* либо незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), *причинившее крупный ущерб*.

Крупный ущерб как признак объективной стороны незаконного использования товарного знака является сложным для правового определения и

---

[275] Ивлиев Г.П. Правовое регулирование отношений в сфере параллельного импорта. Опыт государств евразийского региона / Г. П. Ивлиев, Б. А. Шахназаров // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 2(195). С. 56-67.

[276] Пирогова В. В. Указ. соч.

[277] Мусина Р. Р. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3. С. 250–254.

оценки, что вызвано тем, что права на товарный знак являются нематериальным объектом (активом) [278].

При материальном составе преступление считается оконченным с момента причинения крупного ущерба имущественного характера[279]. При квалификации действий виновных по делам о преступлении, предусмотренном ст. 180 УК РФ, не должен учитываться причиненный потерпевшему моральный вред, в том числе связанный с подрывом его деловой репутации. Требования о компенсации морального вреда могут быть рассмотрены в рамках уголовного дела путем разрешения предъявленного потерпевшим гражданского иска.

Ни в рассматриваемой норме, ни в разъяснении Пленума ВС РС № 14 не указано, кому должен быть причинен ущерб – конкретному лицу-правообладателю или нескольким лицам в общей сумме[280]. Мы полагаем, что наиболее правильным будет исходить из того, что ущерб должен быть нанесен конкретному правообладателю – в ином случае можно говорить о наличии признака неоднократности.

Пленум ВС РФ отметил, что суды при установлении ущерба должны исходить из обстоятельств каждого конкретного дела – например, из наличия и размера реального ущерба, размера упущенной выгоды, размера доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации. В вводной части этого параграфа Пленум ВС РФ ссылается на ст. 146 («Нарушение изобретательских и патентных прав») и ст. 147 («Нарушение авторских и смежных прав») УК РФ, из чего может создаться впечатление, что этот вывод не применяется

---

[278] Долотов Р. О. Уголовный закон - инструмент защиты и нападения по делам о незаконном использовании товарного знака / Р. О. Долотов, В. В. Кудрявцев // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 3(210). С. 59-64.

[279] Панкевич Л. Л. Некоторые проблемы практики рассмотрения административных и уголовных дел, связанных с незаконным использованием чужого товарного знака // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 2(125). С. 103-109.

[280] Малышев К. К. Некоторые аспекты проблемы определения неоднократности деяния и размера ущерба для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 180 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 1. С. 55.

для целей рассматриваемой нами нормы. Однако ссылка на средства индивидуализации в конце предложения однозначно дает понять, что, несмотря на несколько двусмысленную формулировку, этот анализ должен применяться и в отношении преступлений по незаконному использованию товарного знака.

В дополнение к этому, Пленум ВС РФ отметил, что для целей определения ущерба следует учитывать положения ст. 15 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которой, если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы.

Несмотря на то, что Пленум ВС РФ определил общий порядок определения ущерба (размер реального ущерба, размер упущенной выгоды, размер доходов, полученных лицом в результате нарушения), в действительности механизм исчисления суммы крупного ущерба является сложной задачей.

Существует несколько основных подходов к исчислению ущерба по ст. 180 УК РФ, которые мы считаем необходимым привести в настоящем исследовании:

– исходя из суммы, полученной путем умножения количества товара, на которых незаконно используется товарный знак, на стоимость оригинального товара. Этот подход исходит из понимания, что один нелегальный экземпляр вытесняет один легальный[281];

– исходя из размера доходов, которые лицо, незаконно использующее чужой товарный знак, получило вследствие своих деяний;

– исходя из розничной стоимости товаров, на которых незаконно используется товарный знак;

– исходя из стоимости использования товарного знака по лицензионному договору.

Профессор Ю. В. Трунцевский утверждает, что при определении размера ущерба, результаты могут различаться в зависимости от методики, применяемой

[281] Жайворонок А. В. Крупный ущерб как элемент объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ / А. В. Жайворонок, С. А. Тимко // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1(26). С. 47-51.

для оценки причиненных убытков[282]. Такая трактовка нарушает установившееся в уголовном праве убеждение о том, что ущерб является объективной категорией и не должен зависеть от метода его оценки[283].

В связи с широкой палитрой подходов, представляется важным отметить фундаментальное понимание рассматриваемого вопроса – так как товарный знак является объектом интеллектуальной собственности и, соответственно, имеет нематериальный характер, при его незаконном использовании виновное лицо не завладевает чужим имуществом в буквальном смысле.

Оговоримся, что разработка универсальной методики исчисления крупного ущерба от незаконного использования товарного знака для абсолютно каждого уголовного дела вряд ли возможна, что обусловлено тем, что обстоятельства каждого конкретного дела различаются.

В научных кругах высказывалось мнение о том, что проблема неопределенности понятия и исчисления ущерба в рассматриваемой норме могла бы быть решена путем замены понятия «крупного ущерба» на понятие «крупный доход»[284]. Но анализ уголовных дел по ст. 180 УК РФ демонстрирует, что исчисление «крупного дохода» является столь же сложной задачей. К примеру, зачастую виновные лица занимаются предпринимательской деятельностью без государственной регистрации, и в таких случаях вообще не ведут бухгалтерский учет, что делает невозможным подсчет полученного дохода. Даже при занятии предпринимательской деятельностью в установленном законом порядке, зачастую реализация товаров, на которых незаконно использован товарного знака, происходит без ведения правильного бухгалтерского учета. Это затрудняет, а во многих случаях делает невозможным исчисление «крупного дохода».

---

[282] Трунцевский Ю. В. Проблемы уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2007. № 6.

[283] Тюнин В. И. Незаконное использование товарного знака в системе преступлений в сфере экономической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 85-90.

[284] См., например: Башорова К. Х. Уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного статьей 180 УК РФ "незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)" // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 101-105.

Примером вышеприведенному анализу может служить приговор № 1-27/2020 от 16 июля 2020 года по делу № 1-27/2020, вынесенный Погарским районным судом (Брянская область)[285].

Гражданин Д., не являясь индивидуальным предпринимателем, действуя из корыстных побуждений, с целью систематического получения прибыли, осознавая противоправность своих действий, достоверно зная, что не имеет заключенных договоров с правообладателями на использование чужих товарных знаков, зарегистрированных в государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации приобрел контрафактную алкогольную продукцию, а также контрафактную табачную продукцию с этикетками различных производителей, для осуществления незаконной деятельности по использованию чужого товарного знака путем продажи указанной продукции под видом оригинальной без согласия правообладателей. Согласно справке МИФНС по Брянской области, в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей не содержатся сведения о гражданине Д. как об индивидуальном предпринимателе. В этом деле размер крупного ущерба был исчислен согласно розничной рыночной стоимости оригинальной продукции, предназначенной для реализации на территории Российской Федерации, а именно: водка «BELUGA» объёмом 0,5 л. В результате противоправных действий, выразившихся во введении в незаконный оборот фальсифицированной алкогольной продукции под торговой маркой водки «BELUGA» объемом 0,5л. в количестве 360 бутылок, правообладателю ООО «Белуга Брендс», был причинен ущерб в размере 258 120 рублей.

Р. О. Долотов и С. Д. Пархоменко сравнивают признак крупного ущерба по ст. 180 УК РФ с признаком крупного размера по ст. 146 УК РФ[286]. Авторы

---

[285] Приговор № 1-27/2020 от 16 июля 2020 г. по делу № 1-27/2020 Погарский районный суд (Брянская область) // URL: https://sudact.ru/regular/doc/PF5T2CMcUcVJ/?page=12 (дата обращения: 01.08.2024).

[286] Долотов Р. О. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: толкование признаков «неоднократность» и «крупный ущерб» / Р. О. Долотов, С. Д. Пархоменко // Уголовное право. 2023. № 11(159). С. 10-24.

отмечают, что законодательная трансформация состава преступления по ст. 146 УК РФ из материального («крупный ущерб») в формальный («крупный размер») позволила отказаться от неблагоприятной судебной практики, когда признак крупного ущерба отождествляется с крупным размером (стоимостью аналогичных оригинальных товаров), а также привела к верному установлению момента окончания преступления – так, приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений в целях сбыта следует считать оконченными преступлениями с момента совершения указанных действий в крупном размере независимо от наступления преступных последствий в виде фактического причинения ущерба правообладателю[287]. В случае с признаком крупного ущерба, основой для вычисления размера ущерба при незаконном использовании чужого товарного знака должен выступать лишь реализованный товар.

Для уголовных дел экономической направленности, включая преступления, предусмотренные ст. 180 УК РФ, согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», размер ущерба определяется на основании гражданско-правовых договоров, первичных учетных документов, выписок (справок) по расчетным счетам, информации по сделкам с использованием электронных средств платежа и т.п[288]. При необходимости для определения размера ущерба, подлежащего возмещению, может быть назначена судебная экспертиза.

Анализ изученных судебных материалов уголовных дел по ст. 180 УК РФ показывает, что на сегодняшний день наиболее распространенным методом исчисления размера ущерба является его подсчет исходя из суммы, полученной

---

[287] Там же.

[288] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 г. Москва "О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности" // «Российская газета». 24.11.2016. № 7134.

путем умножения количества товара, на которых незаконно используется товарный знак, на стоимость оригинального товара (упущенная выгода).

В приговоре № 1-347/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-347/2020 Калининский районный суд г. Челябинска (Челябинская область) определил, что «ФИО4» приобретал, хранил, и перевозил в целях сбыта немаркированную алкогольную продукцию, подлежащую обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, а так же немаркированные табачные изделия, подлежащие маркировке специальными (акцизными) марками, совершенные в особо крупном размере[289]. Кроме того, «ФИО4» незаконно использовал средства индивидуализации товаров, то есть неоднократно незаконно использовал чужие товарные знаки, совершив шесть преступлений, два из которых с причинением крупного ущерба. На изъятой в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий контрафактной немаркированной алкогольной продукции одновременно используются товарные знаки, размещаемые на оригинальной продукции, зарегистрированные в установленном законом порядке под номерами 554084, 1117587, 119942, 117588 правообладателем которых является компания «Сосьете Жас Хеннесси энд Ко». Согласно сведениям представителя правообладателя компании «Сосьете Жас Хеннесси энд Ко» минимальная стоимость одной оригинальной бутылки коньяка «HENNESSY X.O.» емкостью 0,5 л по состоянию на (дата) составляла 11 444 рублей 00 копеек за одну бутылку, а минимальная стоимость одной оригинальной бутылки коньяка «HENNESSY V.S.O.P. » емкостью 0,5 л по состоянию на (дата) составляла 2289 рублей 00 копеек за одну бутылку.

Таким образом, незаконным выпуском в гражданский оборот контрафактной алкогольной продукции под видом оригинальной коньяка «HENNESSY X.O.» объемом 0,5 л, в количестве 61 бутылки, «HENNESSY V.S.O.P.» объемом 0,5 л, в количестве 25 бутылок правообладателю компании «Сосьете Жас Хеннесси энд

[289] Приговор № 1-347/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-347/2020 Калининский районный суд г. Челябинска (Челябинская область) // URL: https://sudact.ru/regular/doc/QikdtZAneuU9/?page=3 (дата обращения: 01.08.2024).

Ко» причинен ущерб на сумму 755 309 рублей 00 копеек, что в соответствии с примечанием к ст. 180 УК РФ является крупным ущербом.

Согласно сведениям представителя правообладателя компании «Филип ФИО1», минимальная стоимость одной оригинальной пачки с сигаретами «MARLBORO» по состоянию на (дата) составляла 169 рублей 00 копеек за одну пачку, а минимальная стоимость одной оригинальной пачки с сигаретами «BOND» по состоянию на (дата) составляла 125 рублей 00 копеек за одну пачку.

Таким образом, незаконным выпуском в гражданский оборот контрафактной табачной продукции под видом оригинальной «MARLBORO» в количестве 14125 пачек и «BOND» в количестве 700 пачек, правообладателю компании «Филип ФИО1» причинен крупный ущерб на сумму 2 474 625 рублей 00 копеек, что в соответствии с примечанием к ст. 180 УК РФ является крупным ущербом.

Как видно из вышеприведенного приговора, суды для исчисления ущерба применяют определение упущенной выгоды правообладателя через стоимость легальной продукции, считая, что цена легальной продукции представляет собой неполученный доход, который правообладатель получил бы при нормальных условиях гражданского оборота.

Мы полагаем, что при определении размера ущерба по ст. 180 УК РФ следует исходить из фактической стоимости имущества предприятия (владельца товарного знака) на момент совершения преступления – то есть, из расчета себестоимости продукции (товаров, услуг, работ), на которой в предусмотренном законодательством порядке используется зарегистрированный товарный знак, который явился предметом преступления[290].

Себестоимостью продукции является стоимостная оценка затрат (денежных издержек) предприятия на производство и реализацию продукции. При расчете себестоимости можно учитывать прямые и косвенные затраты. В затраты могут входить материалы и сырье, зарплата персонала, производственные расходы, маркетинговые и рекламные расходы, транспортные расходы и т.д. Следует

[290] Ализаде Д.Э. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане // Мировой судья. 2024. № 4. С. 10.

отметить, что себестоимость продукции – непостоянная величина. На нее могут влиять инфляционные процессы, изменение цен коммерческих партнеров предприятия (владельца товарного знака), геополитические риски (например, санкционное давление) и т.д.

Таким образом, мы полагаем, что для определения размера ущерба необходимо отличать *стоимость* товаров и *цену* товаров (услуг, работ). Стоимость имущества объективна и подлежит определению в соответствии с данными бухгалтерского учета, которые формируют полную картину имущества предприятия и источников его формирования. С другой стороны, цена является денежным выражением ценности товара (услуги) при экономическом обмене и определяется сторонами договора самостоятельно, из чего следует, что цена на товар может быть выше или ниже рыночной стоимости исходя из различных обстоятельств. Адам Смит рассматривал противоречивую двойственную природу цены: с одной стороны, цена – денежное выражение объективной стоимости, величина которой зависит от затрат рабочего времени (труда); с другой стороны – цена зависит от субъективных оценок потребностей, что приводит к изменениям размера спроса и предложения. Универсальной методики пересчета стоимости в цену не существует, так как цена определяется исходя из выгоды каждой стороны договора. Поэтому стоимость имущества стоит рассчитывать не по розничной цене имущества, а исходя из денежных издержек предприятия на производство и реализацию продукции (себестоимости).

Определив стоимость имущества предприятия (владельца товарного знака), которое явилось предметом преступления, данную величину стоит умножить на количество использованных в торговле единиц товара, на которых незаконно использован товарный знак.

Заметим, что и вышеприведенный метод не лишен недостатков. Так, его применение не представляется возможным в том случае, если определить фактическую стоимость имущества невозможно. К примеру, в ряде случаев владелец товарного знака может быть не заинтересован в том, чтобы раскрывать фактическую стоимость имущества и ценообразование, особенно в случае с

общеизвестными товарными знаками. Однако это не исключает базового понимания, что любой законопослушный бизнес, выступивший потерпевшим в незаконном использовании своего товарного знака, имеет возможность предоставить первичную документацию для определения себестоимости продукции, являющейся предметом преступления.

Понимание содержания признака *неоднократности* в рассматриваемом составе преступления также является предметом разногласий в научной среде с самого начала его введения.

Ряд авторов указывают на проблему учета неоднократности в ст. 180 УК РФ[291]. Я. А. Аристова указывает на то, что в судебной практике до сих пор нет единого стандарта определения, что следует рассматривать как неоднократное использование товарных знаков[292]. М. В. Денисенко, С. М. Трейгер считают, что признак неоднократности трактуется вольно, что позволяет рассматривать его и как повторное привлечение к административной ответственности, и как повторное нарушение, если данный факт будет доказан[293].

Смысловое содержание признака неоднократности применительно к ст. 180 УК РФ не закреплено, хотя он имеет нормоконструирующее значение для объективной стороны преступления, и от его установления зависит возникновение уголовной ответственности – об этом пишут А. М. Плешаков, В. А. Осипов, А. А. Мордовец, отмечая, что с позиции грамматического толкования понятие неоднократности означает, что лицо совершает одно и то же деяние несколько раз

---

[291] См., например: Монахова Л. В. Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в уголовном законодательстве // Марийский юридический вестник. 2020. № 3-4(33). С. 22-25; Тюнин В. И. Неоднократность и административная преюдиция в уголовном законе (соотношение понятий) / В. И. Тюнин, А. Г. Антонов, Л. В. Готчина // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 4(47). С. 150-155.

[292] Аристова Я. А. Особенности правовой ответственности за преступления, связанные с незаконным использованием товарных знаков в Российской Федерации // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : Материалы V Всероссийской молодёжной научно-практической конференции, Москва, 03 декабря 2021 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 134-138.

[293] Денисенко М. В. Проблемы административной преюдиции в уголовном законе / М. В. Денисенко, С. М. Трейгер // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 107-109.

– то есть, это может быть второе, третье, четвертое и далее сходное деяние, из чего следует, что анализируемый признак имеет конструктивный (конститутивный, криминообразующий) характер и является обязательным элементом объективной стороны состава преступления[294]. По мнению В. П. Малкова, под конструктивными признаками состава преступления понимаются такие признаки, которые вводятся законодателем в формируемый состав преступления в качестве необходимых элементов[295].

О. А. Покрова отмечает, что действия, совершенные впервые, если не был нанесен крупный ущерб, не могут рассматриваться как преступление, а должны квалифицироваться как административное правонарушение[296]. Наши взгляды сходятся с этой точкой зрения (в случае отсутствия крупного ущерба).

Можно также привести точку зрения Н. А. Лопашенко, которая полагает, что в случае незаконного использования товарного знака неоднократно, то есть два и более раза, преступление считается оконченным с момента совершения второго деяния[297]. Этой же позиции придерживаются Л. А. Камалиева, В. А. Кондрашина, И. А. Кондрашина, подчеркивая, что в формальном составе преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, необходимое минимальное количество

---

[294] Плешаков А. М. Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления / А. М. Плешаков, В. А. Осипов, А. А. Мордовец // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 184-189.

[295] Малков В.П. Значение повторности деяния для уголовной ответственности // Избранные труды: в 3 т. Казань: Познание, 2011. Т. 2. С. 10

[296] Покрова О. А. Незаконное использование товарного знака. Пробелы и проблемы квалификации преступления в современном уголовном праве в части статьи 180 Уголовного кодекса России // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке : Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, 19 апреля 2016 года. Том Часть 4. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 120-125.

[297] Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. С. 87

совершённых деяний для привлечения лица к уголовной ответственности равно двум[298].

Мы поддерживаем выводы, сделанные И. А. Головизниной, которая при исследования понятия «неоднократности» по ст. 180 УК РФ отмечает, что это понятие у юристов вызывает смешение с понятием «неоднократность преступлений», что неверно. Понятие «неоднократность преступлений» в качестве института множественности по ст. 16 УК РФ использовалось в уголовном законе при его принятии в 1996 г., однако эта норма утратила силу в результате принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 162-ФЗ[299]. После отказа от института множественности в уголовном законе осталось всего два состава преступления – ст. 154 и ст. 180 УК РФ – в которых сохранилось указание на неоднократное совершение противоправных деяний. Существует мнение, что это обуславливалось тем, что в рассматриваемых составах неоднократность не была видом множественности, а являлась обязательным признаком объективной стороны преступлений[300]. Тем не менее, в период действия института множественности, термин «неоднократность преступлений» часто сокращался до одного слова – «неоднократность», что приводило к тому, что юристы придают ему не фактический смысл, а подразумевают множественность преступлений[301].

Задаваясь вопросом о том, является ли наличие признака неоднократности в рассматриваемом составе преступления намеренным актом или техническим упущением, М.С. Ласточкина подчеркивает, что рассматриваемая уголовно-

---

[298] Камалиева Л. А. О толковании понятия неоднократности как признака составов преступлений / Л. А. Камалиева, В. А. Кондрашина, И. А. Кондрашина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. № 1. С. 150-157.

[299] Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 декабря 2003 г. № 50. Ст. 4848.

[300] Савельева О. Ю. Институты множественности преступлений и административной преюдиции в современном российском уголовном праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4(47). С. 43-47.

[301] Головизнина И. А. Незаконное использование товарного знака: проблемы квалификации и правоприменения: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 102.

правовая норма не лишена внимания со стороны законодателя, но изменения не касаются ее диспозиции[302]. К примеру, последние законодательные изменения в ст. 180 УК РФ в 2024 году лишь в незначительной мере коснулись диспозиции ее составов.

Признак неоднократности и как форма множественности, и как признак основного состава, без которого деяние не является преступным, изначально содержался в уголовном законе именно в основных составах преступлений, что свидетельствует о противоречивом раскрытии этого института законодателем. Мы склонны согласиться с тем, что не допустимо намеренное нарушение связности правовых норм, что может привести к игнорированию важных принципов юридической техники. Эти принципы включают в себя логическую организацию и последовательность изложения норм, отсутствие пробелов и противоречий в нормативных актах и в системе законодательства, ясность, простоту и понятность языка нормативных актов, а также точность и четкость используемой терминологии[303].

Разъяснения касательно толкования признака неоднократности были сделаны в Постановлении Пленума ВС РФ № 14, в п. 15 которого этот признак по смыслу ч. 1 ст. 180 УК РФ предполагает совершение лицом двух и более деяний, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров[304]. При этом может иметь место как неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации товара (услуги), так и одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара.

---

[302] Ласточкина М. С. Указ. соч. С. 130.

[303] Денисов Г. И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. №8. С. 89-96.

[304] См.: Лепина Т. Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: дис. … канд. юрид. наук. Курск, 2014. С. 150; Бондарев В. Н. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 157.

Л.К. Никитина отмечает, что Пленум ВС РФ предложил буквальное толкование уголовного закона в части признака неоднократности. При установлении этого признака не имеет значения, привлекалось ли лицо к юридической ответственности – будь то гражданско-правовая, административная или уголовная ответственность – за ранее совершенное деяние или нет. Существенными являются два аспекта: во-первых, два или более случая совершения данного проступка произошли в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности; во-вторых, если лицо уже было подвергнуто юридической ответственности за данное деяние, то соответствующие правовые последствия не должны быть прекращены[305]. Указанный срок по ч. 1 ст. 78 УК РФ для преступления, описанного в ч. 1 ст. 180 УК РФ, составляет два года, для преступления, установленного ч. 2 ст. 180 УК РФ составляет шесть лет, а для преступления, установленного ч. 3 ст. 180 УК РФ, – десять лет.

Таким образом, исходя из буквального толкования уголовного закона, предложенного Пленумом ВС РФ, неоднократность деяния может осуществляться как минимум в двух следующих ситуациях:

1) когда лицо неоднократно использует один и тот же чужой товарный знак на различных товарах (работах, услугах) – такая неоднократность деяния определяется как реальная;

2) когда лицо одновременно использует два и более чужих товарных знака на одной единице товара – такая неоднократность деяния определяется как идеальная.

Предоставленное толкование, вынесенное высшим судебным органом, раскрывает основные аспекты рассматриваемого вопроса. Однако следует признать, что в контексте разнообразия обстоятельств и нюансов могут возникнуть такие ситуации, которые остаются неясными и подлежат дополнительному разъяснению.

---

[305] Никитина Л. К. Уголовно-правовая охрана прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 92.

К примеру, является ли преступлением совершение различных действий, каждое из которых по отдельности является незаконным использованием товарного знака?

Примером этому может служить накопление на складе товаров с незаконным использованием на них товарного знака и дальнейшее несанкционированное использование этого знака (к примеру, в рекламе или печатных изданиях). Согласно поддерживаемой нами в уголовной доктрине точке зрения, данные действия считаются охваченными единым умыслом на совершение продолжаемого преступления и не могут квалифицироваться как неоднократные. Об этом же пишет А. А. Энгельгардт, который акцентирует внимание на том, что считать деяние неоднократным необоснованно в случаях, когда выполняемые действия, необходимые на разных этапах предпринимательской деятельности (например, хранение, предложение к продаже, продажа), представляют собой неотделимые компоненты одного и того же процесса[306].

Касательно продолжительности незаконного неоднократного использования товарного знака, продолжаемое использование товарного знака, объединенное единым умыслом и совершенное в течение небольшого промежутка времени, не образует неоднократности. Важным признаком продолжаемого преступления является единство объекта, преступных последствий и субъективной стороны преступления. Если же два и более случая незаконного использования товарного знака не объединены единым умыслом, тогда можно говорить об отсутствии глубокой внутренней связи между деяниями, и они должны квалифицироваться как совершенные неоднократно.

Эти выводы подтверждаются Постановлением Пленума ВС РФ от 12 декабря 2023 года № 43 «О некоторых вопросах практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях», которое указывает на то, что длящиеся и

---

[306] Энгельгардт А. А. Вопросы толкования незаконного использования чужого товарного знака, совершенного неоднократно (ст. 180 УК РФ) // Уголовное право и современность. Сборник статей. Выпуск 2.; науч. ред. д.ю.н., проф., заслуж. деятель науки РФ А. Э. Жалинский, отв. ред. к.ю.н. С. А. Маркунцов. М., 2009. С. 136.

продолжаемые преступления представляют собой разновидности единого сложного преступления, которые совершаются в течение длительного времени и квалифицируются по одной статье или одной части статьи Особенной части УК РФ[307].

Продолжаемым является преступление, состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом. При этом продолжаемое преступление может быть образовано как деяниями, каждое из которых в отдельности содержит все признаки состава преступления, так и деяниями, каждое или часть из которых не содержат всех признаков состава преступления, но в своей совокупности составляют одно преступление. Началом продолжаемого преступления является совершение первого из числа нескольких тождественных деяний, охватываемых единым умыслом, а моментом его фактического окончания – совершение последнего из данных тождественных деяний.

О единстве умысла виновного могут свидетельствовать такие обстоятельства, как совершение тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства и (или) предмета преступления, направленность деяний на достижение общей цели.

Рассмотренная судебная практика придерживается буквального толкования рассматриваемой уголовной нормы и Постановления Пленума ВС РФ № 14, зачастую не фиксируя значительный временной разрыв между неоднократными случаями незаконного использования товарного знака и не определяя возникновение нового умысла.

Кирсановский районный суд (Тамбовская область) в деле № 1-74/2020 от 13 июля 2020 г. вынес приговор, в котором признак неоднократности был установлен следующим образом: «[…] Гражданин П., без регистрации юридического лица и

---

[307] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях". //«Российская газета» от 22.12.2023.

получения требуемого законом Российской Федерации специального разрешения (лицензии) на право закупки (приобретения), хранения и оптовой (розничной) продажи, алкогольной и спиртосодержащей продукции, когда такая лицензия в данном случае обязательна, не имея разрешений от правообладателей на право использования принадлежащих им товарных знаков, имея *единый умысел*, незаконно неоднократно использовал товарные знаки, на одном и том же средстве индивидуализации товара, *незаконно одновременно использовал более двух чужих товарных знаков и средств индивидуализации на одной единице товара и сходных с ними обозначений для однородных товаров (выделено мною – Д.А.)*, применяя их на контрафактной алкогольной продукции, которая введена им в гражданский оборот на территории Российской Федерации, путем приобретения, хранения и перевозки с целью последующего сбыта в мелкооптовой и розничной продаже»[308].

Интересной также представляется ситуация, при которой происходит неоднократное незаконное использование средств индивидуализации на одном и том же виде товара, изготавливаемого различными (самостоятельными) партиями. В данном случае преобладающей в науке уголовного права позицией является квалификация данного деяния как преступного по признаку неоднократности. Исходя из грамматического толкования диспозиции рассматриваемой нормы, мы согласны с этой позицией.

Как показывает анализ судебной практики, суды идут по пути наименьшего сопротивления. Так, Ленинский районный суд (город Севастополь) в деле № 10-16/2020 рассмотрел апелляционную жалобу, в которой утверждалось, что в рассмотренном мировым судьей деле не определен предмет преступления и признак неоднократности использования чужого товарного знака, не установлен умысел «ФИО1» в отношении инкриминируемого преступления[309]. Изучив

---

[308] Приговор № 1-74/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-74/2020. Кирсановский районный суд (Тамбовская область) // URL: https://sudact.ru/regular/doc/CJTJiAqJELW8/?page=14 (дата обращения: 01.08.2024).

[309] Апелляционное постановление № 10-16/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 10-16/2020 Ленинский районный суд (город Севастополь) // URL: https://sudact.ru/regular/doc/xJjRfux3epmT/?page=3 (дата обращения: 01.08.2024).

материалы уголовного дела, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что признак неоднократности установлен с учетом разъяснений п. 18 Пленума ВС РФ № 14. Так, судом апелляционной инстанции установлено, что суд первой инстанции правильно исходил из того, что экспертом установлено использование четырех товарных знаков на осмотренной продукции.

Таким образом, суд не акцентировал внимания на том, совершались ли действия на разных этапах предпринимательской деятельности или что средства индивидуализации использовались на различных (самостоятельных) партиях товаров. Наоборот, суд установил признак неоднократности на основании факта использования четырех чужих товарных знаков в рамках изъятой продукции.

Касательно идеальной неоднократности противоправного деяния, Л. А. Камалиева, В. А. Кондрашина, И. А. Кондрашина считают, что одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара в смысле неоднократности противоречит смысловому содержанию понятия «неоднократность». Кроме того, по их мнению, маловероятно, чтобы лицо наносило на один и тот же товар одновременно два и более товарных знаков, принадлежащих различным правообладателям[310].

Мы склонны не согласиться с малой вероятностью представленной ситуации. Вполне возможно представить себе реализацию одежды (например, футболок) на вещевом рынке с использованным товарным знаком «*DreamWorks*» и персонажем из компьютерно-анимационного фильма «*Ледниковый период*», который знаком буквально каждому ребенку и который также охраняется в качестве товарного знака. В данном примере указанный мультфильм изначально распространялся студией «*20th Century Fox*», которая в дальнейшем была приобретена компанией «*Walt Disney Pictures*», в то время как товарный знак «*DreamWorks*» принадлежит американской киностудии «*DreamWorks Animation LLC*». Таким образом, с одной стороны, понимание деталей о взаимосвязи (включая, юридической) между этими

[310] Камалиева Л. А. Указ. соч.

товарными знаками предполагает наличие у потребителей специальных знаний, а с другой стороны, использование нескольких общеизвестных товарных знаков на один товар способно сделать его более желанным в глазах потребителей.

Можно также привести в пример судебную практику, в которой осужденный использовал более двух чужих товарных знаков на одной единице товара, при этом одновременно использовались словесный товарный знак (название товара) и объемный товарный знак (особая конструкция бутылки)[311].

Позиция Верховного Суда в Постановлении Пленума ВС РФ № 14 при идеальной неоднократности не учитывает субъективную сторону, квалифицируя одновременное использование двух и более чужих товарных знака на одной единице товара независимо от наличия единого умысла.

Не образует неоднократности для целей ст. 180 УК РФ повторное единичное совершение лицом деяния, предусмотренного этой статьей, если оно имеет неснятую или непогашенную судимость за это преступление[312].

Повторное совершение деяния лицом не рассматривается как неоднократность в контексте ст. 180 УК РФ, если после первого инцидента истекли сроки давности для уголовного преследования, или если имеются иные препятствия для привлечения к уголовной ответственности, такие как амнистия[313].

Исходя из вышеприведенного анализа, возможно представить возникновение следующих уголовно-правовых ситуаций по признаку неоднократности:

1) лицо неоднократно незаконно использует товарный знак, не будучи при этом ранее привлеченным ни за одно из совершенных деяний к юридической ответственности. Мы полагаем, что в данном случае, исходя из нынешней редакции

---

[311] Приговор Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 19.10.2020 по делу № 1-546/2020 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2024).

[312] Волков К. А., Козлов А. В. О Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака // Российский судья. 2008. № 1.

[313] Есаков Г. А. О понимании крупного ущерба, размера и неоднократности в составах преступлений против интеллектуальной собственности / Г. А. Есаков, Д. М. Сарваров // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 5(212). С. 82-90.

уголовной нормы и судебной практики, возможно возникновение уголовной ответственности за совершенные действия по ст. 180 УК РФ;

2) лицо неоднократно незаконно использует товарный знак, при этом оно ранее уже привлекалось к административной ответственности за аналогичные деяния по ст. 14.10 КоАП РФ. Мы полагаем, что в данном случае, исходя из нынешней редакции уголовной нормы, возможно возникновение уголовной ответственности за совершенные действия по ст. 180 УК РФ;

3) лицо неоднократно незаконно использует товарный знак, при этом оно ранее уже привлекалось к уголовной ответственности за аналогичные деяния по той же статье уголовного закона. А. В. Жайворонок отмечает, что в данном случае деяние, за которое это лицо уже понесло ответственность, не может учитываться в рамках неоднократности, хотя может повлечь большую ответственность, например, при назначении наказания[314].

Исследование признака неоднократности по ст. 180 УК РФ было бы неполным без изучения иного довольно распространенного подхода. В науке уголовного права существует точка зрения, согласно которой неоднократность может существовать только при наличии административной преюдиции. В рамках настоящего исследования представляется необходимым провести более обстоятельный анализ института административной преюдиции в контексте ст. 180 УК РФ.

В теории уголовного права существуют разные точки зрения по вопросу содержания понятия административной преюдиции. Ч. Ф. Мустафаев, исследователь этого понятия в советском уголовном праве, считал административной преюдицией придание уголовно-правовой нормой факту законного и обоснованного применения административного взыскания за проступок значения необходимого предварительного условия признания

---

[314] Жайворонок А. В. Незаконное использование товарного знака: криминологическое и уголовно-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2010. С. 56.

совершенного после этого деяния – преступлением[315]. З. Э. Эргашева считает преступлением с административной преюдицией общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания, виновно совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за совершенное в течение определенного законом срока аналогичное правонарушение[316].

Несмотря на наличие в науке уголовного права различных доктринальных определений административной преюдиции, основными её чертами можно назвать следующие:

1) лицо в первый раз совершает противоправное деяние и привлекается к административной ответственности;

2) лицо повторно совершает одно или более тождественных деяний (правонарушений), и в этом случае привлекается уже к уголовной ответственности;

3) между совершением первого и повторного (второго, третьего и т.д.) тождественного правонарушения проходит определенный временной срок[317].

Таким образом, можно сказать, что административная преюдиция по сути представляет собой своеобразный «мост», где лицо подвергается уголовной ответственности за повторное (вторичное, третичное и так далее) совершение правонарушения в определенный период времени после того, как за первое нарушение оно было подвергнуто административному наказанию[318].

О. В. Макарова, Е. В. Ямашева отмечают, что проблематика института преюдиции связана с отсутствием законодательно закрепленной дефиниции понятия «преюдиция», что нарушает принцип правовой определенности,

---

[315] Мустафаев Ч. Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Баку, 1986. С. 8.

[316] Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 173.

[317] Добров А. Н., Баранова С. А. Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2. С. 202-208.

[318] Хилюта В. В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 117-136.

поскольку препятствует надлежащему уяснению содержания данного понятия[319]. В этой связи И. Оськина, А. Лупу указывают, что регулирование преюдиции через определение ее действия в уголовном процессе не снимает проблемы ее нормативно-правового определения как правового института[320].

Юридический механизм, включающий в себя состав преступлений с административной преюдицией, был впервые использован в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 года, где в отдельных статьях предусматривалась уголовная ответственность за многократное нарушение правил[321]. Административная преюдиция также существовала в советский период, однако в 70-80-е годы прошлого века, в свете повышенного внимания к правам человека и гражданина, появилась критика этой практики. Под воздействием этой критики, в процессе разработки и принятия Уголовного кодекса Российской Федерации, законодатель решил отказаться от использования административной преюдиции в конструировании уголовных норм.

Статья 50 Конституции РФ, принятой в 1993 г. провозгласила, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. Этот принцип уголовного права «*non bis in idem*», согласно которому не должно быть двух взысканий за одну провинность, и стал основанием для отказа от административной преюдиции при принятии УК РФ в 1996 г.

При этом существует и иная точка зрения, согласно которой ряд исследователей считают, что административная преюдиция существовала в УК РФ с самого начала и была завуалирована под признаком неоднократности деяния в ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)» и ст. 180 УК РФ «Незаконное использование товарного знака»[322]. Этот вывод исходит из того факта, что Кодекс

---

[319] Макарова О. В. Особенности преюдиции в рамках уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности / О. В. Макарова, Е. В. Ямашева // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 12. С. 132-140.

[320] Оськина И., Лупу А. Как избежать судебных противоречий // ЭЖ-Юрист. 2015. № 1-2.

[321] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. - [4], IV, 898, XVII с.; 16 см.

[322] Иванчин А. В. Конструирование составов преступлений с административной преюдицией: pro et contra // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 3(21). С. 65-68.

Российской Федерации об административных правонарушениях содержит аналогичные (но при этом однократные) нормы таких правонарушений[323].

Несмотря на обозначенные позиции, в более ранних работах, посвященных уголовно-правовым аспектам охраны прав на товарные знаки, превалировало мнение об отсутствии административной преюдиции в уголовном законе. Так, Е. В. Демьяненко в 2003 г. отмечала, что УК РФ отказался от конструкций составов преступлений с административной преюдицией[324].

Такой же вывод делала И. А. Головизнина, которая в 2008 году отмечала, что в структуре ст. 180 УК РФ используется принцип, согласно которому при совершении двух и более деяний, каждое из которых по отдельности подпадает под признаки административного правонарушения, формируется состав преступления. Этот прием юридической техники не является административной преюдицией, поскольку, во-первых, в тексте статьи нет упоминаний о применении административного наказания, а во-вторых, в ней не указаны сроки давности для возбуждения административных дел. Для того чтобы лицо было привлечено к уголовной ответственности за действия, предусмотренные ст. 180 УК РФ, не требуется вынесение постановления о совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.10 КоАП РФ. Таким образом, сам акт незаконного использования товарного знака рассматривается не как правонарушение, а как часть продолжаемого единичного преступления, состоящего из нескольких актов незаконного использования товарного знака[325].

Кроме того, по мнению И. А. Головизниной, ч. 2 ст. 180 УК РФ в ранее действовавшей редакции, которая касалась незаконного использования предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированных в Российской Федерации товарных знаков или наименований места происхождения товаров, построена на том же методологическом подходе и предполагает наличие элемента

---

[323] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (с изменениями на 11 марта 2024 года) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2024).
[324] Демьяненко Е. В. Указ. соч. С. 104.
[325] Головизнина И. А. Проблема двусмысленности термина «неоднократность», содержащегося в ст. 180 УК РФ, и пути ее преодоления // Российский следователь. 2006. № 11. С. 15—17.

неоднократности, даже несмотря на то, что административный закон не устанавливает административного правонарушения, связанного с незаконным использованием предупредительной маркировки. Это исключает возможность зафиксировать административную преюдицию, что подтверждает независимость данной статьи от законодательства об административных правонарушениях.

По этому поводу А. А. Коростиев, Н. Н. Коротких отмечают, что несколько актов незаконного использования товарного знака могут как охватываться единым умыслом, так и не охватываться им – в первом случае это говорит о наличии признака единого продолжаемого преступления, а во втором случае о наличии признака неоднократности[326]. Как мы отмечали выше, разорванные во времени деяния по незаконному использованию чужого товарного знака не могут квалифицироваться как неоднократные, если они охватывались единым умыслом на совершение продолжаемого преступления. И. А. Клепицкий по этому поводу отмечает, что неоднократность в ст. 180 УК понимается как незаконное использование чужого товарного знака лицом, ранее совершившим такое деяние. При этом не имеет значения, был ли ранее привлечен гражданин к уголовной или административной ответственности за такие действия. Однако важно, чтобы не истекли сроки давности, установленные уголовным или административным законом, в зависимости от юридической квалификации первого эпизода. В случае, если гражданин ранее подвергался юридической ответственности, его судимость не должна быть снята или погашена, и после завершения исполнения административного наказания не должно пройти более одного года согласно правилу по ст. 4.6 КоАП[327]. А. А. Коростиев, Н. Н. Коротких заключают – либо эти выводы означают, что этим открывается жизнь для использования института административной преюдиции в ст. 180 УК РФ, либо же признак неоднократности вовсе должен быть из неё исключен.

---

[326] Коростиев А. А. Неоднократность как неявное проявление административной преюдиции в ст. 180 УК РФ / А. А. Коростиев, Н. Н. Коротких // Юридическая наука. 2022. № 1. С. 106-110.
[327] Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. С. 403.

Л. К. Никитина со ссылкой на изложение ст. 178 УК РФ в новой редакции по итогу принятия Федерального закона от 29 июля 2009 года «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» № 216-ФЗ обозначила изменение тенденции[328]. Так, новая редакция ст. 178 УК РФ предусматривала криминообразующий признак в виде «неоднократного злоупотребления доминирующим положением», а примечание к этой статье устанавливало, что «неоднократным» считается совершение лицом правонарушения более двух раз в течение трех лет, за которые оно было привлечено к административной ответственности. Уже тогда Л. К. Никитина дальновидно заключила, что данное понимание неоднократности в составе преступления будет применяться более широко, включая его применение в отношении несанкционированного использования товарного знака аналогичным образом. О реанимировании и расширении использования института административной преюдиции для целей либерализации уголовного закона также было сказано в ежегодном послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2009 году[329].

Е. А. Лысак приводила в пример точки зрения разных авторов, согласно которым, с одной стороны, считалось что административная преюдиция может являться эффективным средством отграничения преступлений от административных правонарушений, а с другой стороны, что возврат к составам с административной преюдицией, будучи необоснованным, приведет к расширению пределов уголовной ответственности и размыванию границ между административной и уголовной ответственностью[330].

По состоянию на сегодняшний день мы можем констатировать, что институт административной преюдиции фактически и юридически возвращен в российское уголовное законодательство, что было встречено юридическим сообществом неоднозначно.

---

[328] Никитина Л. К. Указ. соч. С. 96.

[329] Безверхов А. Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 51–54.

[330] Лысак Е. А. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности по зарубежному законодательству: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар. 2012. С. 39.

Сторонники возвращения административной преюдиции перечисляют преимущества её наличия в уголовном законе, некоторые из которых приведем в настоящем исследовании. Среди преимуществ можно выделить следующие аспекты: возможность установления гибкого правового воздействия на правонарушителя, необходимость сближения норм охранительного законодательства, потребность в разработке модели уголовного проступка, прообразом которого могут стать нормы преюдиционного характера, и т.д[331].

Противники применения административной преюдиции также выступают с обоснованными доводами, такими как нарушение принципов законности и справедливости, закрепленных в ст. 3 и ст. 6 УК РФ соответственно, нарушение имеющего конституционное значение принципа «*non bis in idem*» из-за его действия в межотраслевом пространстве, высокий риск размывания границ между правонарушением и преступлением, и т.д[332].

М. В. Денисенко и С. М. Трейгер отмечали, что включение административных правонарушений, даже при их повторном совершении, в сферу уголовно-правовых отношений не меняет их природы. Они подчеркивали, что считается преступлением только такое общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все элементы состава преступления, независимо от других обстоятельств, включая количество совершенных административных правонарушений, и независимо от того, были ли применены административные меры воздействия в отношении лица за их совершение[333].

---

[331] См., например: Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10(154). С. 69-79; Шлыкова К. А. Составы преступлений с административной преюдицией: за и против // Вопросы российской юстиции. 2022. № 20. С. 526-539; Старовойтова Ю. Г. О сущности административной преюдиции в уголовном праве // Проблемы права: теория и практика. 2022. № 57. С. 284-300; Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9.

[332] См., например: Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64-71; Мамхягов З. З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 72-74; Шемякин Д. В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45-47.

[333] Денисенко М. В. Указ. соч.

Профессор Э.Л. Сидоренко заключает, что весь спор в юридической литературе на данную тему можно свести к следующему вопросу: что является более значимым – сохранение чистоты уголовного законодательства или повышение эффективности правоохранительной деятельности путем перераспределения ресурсов для пресечения правонарушений[334]. При этом представляется более важным исходить из того, что введение в законодательство преступлений преюдиционного характера уже является свершившимся фактом и стоит сосредоточить внимание на разработке научно-обоснованных рекомендаций по применению существующих норм с административной преюдицией, выработке алгоритма квалификации этих преступлений и определения той грани, при пересечении которой административное правонарушение становится уголовно-наказуемым деянием[335].

В качестве аргумента в поддержку позиции профессора Э. Л. Сидоренко можно отметить постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина», который подтвердил существование института административной преюдиции в уголовном праве Российской Федерации, но отметил, что федеральный законодатель не может игнорировать предписание ст. 50 Конституции РФ, которая в соответствии с общепризнанным принципом *«non bis in idem»* запрещает осуждение кого-либо дважды за одно и то же преступление, что согласуется с Международным пактом о гражданских и политических правах и с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, но при этом законодатель вправе прибегать к институту уголовной ответственности, когда повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений совершается лицом, ранее уже подвергавшимся административному наказанию за аналогичные деяния, потому что это

---

[334] Сидоренко Э. Л. Особенности квалификации преступлений преюдиционного характера // Общество и право. 2016. № 1(55). С. 60-66.
[335] Там же.

свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств противодействия нарушениям закона, что может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия)[336]. Возможность дуалистического подхода к использованию административной и уголовной ответственности для борьбы с правонарушениями в случае наличия признака неоднократности обусловлена тем, что, будучи разновидностями юридической ответственности за совершение деяний, представляющих общественную опасность, они имеют схожие задачи, базируются на рядоположенных принципах, преследуют общую цель защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка и, по сути, во многом дополняют друг друга. Этим, а также кумулятивным эффектом противоправного посягательства, Конституционный Суд объясняет возможность для законодателя использовать составы преступлений с административной преюдицией и наличие в правовом регулировании смежных составов административных правонарушений и преступлений.

Мы полагаем, что включение санкций в уголовный закон за преступления с административной преюдицией имело несколько стихийный и бессистемный характер – об этом же пишет А. В. Богданов, подчеркивая внесистемное использование института административной преюдиции при конструировании уголовно-правовых норм[337]. Наглядным свидетельством этого является отсутствие единообразия в юридико-технической конструкции новых норм. В некоторых составах преступлений основанием наступления уголовной ответственности является повторное совершение правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. В других случаях

---

[336] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Российская газета. 28.02.2017. № 41(7207).

[337] Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право": автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. С. 11

составов преступлений указывается на привлечение лица к административной ответственности за совершение административных правонарушений. И, наконец, в двух составах преступлений (ст. 154 и ст. 180 УК РФ) существует указание на неоднократность деяния, при этом не делается различия между фактической и юридической повторностью правонарушения.

Анализ положений уголовного и административного законов свидетельствует о том, что составы преступлений, которые содержат признак преюдиции, по-разному отсылают к соответствующему составу административного правонарушения. В некоторых составах ссылка содержится непосредственно в диспозиции уголовно-правовой нормы (например, ст. 116.1 УК РФ), в других ссылка включена в примечание к уголовно-правовой норме (например, ст. 151.1 УК РФ). Наконец, исключение снова составляют ст. 154 и ст.180 УК РФ, где ссылка отсутствует вовсе.

Таким образом, налицо выделение ст. 180 УК РФ (безусловно, наряду со ст. 154 УК РФ) в отдельную группу составов преступлений, которые содержат завуалированную (неочевидную, скрытую) преюдицию из-за отсутствия в нормах указания на преюдиционный характер[338].

В контексте административной преюдиции, исходя из вышеупомянутой выдержки из постановления Пленума ВС РФ № 14, можно сделать вывод о том, что Верховный суд РФ не связывает привлечение к уголовной ответственности по ст. 180 УК РФ с более ранним привлечением к административной ответственности по смежному административному правонарушению, предусмотренному ст. 14.10 КоАП РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»[339].

---

[338] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В. И. Булавин, В.В. Воробьев, Ю.В. Головлев и др.; под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В. В. Сверчкова. 4-ое изд., перераб. И доп. М.: Юрайт-Издат, 2007. 1264 с.; Иванчин А. В. О целесообразности построения преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. №2. С. 99.

[339] Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 3: Преступления в сфере экономики / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. С 557.

Об этом же пишет И. А. Головизнина, которая отмечает, что для привлечения лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, не требуется постановления об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.10 КоАП РФ[340]. Е.В. Новикова пишет, что придерживается буквального толкования рассматриваемых законоположений, которые не требуют привлечения лица к административной ответственности за первый эпизод[341]. З. Э. Эргашева пишет, что в составах преступлений, предусмотренных ст. 154 и 180 УК РФ, отсутствует признак административной наказуемости и поэтому они не относятся к преступлениям с административной преюдицией[342].

Как справедливо отмечает И. М. Гошаев, на вопрос о наличии административной преюдиции в ст. 180 УК РФ можно посмотреть с другой стороны – постановление Пленума ВС РФ № 14 не содержит и противоположного указания на невозможность привлечения к уголовной ответственности на основании установления факта привлечения лица к административной ответственности за первое деяние[343].

Мы разделяем точку зрения профессора Э. Л. Сидоренко, которая при изучении уголовных составов, включающих неоднократное совершение правонарушений, задалась вопросом, как следует учитывать сроки в составах, не содержащих ссылок на нормы КоАП РФ, таких как ст. 154 и ст. 180 УК РФ. Несмотря на то, что текст уголовно-правовой нормы о незаконном использовании средств индивидуализации товаров (работ, услуг) не подразумевает преюдиционный элемент, в КоАП РФ имеется статья 14.10, которая фактически повторяет содержание статьи 180 УК РФ. В связи с тождеством юридических признаков административно- и уголовно- наказуемых деяний, возникают закономерные вопросы:

---

[340] Головизнина И. А. Указ. соч. С. 105.
[341] Новикова Е. В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12(52). С. 105-112.
[342] Эргашева З.Э. Указ. соч. С. 101.
[343] Гошаев И. М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 81-84.

1) если один из этапов единого продолжаемого преступления содержит в себе законченный состав административного правонарушения, стоит ли говорить об отсутствии административной преюдиции; и

2) будет ли признаваться законным приговор, вынесенный на основании оценки ранее совершенных лицом административных проступков, не получивших соответствующей юридической оценки в виде вступившего в силу постановлении по делу об административном правонарушении.

По утверждению профессора Э. Л. Сидоренко, на эти вопросы может быть дан только отрицательный ответ.

Профессор Э. Л. Сидоренко продолжает анализ поставленного вопроса следующим образом: «если же исходить от обратного и связывать уголовную противоправность с совершением лицом деяний, ни за одно из которых оно не было привлечено к административной ответственности, придется существенно расширить границы уголовно-правового воздействия и квалифицировать по ст. 180 УК РФ любые однородные действия, направленные на одинаковые объекты (например, незаконное нанесение маркировки на несколько маек, печатную продукцию, технику и др.). Аналогичным образом необходимо будет квалифицировать и продажу, иное введение в гражданский оборот, хранение и перевозку одного и того же товара, для индивидуализации которого используется чужой товарный знак или обозначение, сходное с зарегистрированным товарным знаком. Но в судебной практике данные действия рассматриваются как элементы продолжаемого административного правонарушения и не требуют квалификации по ст. 180 УК РФ. Исходя из духа закона, логично предположить, что совершение различных по характеру действий, направленных на причинение вреда одному и тому же объекту интеллектуальных прав, образует единичное продолжаемое правонарушение и квалифицируется по ст. 14.10 КоАП РФ.

Состав преступления ст. 180 УК РФ по признаку неоднократности имеет место тогда, когда лицо уже ранее незаконно использовало средства индивидуализации товаров, но деяние было направлено на нарушение интеллектуальных прав на другой товарный знак, знак обслуживания,

наименование места происхождения товара и др. А поскольку речь идет о принципиально ином объекте интеллектуальных прав, единственным основанием для его юридического учета в качестве отдельного признака состава является вступление в силу соответствующего правоустанавливающего акта, которым в данном случае является постановление по делу об административном правонарушении.

Если следовать данной логике, закономерным представляется следующий вывод: квалификация деяния по ст. 180 УК РФ возможна в случаях, когда лицо совершило второе однородное правонарушение в течение года с момента исполнения постановления о назначении административного наказания. В этом случае исключается оценка деяния как продолжаемого правонарушения, и в то же время соблюдается требование учета юридической повторности при определении границ наказуемости деяния»[344].

А. М. Плешаков, В. А. Осипов и А. А. Мордовец, придерживаясь мнения о наличии завуалированной административной преюдиции в ст. 180 УК РФ, подчеркивают, что факт установления «самостоятельного правонарушения» – это фиксация единичного административного деликта по ст. 14.10 КоАП РФ»[345]. Использование товарного знака, будь то одновременное или последовательное, в любом из ранее отмеченных вариантов неоднократности не исключает его юридической самостоятельности и способности существовать как самостоятельный юридический факт, который подлежит отдельной правовой оценке.

В контексте административной преюдиции, в науке уголовного права существует мнение, что данный криминообразующий признак преступления стирает границу между сферами действия административного и уголовного права (законодательства), и при криминализации новых правонарушений посредством включения признака неоднократности был нарушен принцип системности права в

---

[344] Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6(234). С. 125-133.
[345] Плешаков А. М. Указ. соч.

рамках соотношения административного и уголовного законов[346]. Противоречивость этого признака в Особенной части уголовного закона затрудняет его практическую реализацию.

Некоторые ученые предлагают исключить признак неоднократности из ст. 180 УК РФ. По этому пути в своих научных работах пошли Г. А. Есаков, Д. М. Сарваров[347].

Поддерживая противоположный лагерь ученых, мы придерживаемся более прагматичной позиции и полагаем целесообразным включить институт административной преюдиции в состав преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ. Нам видится, что недвусмысленное включение этого института должно стать эффективным средством для уменьшения количества лиц, осужденных к лишению свободы, на примере ряда иных составов (например, нанесение побоев, неуплата средств на содержание нетрудоспособных родителей и т.д.)[348].

В предполагаемой ситуации противоправное действие будет квалифицироваться как уголовное преступление, если лицо совершает второе аналогичное правонарушение, установленное соответствующей частью ст. 180 УК РФ, в определенный период времени с момента исполнения постановления о назначении административного наказания[349]. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ, лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления – таким образом, в контексте ст. 14.10 КоАП РФ следует говорить о сроке в один год с момента оплаты административного штрафа по вынесенному постановлению. Если этот срок истекает и лицо не

---

[346] Мамхягов З. З. Административная преюдиция в уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. С. 11.
[347] Есаков Г.А. Указ. соч.
[348] Ализаде Д.Э. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане // // Мировой судья. 2024. № 4. С. 8-13.
[349] Там же.

совершает повторных незаконных действий в течение этого времени, то нет оснований для привлечения его к уголовной ответственности.

Если лицо, которое ранее было подвергнуто административному наказанию, совершает повторное (неоднократное) нарушение, предусмотренное ст. 180 УК РФ, но прошло более года с момента совершения первого нарушения, то это рассматривается как новое правонарушение, и уголовная ответственность в данном случае не возникает. Для исчисления административной преюдиции это вновь «первое» правонарушение, а расчет сроков для административной преюдиции подчиняется общим правилам административного законодательства, установленным в ст. 4.8 КоАП РФ.

Недвусмысленное включение института административной преюдиции в состав преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, возможно следующими способами:

1) закрепление понятия неоднократности в примечании к ст. 180 УК РФ. В таком случае, изложение примечания возможно в следующей редакции: «Неоднократным незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг) признается совершение незаконного деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в срок, в течение которого это лицо считается подвергнутым административному наказанию»;

2) разработка универсальной нормы, регулирующей институт административной преюдиции, «*de lege ferenda»* в рамках Общей части УК РФ и её единообразное применение ко всем преступным деяниям. Это исключает необходимость ограничиться закреплением понятия неоднократности в примечании к ст. 180 УК РФ. При этом возможно закрепление индивидуальных признаков неоднократности в конкретных статьях Особенной части УК РФ с соблюдением основных установлений Общей части УК РФ[350].

При этом, касательно самого института административной преюдиции все еще остаются вопросы, требующие конкретизации.

---

[350] Там же.

Во-первых, в нынешней редакции уголовного закона по-разному определяется срок, в течение которого лицо должно совершить повторное правонарушение – в некоторых случаях это период, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию согласно ст. 4.6 КоАП РФ; в других случаях указывается один год; для определенных преступных деяний установлен срок 180 дней. В этом вопросе унификация исчисления и определения сроков на основании административного закона (ст. 4.6 и ст. 4.8 КоАП РФ) представляется необходимой.

Во-вторых, по-разному регулируется необходимое количество совершенных административных правонарушений. Некоторые составы преступлений предусматривают однократную преюдицию; некоторые – двукратную; некоторые – привлечение к административной ответственности более двух раз (то есть, три и более); также в уголовном законе присутствуют преступления преюдиционного характера с признаком сопряженности. Несомненно, этот вопрос также требует унификации со стороны законодателя – ввиду наибольшей распространенности однократной преюдиции, представляется разумным остановиться именно на ней. А. С. Телегин и Н. В. Тиунова в контексте этого вопроса подчеркивают, что данная конкретизация позволит более грамотно подойти к законодательному закреплению административно-преюдициальных норм в уголовном законе и позволит оптимизировать процесс квалификации преступлений[351].

В-третьих, составы преступлений характеризуются отсутствием единообразного описания признаков субъекта преступления – в некоторых составах речь идет о «лице, подвергнутом административному наказанию», в других – о «лице, привлеченном к административной ответственности». Согласно выводам, сделанным нами выше, представляется верным остановиться на следующем описании субъекта преступления – «лицо, подвергнутое административному наказанию».

---

[351] Телегин А. С. Повторность совершения административного правонарушения / А. С. Телегин, Н. В. Тиунова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 626-650.

Выводы по параграфу:

1. В уголовно-правовой науке существуют различные точки зрения относительно непосредственного объекта рассматриваемого преступления. В рамках настоящего исследования мы придерживаемся позиции, что основным непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, связанные с исключительным правом правообладателя на средства индивидуализации товаров, работ и услуг. Дополнительным непосредственным объектом преступления следует считать общественные отношения, складывающиеся по поводу добросовестной конкуренции субъектов предпринимательской деятельности.

2. Не все средства индивидуализации, охраняемые гражданским законом, предусмотренные гражданским законом, входят в содержание непосредственного объекта преступления по ст. 180 УК РФ. Так, право на фирменное наименование и коммерческое обозначение не являются объектами этого преступления.

3. Введение новых правил о географических указаниях в гражданское законодательство имеет целью обеспечение охраны отечественных обозначений, указывающих на происхождение товаров. Однако в уголовном законодательстве не предусмотрена уголовная ответственность за незаконное использование географических указаний, что может создать проблемы в области правоприменения и недостаточную защиту интересов правообладателей. Рекомендуется обратить внимание на несоответствие между гражданским и уголовным законодательством в части уголовной ответственности за незаконное использование географических указаний.

4. С 2023 года право регистрации товарных знаков на своё имя наравне с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями получили российские граждане. Эта законодательная новелла особенно актуальна в контексте развития проекта осуществления деятельности самозанятыми гражданами.

5. Модель исчерпания исключительных прав на товарные знаки в РФ представляет собой уникальный смешанный подход, объединяющий три принципа исчерпания прав – национальный, региональный и международный:

– национальный принцип применяется, когда товар вводится на рынок РФ владельцем товарного знака или с его согласия;

– региональный принцип действует в странах ЕАЭС и также требует согласия правообладателя на введение товара на рынок ЕАЭС;

– международный принцип может использоваться в случае отсутствия правообладателя или его согласия, и он применим к товарам, указанным в перечне Министерства промышленности и торговли РФ.

По нашему мнению, сложившаяся модель исчерпания исключительных прав на товарный знак вряд ли может представлять уравновешенный подход из-за очевидных сложностей её применения и её сомнительной правовой стабильности в долгосрочной перспективе. При этом незаконные действия по параллельному импорту должны считаться незаконным использованием товарного знака в понимании уголовного закона.

6. Анализ рассматриваемой нормы подчеркивает сложность определения крупного ущерба как признака незаконного использования товарного знака. Эта сложность проистекает из того, что права на товарный знак являются нематериальными. Суды должны применять расчет ущерба последовательно, чтобы обеспечить справедливость и предсказуемость в правоприменении. Базовым методом исчисления размера ущерба должен быть подсчет исходя из фактической стоимости (себестоимости) товаров владельца (правообладателя) товарного знака на момент совершения преступления, умноженной на количество незаконно использованных в торговле единиц товара, на которых использован зарегистрированный товарный знак.

7. По вопросу признака неоднократности в рамках рассматриваемой нормы мы полагаем целесообразным включить институт административной преюдиции в состав преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ. Включение этого института должно стать эффективным средством при рассмотрении

соответствующих уголовных дел. В данной ситуации противоправное действие будет квалифицироваться как уголовное преступление, если лицо совершает второе аналогичное правонарушение, установленное соответствующей частью ст. 180 УК РФ, в определенный период времени с момента исполнения постановления о назначении административного наказания – согласно ст. 4.6 КоАП РФ, лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Включение института административной преюдиции в состав преступления по ст. 180 УК РФ, возможно следующими способами: закрепление понятия неоднократности в примечании к ст. 180 УК РФ (примечание возможно в следующей редакции: «Неоднократным незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг) признается совершение незаконного деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в срок, в течение которого это лицо считается подвергнутым административному наказанию.»); или разработка универсальной нормы, регулирующей институт административной преюдиции, «*de lege ferenda»* в рамках Общей части УК РФ и её единообразное применение ко всем преступным деяниям.

§ 3. Субъективные признаки состава незаконного использования товарного знака по законодательству Российской Федерации

Для того, чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности за преступление, необходимо установить как объективные, так и субъективные признаки состава преступления.

Субъективные признаки состава преступления являются элементами, входящими в конструкцию каждого преступления, которые определяют намерения, цели или психическое состояние преступника в момент совершения противоправного деяния. Субъективные признаки состава преступления играют

важную роль в установлении вины преступника и способствуют оценке его противоправных действий в контексте правового анализа преступления.

В общем учении о преступлении субъект – один из признаков состава, отсутствие которого исключает уголовную ответственность[352].

Касательно признака одушевленности субъекта преступления мы придерживаемся доминирующей позиции, сложившейся в науке уголовного права, и полагаем, что субъектом незаконного использования товарного знака по ст. 180 УК РФ является физическое лицо[353]. Таким физическим лицом могут быть граждане Российской Федерации, граждане других государств (иностранцы), а также лица без гражданства.

Следующим обязательным признаком субъекта является его уголовно-правовая деликтоспособность, то есть способность лица осознавать общественную опасность совершенных действий (бездействия) и нести ответственность за совершение преступления. Согласно общим правилам уголовного закона, предусмотренным в ст. 20 УК РФ, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Анализ ч. 2 ст. 20 УК РФ, которая устанавливает пониженный возраст уголовной ответственности за отдельные составы преступления, позволяет прийти к выводу о том, что наступление уголовно-правовой деликтоспособности за незаконное использование товарного знака – 16 лет.

Третий обязательный признак субъекта преступления – вменяемость, то есть способность осознавать содеянное и руководить своими действиями. Лица, которые на такое не способны, признаются невменяемыми и не подлежат уголовной ответственности.

Субъект состава рассматриваемого преступления – общий, а не специальный. Специальный субъект – это лицо, которое помимо общих обязательных признаков обладает также дополнительными признаками, которые отражают его характерные

---

[352] Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 29.

[353] См., например: Бондарев М. Ю. Уголовно-правовая охрана интеллектуальных прав: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 147.

черты. В данном случае речь может идти о таком признаке специального субъекта, как социальный статус или правовое положение лица – в контексте ст. 180 УК РФ, наличие у лица статуса предпринимателя. Однако очевидно, что незаконно использовать чужой товарный знак может как лицо, в соответствующем порядке зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, так и лицо, не являющееся предпринимателем. В данном вопросе мы солидарны с позицией А. Ф. Быкодоровой, которая указывает, что в рассматриваемой норме «нет указания на специальные признаки субъекта рассматриваемого преступления, из чего следует сделать вывод о том, что субъект незаконного использования товарного знака является общим», и также полагаем, что необходимость включения признаков специального субъекта в основном и квалифицированном составах преступления на сегодняшний день отсутствует[354].

Немаловажно, что по действующему законодательству привлечь к уголовной ответственности возможно только физические лица, так как уголовная ответственность юридических лиц в УК РФ не предусмотрена. В этой связи А. В. Федоров замечает, что «если взять контурную карту и закрасить территории стран, где уголовными законами предусмотрена ответственность юридических лиц, то будет закрашена большая часть территории всех континентов, а самым большим пятном, оставшимся не закрашенным, окажется территория Российской Федерации»[355].

Таким образом, субъект преступления по ст. 180 УК РФ – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. Им могут быть физические лица, в том числе и зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, либо руководители организаций[356].

---

[354] Быкодорова А. Ф. Указ соч. С. 15.

[355] Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона / Москва : Издательская группа "Юрист", 2022. С. 7.

[356] Шестак В.А. Ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: Учебное пособие / В. А. Шестак; под научн. ред. А. Г. Волеводза. М.: Прометей. 2021. С. 135.

Последним элементом состава преступления выступает субъективная сторона, то есть внутренняя характеристика преступления, характеризующая психические процессы субъекта преступления на момент совершения противоправного деяния.

Согласно теории уголовного права, обязательным признаком (элементом) субъективной стороны выступает вина, формами которой согласно ч. 1 ст 24 УК РФ являются умысел (подразделяющийся на прямой и косвенный) и неосторожность (подразделяющаяся на легкомыслие и небрежность).

Согласно ч. 2 ст. 24 УК РФ, деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса. В контексте настоящего исследования представляется важным обозначить, что юридическая литература отмечает неопределенность содержания неосторожности по ч. 2 ст. 24 УК[357]:

– с одной стороны существует интерпретация, представленная в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 марта 2011 года № 3-П/2011 «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Капорина, И. В. Коршуна и других», согласно которой, если в диспозиции статьи Особенной части УК РФ нет указания на совершение деяния по неосторожности, предполагается, что оно может быть совершено только с умыслом[358];

– с другой стороны, в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 18 октября 2012 года № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и

---

[357] См., например: Яни П.С. Неопределенность уголовного закона порождает неразрешимые проблемы правоприменения // Законность. 2020. № 6. С. 37; Кокотова, Д. А. О необходимости и возможных вариантах изменения правил определения форм вины // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 5(174). С. 87-102.

[358] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011№ 3-П/2011 «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Капорина, И. В. Коршуна и других». П. 3.3 // Российская газета. 12.04.2011. № 78(5454).

природопользования» указывается, что исходя из положений ч. 2 ст. 24 УК РФ, если в диспозиции статьи форма вины не конкретизирована, то соответствующее преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава […] преступления[359].

Мы полагаем, что субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла.

В случае формального состава преступления, в котором отсутствует преступное последствие, его совершение возможно только с прямым умыслом. Иными словами, лицо осознает, что незаконно неоднократно использует товарный знак (знак обслуживания, наименование мест происхождения товаров, сходные с ними обозначения для однородных товаров) и желает этого.

При наличии материального состава преступления, которое включает в себя преступное последствие, лицо предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба правообладателю, желает этого, сознательно допускает эти последствия или относится к ним безразлично. К примеру, незаконное использование товарного знака с прямым умыслом может проявиться в выпуске и продаже товаров, на которых использованы чужие товарные знаки, без соблюдения законных оснований. В таких ситуациях лицо умышленно осуществляет предпринимательскую деятельность с использованием чужого товарного знака с целью введения потребителей в заблуждение и получения прибыли за счет репутации товарного знака, принадлежащего другому лицу.

Примером совершения преступления с косвенным умыслом может служить случай, когда лицо выпускает и продает товары, используя чужой товарный знак, после согласования лицензионного договора, предусматривающего предоставление прав на использование этого товарного знака. При этом, несмотря

---

[359] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 15.12.2022) "О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования" // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 01.08.2024).

на то, что договор по каким-либо обстоятельствам не подписан и не зарегистрирован, лицо тем не менее начинает реализацию товаров, на которых используется соответствующий товарный знак, принадлежащий другому лицу[360].

Цель и мотив не имеют значения для квалификации рассматриваемого преступления, потому что они не указаны в ст. 180 УК РФ. Закрепление цели или мотива в диспозиции уголовно-правовой нормы не представляется нам целесообразным. В этом вопросе мы солидарны с В. А. Кондрашиной, которая отмечает, что «закреплять такую цель совершения указанных в ч. 1 ст. 180 УК РФ действий нецелесообразно, так как цели незаконного использования товарного знака и других средств индивидуализации товаров и их производителей могут быть весьма разнообразными […]. А введение в ч. 1 ст. 180 УК РФ предлагаемой цели сузило бы возможности борьбы уголовно-правовыми средствами с незаконным использованием товарного знака, знака обслуживания и другими средствами индивидуализации товаров и их производителей»[361].

А. А. Козлов вторит этой позиции, указывая, что «детализация субъективной стороны преступления в ст. 180 УК РФ вряд ли оправданна, если учесть, что данное деяние само по себе имеет корыстную направленность, а коль скоро этот состав помещен в гл. 22 УК РФ, то и цель виновного лица - получить посредством участия в экономической деятельности незаконного дохода. То есть признак корысти присущ не только данной статье, но, по сути, всем составам преступлений, заключенным в указанной главе УК РФ»[362].

Выводы по параграфу:

1. Субъектом незаконного использования товарного знака по статье 180 УК РФ является физическое лицо. Это может быть гражданин Российской Федерации,

---

[360] См.: Сорокин И. С. Актуальные проблемы защиты исключительных прав на товарные знаки (знаки обслуживания) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2(52). С. 87-90.

[361] Кондрашина В.А. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака по законодательству России и зарубежных стран: дис. … канд. юрид. наук. Казань. 2004 С. 97.

[362] Козлов А. А. Указ соч. С. 190.

гражданин другого государства (иностранец), а также лицо без гражданства. Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста ко времени совершения преступления. Невменяемые лица, неспособные осознавать содеянное и руководить своими действиями, не подлежат уголовной ответственности. В УК РФ отсутствует уголовная ответственность юридических лиц, таким образом привлечение к уголовной ответственности возможно только в отношении физических лиц.

2. Субъективная сторона преступления в статье 180 УК РФ, касающейся незаконного использования товарного знака, характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла. В случае формального состава преступления, в котором отсутствует преступное последствие, его совершение возможно только с прямым умыслом. При наличии материального состава преступления, которое включает в себя преступное последствие, лицо предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба правообладателю, желает этого, сознательно допускает эти последствия или относится к ним безразлично.

3. В статье 180 УК РФ не указаны цель или мотив совершения преступления, и закрепление таких элементов в диспозиции статьи не представляется целесообразным, так как цели незаконного использования товарного знака могут быть разнообразными, и это не ограничивает уголовно-правовые средства борьбы с такими нарушениями.

ГЛАВА III. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

§ 1. Развитие уголовного законодательства об охране товарного знака от незаконного использования в Великобритании

Интеллектуальная собственность является жизненно необходимым топливом для экономики государства, роста валового внутреннего продукта (ВВП) и занятости, о чем свидетельствует аналитический доклад, подготовленный Европейским Ведомством по Интеллектуальной Собственности (*European Union Intellectual Property Office*) и Европейским Патентным Ведомством (*European Patent Office*) в 2022 году[363]. Согласно этому докладу, отрасли, которые полагаются на объекты интеллектуальной собственности, обеспечивают 29,7% занятости в Европейском союзе, что составляет более 61 млн рабочих мест. Еще 20 млн рабочих мест создаются предприятиями, которые косвенно поддерживают основные отрасли интеллектуальной собственности за счет поставок товаров и услуг. В совокупности общая доля рабочих мест, созданных за счет объектов интеллектуальной собственности в ЕС, составляет 39,4%, из них 21% рабочих мест созданы в отраслях, активно использующих товарные знаки.

В Великобритании предприятия, активно использующие интеллектуальную собственность, обеспечивают около 44% экономики и 27% занятости. Компании, которые полагаются в своей деятельности на товарные знаки, обеспечивают 22% всех рабочих мест.

Но не только легально действующие отрасли осознают ценность интеллектуальной собственности. В 2019 году был опубликован совместный доклад Ведомства интеллектуальной собственности Великобритании (*UK*

---

[363] IPR-intensive industries and economic performance in the European Union. European Patent Office and the European Union Intellectual Property Office. Fourth edition, 2022 // URL: https://euipo.europa.eu/tunnel-web/secure/webdav/guest/document_library/observatory/documents/reports/IPR-intensive_industries_and_economic_in_EU_2022/2022_IPR_Intensive_Industries_FullR_en.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

Intellectual Property Office) и Организации экономического сотрудничества и развития (*Organisation for Economic Co-operation and Development*) «Торговля контрафактными товарами и экономика Великобритании»[364]. Он продемонстрировал, что общий объем британского рынка поддельных товаров (контрафакта) составляет 13,6 млрд фунтов стерлингов по сравнению с 9,3 млрд фунтов стерлингов в 2013 году. Цифры подчеркивают, что контрафактные товары составляют 3% от всего импорта Великобритании, а общая стоимость упущенных продаж из-за импорта контрафактных товаров в Великобританию составляет 9,2 млрд фунтов стерлингов, что приводит к потере 86 тыс рабочих мест и ежегодной потере налоговых сборов на 3 млрд. фунтов стерлингов. Влияние контрафактной продукции на Великобританию приводит к сокращению государственных доходов на 4 млрд фунтов стерлингов в год.

Эти обстоятельства предопределяют необходимость особой охраны объектов интеллектуальной собственности, в том числе уголовно-правовыми средствами.

В восемнадцатом веке товарные знаки в Великобритании являлись частью частного сектора, получая правовую охрану путем пользования, а не путем государственной регистрации[365]. Так как общество быстро развивалось и индустриализировалось, этот подход был изменен, что привело к формированию официальных систем регистрации товарных знаков.

Первым шагом в этом направлении стал Закон о знаках торговли от 1862 года (*Merchandise Marks Act, 1862*)[366], которым было установлено, что имитация чужого товарного знака с целью обмана (англ. – *defraud*) или с целью позволить другому обмануть является уголовным преступлением. Великобритания считается одним из

---

[364] Trade in Counterfeit Products and the UK Economy. UK Intellectual Property Office and Organisation for Economic Co-operation and Development. 2019 // URL: https://www.oecd.org/gov/risk/trade-in-counterfeit-products-and-uk-economy-report-update-2019.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

[365] Dawson N. English Trademark Law in the Eighteenth Century – the Fate of Thomas Hill // The Journal of Legal History. 2009. Volume 30. № 1. P. 71-79.

[366] A century of trade marks 1876-1976. The Patent Office, Department of Trade // HMSO. London, 1976. P. 60.

первых государств в мире, которое установило, что использование чужого товарного знака для собственной выгоды является уголовно наказуемым деянием.

Тем временем, давление общественности продолжало нарастать после принятия Закона о знаках торговли от 1862 г. в пользу более фундаментальной системы законодательства о товарных знаках[367], и это требование в итоге было удовлетворено принятием Закона о товарных знаках от 1875 года (*Trade Marks Registration Act, 1875*)[368]. В соответствии с Законом 1875 г., был создан центральный реестр товарных знаков, который позволил официально оформить право собственности на товарный знак. Регистрация считалась *prima facie* доказательством права собственности на товарный знак, а сам процесс регистрации товарных знаков начался 1 января 1876 года. Первым зарегистрированным товарным знаком стал красный треугольник «*Bass Brewery*», и эта регистрация остается в силе до сих пор[369].

Закон 1875 г. определил товарный знак, который подлежит регистрации, как обозначение или имя физического лица или фирмы, напечатанное определенным отличительным образом; или письменная подпись или копия письменной подписи лица или фирмы; или отличительный знак или этикетка. При этом любое слово или имя, которое использовалось в качестве товарного знака до принятия закона в августе 1875 года, также имело право на регистрацию независимо от того, соответствовал ли подобный знак требованиям закона. В основу понятия товарного знака впервые легла идея о том, что он должен быть отличительным, что вышло за рамки понимания товарного знака как знака происхождения. С 1875 года возникла основа современной системы законодательства в области товарных знаков, но сам Закон 1875 г. в скором времени был изменен.

---

[367] Mollerup P. Marks of excellence: the history and taxonomy of trademarks. Phaidon Press 2nd edition, 2013. P. 296.

[368] Trade Marks Registration Act, 1875 // URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.35112105404224&view=1up&seq=9 (дата обращения: 01.08.2024).

[369] Intellectual Property Office: official web-site // URL: https://trademarks.ipo.gov.uk/ipo-tmcase/page/Results/1/UK00000000001 (дата обращения: 01.08.2024).

Закон о патентах и товарных знаках от 1883 года (*Patents, Designs, and Trade Marks Act, 1883*)[370] существенно пересмотрел Закон 1875 г., снизив стоимость подачи заявки и впервые включив возможность регистрации «брендов» и необычных слов, не являющихся общеупотребительными, в качестве товарных знаков[371].

Следующие значительные акты о товарных знаках были приняты в 1885 году (*Patents, Designs, and Trade Marks (Amendment) Act, 1885*), 1905 году (*Trade Marks Act, 1905*), 1914 году (*Trade Marks Act, 1914*), 1919 году (*Trade Marks Act, 1919*) и 1937 году (*Trade Marks (Amendment) Act, 1937*).

В 1938 году был принят Закон о товарных знаках (*Trade Marks Act, 1938*)[372], который оставался в силе на протяжении полувека. В 1974 году Комиссия Матиза в докладе по анализу британского законодательства и правоприменительной практики в области товарных знаков внесла предложения по дальнейшим законодательным изменениям. Эти предложения нашли отражение в поправке от 1984 года, которая ввела институт товарного знака, распространяющегося не только на товары, но и на услуги.[373].

Но законодатели посчитали, что системе товарных знаков требуются дальнейшие изменения. Связанная с изменениями реформа обсуждалась в 1990 году в правительственной «Белой Книге» («*White Book*»)[374], озаглавленной «Реформа закона о товарных знаках»[375]. Документ утверждал, что многие

---

[370] Patents, Designs, and Trade Marks Act, 1883 // URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/acts/patents-designs-and-trade-marks-act-1883 (дата обращения: 01.08.2024).

[371] Bently L. The making of modern trade mark law: the construction of the legal concept of trade mark (1860–1980). Edited by Lionel Bently, Jennifer Davis and Jane Ginsburg. Trade Marks and Brands: An Interdisciplinary Critique. Cambridge University Press, 2008. P. 3-41.

[372] Trade Marks Act, 1938 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/1-2/22/section/39/enacted (дата обращения: 01.08.2024).

[373] Report of the Committee to examine British Trade Mark Law and Practice. H.R. Mathys. Cmnd. 5601 // London: HMSO, 1974.

[374] Белая книга — официальное сообщение в письменном виде, обычно этот термин применяется в США, Великобритании и других странах англо-американской правовой семьи (системы общего права). Это может быть государственное сообщение, поясняющее политику; справочный документ для корпоративных клиентов или официальная документация, содержащая описание решения. Такие документы могут быть использованы для законотворчества.

[375] Reform of Trade Marks Law // White Paper. DTI. Cm 1203. London, 1990.

предложения Комиссии Матиза были проигнорированы законодателем. Но были и другие аспекты, указывавшие на необходимость радикальных реформ.

Ключевым был процесс европеизации и глобализации всей системы интеллектуальной собственности. Эти факторы привели к тому, что воздействие Европейского союза на законодательство Англии по товарным знакам проявилось в двух разных, но связанных между собой направлениях.

Прежде всего, в 1988 году была принята Директива ЕС 89/104/ЕЕС, направленная на гармонизацию национального законодательства в сфере товарных знаков с целью устранения потенциальных препятствий для свободной торговли[376]. Условия Директивы требовали приведения положений национальных законодательств в соответствии с Директивой до конца 1991 года (крайнего срока, который Великобритания пропустила)[377].

Еще один аспект деятельности Европейского союза, оказавший значительное влияние на процесс реформ, – это создание товарного знака Европейского сообщества, отличного от национальных товарных знаков[378]. В 1994 году было утверждено Постановление Европейского союза 40/94, закрепляющее создание общеевропейского товарного знака[379], а Ведомство по интеллектуальной собственности Европейского союза столкнулось с большим потоком заявок с самого момента своего открытия. Новый единый товарный знак, который не подлежит изменению национальным законодательством, предоставил разумную

---

[376] First Council Directive 89/104/EEC of 21 December 1988 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks // Official Journal of the European Communities, L 40, 11.02.1989. P. 0001-0007 // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A31989L0104 (дата обращения: 01.08.2024).

[377] Шишкарев Ю.А. Законодательство Европейского союза в области товарных знаков: европейский товарный знак // Биржа интеллектуальной собственности. 2014. Т. 13. № 9. С. 10-12.

[378] Ализаде Д.Э. Основные этапы развития уголовного законодательства об ответственности за незаконное использование товарного знака в Великобритании // Экономика и право в России и мире : Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 23 февраля 2023 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. С. 50-54.

[379] Council Regulation (EC) No 40/94 of 20 December 1993 on the Community trade mark // Official Journal L 11, 14.1.1994, p. 1–36 // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31994R0040 (дата обращения: 01.08.2024).

возможность гармонизировать внутренние и европейские процедуры, чтобы свести к минимуму любой конфликт или дублирование между различными системами[380].

Третьим аспектом, повлиявшим на законодательство 1994 года, был переход торговли к глобальному масштабу. Это усилило значение международной защиты прав на товарные знаки. Мадридское соглашение от 1891 года[381] более ста лет назад заложило основу для международного реестра товарных знаков под эгидой Всемирной Организации Интеллектуальной Собственности (ВОИС) в Женеве[382]. Эта система не полностью устраивала Великобританию, потому что она отражала континентальный подход к регистрации товарных знаков, нежели англо-американский (системы общего права), однако наступление эпохи глобализации подчеркнуло необходимость изменений. Вследствие этого был принят Протокол к Мадридскому соглашению[383], позволивший Великобритании присоединиться к системе международной регистрации знаков, а перед новым английским законом о товарных знаках возникла дополнительная задача по адаптации внутреннего законодательства в соответствии с этим международным соглашением (Великобритания стала стороной Протокола к Мадридскому соглашению 1 декабря 1995 года; Протокол был введен в действие 1 апреля 1996 года. Великобритания до сих пор не является стороной Мадридского соглашения).

Наконец, новое законодательство должно было содействовать дальнейшему применению Парижской конвенции 1883 года.

Не только международные, но и национальные факторы повлияли на необходимость в принятии нового законодательства. Английские правоведы сходились во мнении, что старое законодательство было нечетко сформулировано. Закон 1938 г., который был не ясен в некоторых аспектах с самого начала, был

---

[380] Muhlendahl A.V. Community Trademark Riddles: Territoriality and Unitary Character // European Intellectual Property Review. 2008. Vol. 30. No. 2. P. 66-70.

[381] Madrid Agreement Concerning the International Registration of Marks, 1891 // URL: https://wipolex.wipo.int/en/treaties/textdetails/12599 (дата обращения: 01.08.2024).

[382] Курбанов Р. А. История становления и развития права промышленной собственности / Р. А. Курбанов, О. В. Шведкова, А. М. Белялова // Экономика. Право. Общество. 2015. № 4(4). С. 13-23.

[383] Protocol Relating to the Madrid Agreement Concerning the International Registration of Marks, 2007 // URL: https://wipolex.wipo.int/en/treaties/textdetails/12603 (дата обращения: 01.08.2024).

изменен последовательными поправками в 1984, 1986 и 1988 годах, и определить точную мысль закона – в частности, в части знаков обслуживания – было непростой задачей. К примеру, правообладатели не могли зарегистрировать форму бутылки для напитка «*Coca-Cola*»[384], но при этом двухцветная форма таблетки успешно проходила процедуру регистрации[385].

Эти обстоятельства свидетельствовали о том, что необходимо было срочное разъяснение закона, но в этот процесс были вовлечены и более широкие политические силы. Правительство последовательно выступало за продвижение интересов бизнес-групп, и это, в сочетании со стремлением к дерегулированию, означало, что была необходима более простая, четкая и рыночно-ориентированная система товарных знаков.

Как мы упоминали выше, реестр товарных знаков в Англии был разделен на части А и Б. Согласно Закону 1938 г., чтобы получить защиту товарного знака в соответствии с Частью А, знак должен был быть отличительным по своей природе. Другими словами, он не должен был передавать потребителю никакого смысла, кроме как в контексте товаров или услуг заявителя (например, придуманное слово «*KODAK*»).

Меньшая по объему охрана за счет регистрации в Части Б была предоставлена товарным знакам, которые были «фактически отличительными». Это могли быть общеупотребительные слова или символы, которые настолько широко использовались заявителем, что потребители узнавали знак как идентифицирующий товары или услуги заявителя. Однако строгое судебное толкование приводило к ситуациям, когда даже доказательство фактической отличимости не могло обеспечить заявителям базовой защиты, обеспечиваемой регистрацией знака по Части Б.

В деле «*York Trailers Holdings v. Registrar of Trademarks*», заявитель попытался зарегистрировать знак, который состоял из слова «YORK», написанного

---

[384] *Coca-Cola Co. Application* [1986] 2 A11 ER 274, sub nom. In re Coca-Cola Co. [1986] 1 WLR 695.
[385] *Smith, Kline & French Laboratories v. Sterling-Winthrop Group* [1975] 2 A11 ER 578, [1975] 1 WLR 914.

белыми заглавными буквами на черном прямоугольном фоне с изображением кленового листа внутри буквы «О»[386]. Существовали доказательства, подтверждавшие, что использование заявителем знака подобным образом отличало его продукцию. Тем не менее, тот факт, что заявитель был единственным производителем трейлеров в канадском городе Йорк, не послужил основанием для суда предоставить регистрацию для заявленного товарного знака по причине того, что использование одним производителем в качестве товарного знака названия большой части территории (города Йорк) создало бы слишком большую монополию. Это дело демонстрирует, как судебной системой создавались дополнительные условия, усложнявшие и без того запутанную систему.

Еще один пример внутринационального фактора можно привести из области правонарушений. Очевидно, что заявлять права на товарный знак другого лица для использования в конкурирующих товарах незаконно. Однако Закон 1938 г. также признавал нарушением случаи, когда создавалось впечатление, что чужой знак использован с согласия его владельца. В соответствии с формулировкой ст. 4(1)(b) Закона 1938 г., использование товарного знака, которое «импортировало отсылку» на лицо, обладающее правом использовать этот товарный знак, также считалось нарушением.

Пример этого правила был предложен в судебном деле «*News Group Ltd. v. Mirror Group Ltd.*»[387]. Издатели газеты «*Daily Mirror*» решили воспользоваться непопулярностью консервативного правительства и его лидера и поддержкой, которую, тем не менее, оказывали ему большинство других газет, и запустили рекламную кампанию. На одном плакате под словами «Да, премьер-министр» были использованы логотипы всех проконсервативных газет, включая логотип истца – газеты «*The Sun*». На другом плакате с надписью «Нет, премьер-министр» в единственном великолепии был использован логотип газеты «*Daily Mirror*». Несмотря на контекст, в котором газета «*The Sun*» подвергалась критике за свою

[386] *York Trailer Holdings v. Registrar of Trade Marks* [1982] 1 All ER 257.
[387] *News Group Ltd. V. Mirror Group Ltd* [1989] FSR 126.

редакционную позицию, суд решил, что товарный знак газеты «*The Sun*» был нарушен в результате «импортирования отсылки».

Эти прецеденты иллюстрируют, как дела, вытекавшие из старого закона и различных переходных положений, изнуряли судебную систему.

Выводы по параграфу:

1. Объекты интеллектуальной собственности играют важную роль для Великобритании и способствуют росту и развитию экономики и занятости населения. Вместе с тем объем контрафактного рынка тоже растет и напрямую влияет на государственные доходы, что подчеркивает необходимость особой охраны интеллектуальной собственности, в том числе уголовно-правовыми средствами.

2. Законодательная история Великобритании в области уголовно-правовой охраны прав на товарный знак насчитывает более ста пятидесяти лет. Великобритания считается одним из первых государств в мире, которое ввело уголовную ответственность за незаконное использование чужого товарного знака. За более чем полтора века в Великобритании был принят ряд законодательных актов, каждый из которых имел определенные недостатки, порождавшие сложности при правоприменении. По этой причине и вследствие процесса глобализации системы прав интеллектуальной собственности, в определенный момент принятие нового закона, отвечающего запросам времени, оказалось необходимостью.

§ 2. Современное законодательство Великобритании в сфере уголовно-правовой охраны прав на товарный знак

Закон о товарных знаках от 31 октября 1994 года (*Trade Marks Act, 1994*)[388] является основным действующим законодательным актом в Великобритании в отношении товарных знаков и содержит положения, касающиеся нарушения прав

[388] Trade Marks Act 1994 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1994/26/contents (дата обращения: 01.08.2024).

на товарные знаки, включая уголовно-правовую ответственность[389]. Закон 1994 г. после его принятия не претерпевал значительных изменений, что указывает на уровень его детализации. Закон регулирует товарные знаки в Великобритании и на острове Мэн, но не распространяется на Нормандские острова, которые имеют собственный реестр товарных знаков.

Закон 1994 г. состоит из четырех разделов. Раздел I регулирует зарегистрированные товарные знаки. Ст. 1 определяет товарный знак как любой знак, который может быть представлен таким образом, чтобы позволить компетентным органам и общественности определить ясный и точный предмет защиты, предоставляемой его владельцу, и позволяет отличить товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг других предприятий[390].

Данное определение можно проанализировать следующим образом:

1) Слово «знак» имеет широкое значение и включает слова, включая личные имена, дизайн, буквы, цифры, форму и упаковку товаров, символы, цветовые оттенки, или сочетание вышеперечисленного.

2) Требование закона о необходимости графического представления товарного знака было отменено 14 января 2019 года[391]. Заявителю не обязательно подавать графическое представление знака, и знаки могут быть представлены в любом подходящем формате с использованием общедоступной технологии. Это устраняет одно из препятствий для нетрадиционных товарных знаков, таких как звуковые знаки, подвижные знаки, или знаки, содержащие мультимедиа и голограммы, которые отныне могут быть представлены одним файлом JPEG, MP3 или MP4, в зависимости от ситуации, при условии, что представление удовлетворяет требованиям критерия «*Sieckmann*»[392]. Вместе с тем,

---

[389] Torremans, P., Holyoak and Torremans Intellectual Property Law. Oxford University Press. 2019. P. 397.

[390] Ализаде Д.Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Великобритании / Д.Э. Ализаде // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 2. С. 32-36.

[391] URL: https://www.gov.uk/government/publications/implementation-of-the-trade-mark-directive-2015/implementation-of-the-eu-trade-mark-directive-2015 (дата обращения: 01.08.2024).

[392] *C-273/00, Sieckmann* [2002] ECR I-11737. Согласно так называемым критериям «Sieckmann», представление товарного знака в реестре должно быть ясным, точным, автономным,

нетрадиционные товарные знаки должны соответствовать требованию отличительной способности, и поэтому по-прежнему будет сложно защитить многие из этих видов товарных знаков. На практике до сих пор не представляется возможным зарегистрировать знаки в отношении запахов и вкусов, тактильные и текстурные знаки, поскольку они не могут быть адекватно представлены с использованием имеющихся в настоящее время технологий. Следует отметить, что графическое изображение всё еще требуется для международных заявок по Мадридской системе регистрации товарных знаков, и международная заявка будет возможна на основе заявки или регистрации в Великобритании, только если графическое представление подано вместе с изначальной заявкой. Поправка в Закон 1994 г.[393] была сделана в соответствии с Директивой ЕС 2015/2436 о сближении права государств-членов ЕС в отношении товарных знаков[394].

3) Способность различать товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг других предприятий – основная функция товарного знака[395]. Она обозначает происхождение товаров или услуг. Если товарный знак не может различить товары или услуги одного лица от другого, он не выполняет свою основную функцию и не может быть зарегистрирован в качестве товарного знака.

Владельцем товарного знака может выступать любое физическое лицо или юридическое лицо; закон также допускает совместное владение товарным знаком несколькими лицами. Владелец зарегистрированного товарного знака имеет права и средства правовой защиты, предусмотренные законом. Ст. 9(1) предусматривает, что владелец зарегистрированного товарного знака имеет исключительные права

легкодоступным, понятным, надежным и объективным, а также должно быть представлены в графической форме. Вышеперечисленные требования преследуют одну общую цель, а именно обеспечение правовой определенности и единой системы представления товарных знаков.

[393] The Trade Marks Regulations 2018 // URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2018/825/contents/made (дата обращения: 01.08.2024).

[394] Directive (EU) 2015/2436 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks // Official Journal of the European Union 336, 23.12.2015, p. 1–26. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32015L2436 (дата обращения: 01.08.2024).

[395] Канаев М. М. О понятии товарного знака в российском и зарубежном законодательстве и международном праве // Актуальные вопросы в науке и практике: Сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции. Самара: ООО Дендра, 2018. С. 13-19.

на товарный знак, которые нарушаются в результате использования товарного знака в Соединенном Королевстве без его согласия.

Ст. 10(1) затрагивает случаи, когда лицо в процессе торговли использует идентичный знак. Такое использование представляет собой нарушение – лицо нарушает права на зарегистрированный товарный знак, если оно использует в процессе торговли знак, идентичный зарегистрированному товарному знаку, в отношении товаров или услуг, которые идентичны тем, для которых он зарегистрирован.

Ст. 10(2) рассматривает случаи, когда (а) знак, идентичный зарегистрированному товарному знаку, используется в отношении товаров, сходных с теми, для которых товарный знак зарегистрирован, или (б) используется знак, схожий с зарегистрированным товарным знаком в отношении товаров, идентичных или сходных с теми, для которых зарегистрирован товарный знак. В таких случаях лицо, использующее товарный знак, совершает правонарушение, если существует вероятность смешения со стороны потребителей.

Статья 10(3) касается случаев, когда знак, идентичный зарегистрированному товарному знаку или схожий с ним, используется в отношении товаров, не схожих с теми, для которых зарегистрирован товарный знак. В таких случаях лицо, использующее товарный знак, совершает нарушение, если товарный знак пользуется репутацией в Соединенном Королевстве (то есть является общеизвестным товарным знаком), и используемый знак (обозначение) пользуется несправедливым преимуществом или наносит ущерб отличительному характеру или репутации общеизвестного товарного знака.

Одним из основных элементов правонарушений, перечисленных в ст. ст. 10(1) - 10(3), является «*использование*» знака. Закон дает примеры того, что это означает – лицо использует знак, если оно:

1) наносит знак на товары или упаковку;

2) предлагает или выставляет товары на продажу, выставляет их на рынок или складирует их для этих целей, или предлагает или поставляет услуги под данным знаком;

3) импортирует или экспортирует товары под данным знаком;

4) использует знак в качестве торгового или фирменного наименования, или части торгового или фирменного наименования;

5) использует знак на деловых бумагах и в рекламе; или

6) использует знак в сравнительной рекламе способом, противоречащим Правилам о защите бизнеса от вводящего в заблуждение маркетинга от 2008 года (*Business Protection from Misleading Marketing Regulations*) [396] [397].

Послание, передаваемое товарным знаком, формировалось на протяжении многих лет с изменением моделей ведения бизнеса. Но основная суть товарного знака всегда заключалась в том, что это обозначение происхождения. Товарный знак указывает на источник торговли – связь в процессе торговли между товаром и владельцем знака. Следовательно, исключительные права, предоставляемые владельцу зарегистрированного товарного знака, ограничиваются использованием знака, который воспринимается как указание на торговое происхождение. Использование в таком виде является необходимой предпосылкой для нарушения. Использование знака способом, не указывающим на происхождение товаров или услуг, не посягает на исключительные права владельца товарного знака[398].

Само собой разумеется, что Закон 1994 г. касается только ограничения на использование знака *как* товарного знака или *в значении* товарного знака, и закон следует интерпретировать именно подобным образом. Если описательные слова зарегистрированы в качестве товарного знака на законных основаниях, другие лица могут свободно использовать эти слова в описательном смысле, а не в значении товарного знака[399]. В этой связи можно привести гипотетический пример – если бы издатель журнала зарегистрировал вопросительный знак «*?*» в качестве товарного

---

[396] Business Protection from Misleading Marketing Regulations, 2008 // URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2008/1276/contents/made (дата обращения: 01.08.2024).

[397] Ализаде Д.Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Великобритании // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 19-22.

[398] Там же.

[399] *Mothercare UK Ltd v Penguin Books* [1988] RPC 113, 118.

знака для журнала, это не помешало бы грамматическому использованию вопросительных знаков на обложках других журналов.

Товарный знак должен гарантировать потребителю или конечному пользователю источник происхождения товаров или услуг, позволяя ему без затруднения отличать товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг другого предприятия. Чтобы товарный знак мог выполнять свою роль в рамках конкурентного рынка, он должен гарантировать, что все товары или услуги, на которых он использован, произведены или выпущены на рынок под контролем лица, несущего ответственность за их качество[400].

Часть II Закона 1994 г. касается товарных знаков Европейского сообщества и международных вопросов.

Часть III Закона содержит административные, уголовные и дополнительные положения. Уголовно-правовые преступления, связанные с нарушением прав на товарные знаки, изложены в статьях 92-96 и 101 Закона 1994 г. Наиболее существенным для целей настоящей работы является положение ст. 92, озаглавленной «Незаконное использование товарного знака в отношении товаров».

Ст. 92 содержит сложные по своей структуре преступления, связанные с нарушением прав на зарегистрированный товарный знак. Согласно данной норме, лицо совершает преступление, если с целью получения выгоды для себя или другого лица, или с намерением причинить ущерб другому лицу, и, при этом, без согласия владельца:

1) наносит на товары или на их упаковку, продает или сдает внаем, выставляет на продажу или предлагает в аренду или распространяет товары, которые маркированы или на упаковке которых используется знак, идентичный зарегистрированному товарному знаку или который может быть ошибочно принят за него;

---

[400] *Arsenal Football Club plc v Reed* [2003] RPC 144, 165.

2) имеет в своем владении, хранении или распоряжении в ходе предпринимательской деятельности любые подобные товары с целью совершения им самим или другим лицом вышеупомянутых деяний;

3) применяет знак, идентичный зарегистрированному товарному знаку или который может быть ошибочно принят за зарегистрированный товарный знак, на материал, который предназначен для маркировки или упаковки товаров, в качестве деловых бумаг в отношении товаров или для рекламы товаров;

4) использует в ходе предпринимательской деятельности материал с таким знаком для маркировки или упаковки товаров, в качестве деловых бумаг в отношении товаров или для рекламы товаров, или в ходе предпринимательской деятельности имеет в своем владении, хранении или под контролем такой материал с целью выполнения любого из вышеупомянутых деяний; или

5) создает изделие, специально разработанное или адаптированное для изготовления копий знака, идентичного зарегистрированному товарному знаку или которое может быть ошибочно принято за зарегистрированный товарный знак, или в ходе предпринимательской деятельности имеет в своем владении, хранении или под контролем такое изделие, зная, что оно использовалось или должно использоваться для производства товаров или материалов для маркировки или упаковки товаров, в качестве деловых бумаг в отношении товаров или для рекламы товаров[401].

Учитывая вышеизложенное, действия должны осуществляться с целью получения прибыли или с намерением причинить убытки, при этом без согласия владельца товарного знака.

Статья 92(4) предписывает два ограничивающих условия – состав преступления отсутствует, если:

1) используемые товары не являются товарами, в отношении которых зарегистрирован товарный знак, *или*

---

[401] Ализаде Д.Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Великобритании // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 19-22.

2) товарный знак не обладает репутацией в Великобритании, и использование знака не является или не может являться несправедливым преимуществом или не наносит ущерб отличительному характеру или репутации товарного знака[402].

Согласно ст. 92 (1) (2) и (3), виновное действие (или «*actus reus*») может включать следующие действия:

1) применение к товарам и их упаковке знака, идентичного или сходного до степени смешения с зарегистрированным товарным знаком, или

2) продажу, имущественный наем, предложение или выставление на продажу или распространение товаров, на которых использован зарегистрированный товарный знак (либо на упаковке которых использован зарегистрированный товарный знак), или

3) владение, хранение или распоряжение в ходе предпринимательской деятельности любыми подобными товарами с целью совершения действия, лично или посредством другого лица, в соответствии с пунктом (2) выше[403].

Статья 92 защищает зарегистрированные в Великобритании товарные знаки и общеизвестные товарные знаки в случае, когда использование знака ведет к несправедливому преимуществу или наносит ущерб отличительному характеру или репутации товарного знака. Закон 1994 г. умалчивает о применении ст. 92 в отношении услуг[404].

Mens rea, то есть виновная мысль, по ст. 92 является сложной по своей структуре[405]. Общим основанием для преступлений по ст. 92 является требование, чтобы обвиняемый действовал с целью получения выгоды для себя или другого лица, или же с намерением причинить убытки другому лицу, но в любом случае без согласия владельца товарного знака[406].

---

[402] Там же.
[403] Ashworth A. Principles of Criminal Law. Oxford University Press, 3rd ed. 1999. P. 98.
[404] Morcom C. et al. The Modern Law of Trade Marks. Butterworths, 1999. Chapter 20, para. 20.1.
[405] Simester A.P. and Sullivan, G.R. Criminal Law. Theory and Doctrine. Oxford: Hart Publishing, 2001. P. 113.
[406] Ализаде Д.Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Великобритании // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 19-22.

Рассматриваемое преступление близко к так называемому «преступлению, ответственность за которое наступает без вины» (преступление с абсолютной (строгой) ответственностью)[407]. Профессор А. А. Малиновский отмечает, что по английскому праву, преступление, ответственность за которое наступает без вины – это преступление, для которого не требуется установление элементов вины[408]. Это случай строгой (или абсолютной) ответственности. При совершении преступления строгой (абсолютной) ответственности не предусматривается наличие вины, свойственного данному преступному деянию; уголовная ответственность за осуществление преступного деяния наступает в любом случае, а суд не рассматривает в качестве предмета доказывания форму вины подсудимого[409].

Mens rea, изложенная в подпунктах (1), (2), (3) ст. 92, заключающаяся в намерении причинить убытки или действовать с целью получения выгоды, может рассматриваться так, что преступление будет считаться оконченным, даже если незаконное использование знака не привело к получению выгоды для обвиняемого или не нанесло ущерба другому лицу[410]. Элемент «с целью получения выгоды для себя» не обязательно подразумевает намерение или цель, но подразумевает ожидание выгоды[411]. Различие между элементами «*намерение*» и «*цель*» в рассматриваемой норме предполагает, что «*цель*» направлена на создание более широкой грани ответственности[412]. Следовательно, порог уголовной ответственности может быть достаточно низким.

Статья 92(5) Закона 1994 г. предоставляет ограниченную по объему защиту от уголовного преследования. Если обвиняемый способен доказать, что он

---

[407] «*Offence of strict liability*» (англ.).
[408] Малиновский А.А. Принципы уголовного права (сравнительно-правовой анализ) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 4. С. 27-30.
[409] Там же.
[410] Ализаде Д.Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Великобритании // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2023. – № 3. – С. 19-22.
[411] Simester A. P. Moral Certainty and the Boundaries of Intention // Oxford Journal of Legal Studies. 1996. Vol. 16. № 3. P. 445–469.
[412] *R v Zaman* [2003] FSR. 230.

обоснованно полагал, что использование знака в том виде, в каком он использовался, не было нарушением прав на товарный знак, он может избежать уголовной ответственности.

Следует отметить, что положения об уголовном преступлении почти полностью отличаются от положений о гражданском правонарушении по ст. 10 закона, что указывает на то, что гражданское правонарушение не является обязательным условием для уголовного преступления по ст. 92 Закона 1994 г.

В соответствии со ст. 92(6) Закона 1994 г., лицо, виновное в совершении преступления, в случае приговора, вынесенного без участия присяжных заседателей, может быть подвергнуто денежному штрафу, не превышающему установленный законом максимум или лишению свободы на срок до шести месяцев, а в случае осуждения по обвинительному акту может быть подвергнуто денежному штрафу или лишению свободы на срок до десяти лет, либо обоим наказаниям.

Статья 101 Закона 1994 г. устанавливает уголовную ответственность юридического лица. Если доказано, что преступление, совершенное юридическим лицом, было совершено с согласия или при попустительстве директора, менеджера, секретаря или иного должностного лица, намеревавшегося действовать в таком качестве, это лицо и юридическое лицо виновны в совершении правонарушения и подлежат судебному преследованию.

Помимо Закона 1994 г., стоит отметить иные нормативно-правовые акты, регулирующие уголовно-правовую ответственность за преступления, связанные с интеллектуальной собственностью: Закон о доходах от преступной деятельности от 2002 года (*Proceeds of Crimes Act*, 2002)[413], Закон о мошенничестве от 2006 года

[413] Proceeds of Crimes Act, 2002 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/29/contents (дата обращения: 01.08.2024).

(*Fraud Act*, 2006)[414] и Закон об уголовных финансах от 2017 года (*Criminal Finances Act*, 2017)[415].

Согласно ст. 6 и 7 Закона о мошенничестве, лицо виновно в преступлении, если в его владении или под его контролем находится какой-либо предмет, предназначенный для использования в ходе или в связи с мошенничеством. Дополнительно, лицо виновно в преступлении, если оно изготавливает, приспосабливает, поставляет или предлагает поставить какой-либо предмет, (а) зная, что этот предмет разработан или адаптирован для использования в мошенничестве или в связи с ним, или (б) намереваясь использовать этот предмет для совершения мошенничества или содействия в его совершении.

Закон о доходах от преступной деятельности от 2002 года и Закон об уголовных финансах от 2017 года изначально принимались государствами для борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков, но впоследствии они были расширены и теперь включают преступления, обычно совершаемые преступными синдикатами, такие как отмывание денег, торговля людьми и оружием, терроризм, азартные игры. Эти законы являются реакцией правительства на деятельность, угрожающей доходам государства и общественному здоровью или нравственности.

Закон о доходах от преступной деятельности от 2002 года (далее по тексту – «Закон ДПД») предусматривает возвращение активов и доходов, полученных преступным путем, включая преступления, связанные с интеллектуальной собственностью, а также возвращение доходов от преступной деятельности в рамках гражданского судопроизводства в случаях, когда осуждение по уголовному делу невозможно. В 2017 году в Закон ДПД были внесены изменения в соответствии с Законом об уголовных финансах.

---

[414] Fraud Act, 2006 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents (дата обращения: 01.08.2024).

[415] Criminal Finances Act, 2017 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/contents/enacted (дата обращения: 01.08.2024).

Исходя из задач диссертационной работы, особого внимания заслуживают пять особенностей Закона ДПД:

1. Перенос бремени доказывания

Положение о переносе бремени доказывания является эффективным инструментом. Перенос бремени является ключевым элементом законодательства Великобритании о доходах от преступной деятельности, которое предписывает, что именно обвиняемый должен доказать, что активы, выявленные и изъятые в ходе конфискации, не являются доходами от преступной деятельности.

Чтобы применить процедуру конфискации, суд должен убедиться в том, что обвиняемый ведет «преступный образ жизни». Если он решит, что он или она действительно ведет такой «преступный образ жизни», он должен решить, что (a) либо это лицо извлекло выгоду из своего преступного поведения «в целом», (b) либо это лицо извлекло выгоду из своего «конкретного» преступного поведения[416]. Преступный образ жизни определяется в статье 75(2) Закон ДПД одним из трех способов:

1) Лицо было осуждено как минимум за одно преступление, указанное в Приложении 2 Закона ДПД;
2) Лицо было осуждено за преступное деяние, являющееся частью преступной деятельности, и получило выгоду на сумму не менее 5 000 фунтов стерлингов;
3) Лицо совершило преступление в течение как минимум последних шести месяцев и получило от этого выгоду.

Среди преступлений, перечисленных в Приложении 2 Закона ДПД, есть преступления, связанные с нарушением авторских прав и товарных знаков. В частности, пункт 7 Приложения 2 ссылается на нарушение статьи 92 (1), (2) или (3) Закона 1994 г., касающегося незаконного использования товарного знака.

Если суд решит, что обвиняемый ведет «преступный образ жизни», он должен сделать четыре нижеперечисленных предположения для того чтобы

[416] Докучаев А. И. Регулирование возврата преступных активов по праву Англии / А. И. Докучаев, А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. №4 (33). С. 282-297.

решить, извлек ли он выгоду из своего «общего преступного поведения», а также размер выгоды:

1) какое-либо имущество, переданное ответчику в течение шести лет (заканчивающихся в день начала судебного разбирательства), было получено в результате преступного деяния обвиняемого;
2) какое-либо имущество, принадлежащее ответчику в любое время после осуждения, было получено в результате общего преступного поведения обвиняемого;
3) какие-либо расходы, понесенные обвиняемым в течение шести лет (заканчивающихся в день начала судебного разбирательства), были покрыты за счет имущества, полученного в результате общего преступного поведения обвиняемого; и
4) любая собственность, полученная или предположительно полученная ответчиком, была свободна от обременений.

Судебные органы не должны строить эти предположения в том случае, где бы они были неверными или могли повлечь серьезную несправедливость. При наличии «преступного образа жизни» бремя доказывания происхождения имущества перекладывается на обвиняемого – обвинение выполнило свое обязательство по доказыванию, и ответчик должен доказать с учетом принципа большей вероятности, что конкретный актив, передача или расходы имеют законный источник.

2. Расширение полномочий по финансовому расследованию

Одно из важных положений Закона ДПД заключается в том, что финансовое расследование не ограничивается доходами от преступления, подлежащего судебному преследованию. Закон ДПД позволяет учитывать активы на срок до шести лет при расчете размера конфискации. Если суд решит, что ответчик извлек выгоду из преступного поведения, суд должен (1) определить возмещаемую сумму; и (2) принять конфискационное решение, требующее выплаты этой суммы.

3. Введение режима конфискации без вынесения обвинительного приговора

Конфискация без вынесения обвинительного приговора является полезным инструментом, позволяющим миновать уголовный процесс. Часть 5 Закона ДПД вводит возможность процедуры «гражданского взыскания» в отношении активов, полученных преступным путем. Указанное положение позволяет правоохранительным органам взыскивать в рамках гражданского судопроизводства имущество или денежные средства, полученные в результате незаконного поведения, даже если не было возбуждено уголовное дело по факту правонарушения[417].

Возмещаемое имущество определяется как имущество, которое получено в результате противоправных деяний. Незаконное поведение определяется как поведение, которое является незаконным в соответствии с уголовным законодательством Великобритании или имеет место в другой стране и является незаконным одновременно в данное стране и Великобритании. Судебное разбирательство по решению о взыскании может быть возбуждено исполнительным органом в отношении любого лица, которое, по мнению данного органа, владеет возмещаемым имуществом, и равным образом в отношении любого другого лица, которое, по мнению органа, владеет имуществом, связанным с возмещаемым имуществом, которое подвергается конфискации.

Возмещаемое имущество включает также имущество, которое было передано другому лицу; имущество, полученное вместо него; или любое начисление стоимости имущества, которое было смешано с имуществом, полученным в результате противоправных действий.

Имущество не подлежит конфискации, если лицо получило его добросовестно, заплатив его стоимость, и не было уведомлено о том, что данное имущество является возмещаемым имуществом, или получило его в соответствии с судебным решением в рамках гражданского судопроизводства.

---

[417] Confiscation of the Proceeds of IP Crime. Report by the United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI) and Business Action to Stop Counterfeiting and Piracy (BASCAP), 2013 // URL: https://iccwbo.org/publication/confiscation-of-the-proceeds-of-ip-crime-2013/ (дата обращения: 01.08.2024).

Если суд убежден, что имущество подлежит конфискации, он должен принять решение при условии, что он действует справедливо и беспристрастно. Суд должен принять решение с учетом принципа большей вероятности о том, было ли доказано, что имело место противоправное деяние или что какое-либо лицо намеревалось использовать наличные деньги в незаконных целях. Такие действия особенно эффективны в случаях, когда критерий доказанности вины недостаточен для соответствия уголовно-правовому стандарту «при отсутствии обоснованного сомнения» или если обвиняемый по делу скрылся либо умер.

4. *Назначение тюремного заключения, если обвиняемый не возместил средства*

Для повышения эффективности законодательства Закон ДПД также включает уголовные санкции. Если обвиняемый не может или не возмещает средства, подлежащие конфискации, он отправляется в тюрьму и находится там в течение всего срока без возможности смягчения наказания.

5. *Выделение конфискованных активов на финансирование инициатив по предупреждению преступности*

Важным аспектом Закона ДПД является возможность распределения конфискованных доходов между правоохранительными органами, тем самым средства могут быть реинвестированы и покрыть расходы на судебное преследование преступников. Согласно Закону ДПД, органы прокуратуры могут участвовать в конфискованных активах, тем самым финансируя свою текущую правоприменительную стратегию и действия против организованной преступности, включая контрафакцию и пиратство.

Наряду с рассмотренным выше законодательством в области охраны прав на товарные знаки, важное влияние на регулирование сферы интеллектуальной собственности имеет выход Великобритании из ЕС.

Выход Великобритании из Европейского союза, то есть прекращение ее членства (так называемая процедура «*Брекзита*» (англ. – «*Brexit*»)), произошел 31 января 2020 года после подписания Соглашения о выходе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из Европейского союза и

Европейского сообщества по атомной энергии (*Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community, 2019*) (далее по тексту – «Соглашение о Выходе»)[418]. По Соглашению о Выходе, 31 января 2020 года Великобритания потеряла представительство и право голоса в органах власти Европейского союза, но оставалась частью единого экономического пространства до 31 декабря 2020 года.

Последствия Брекзита определяются Соглашением о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией (*Trade and Cooperation Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the One Part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part*, 2020), которое было согласовано 24 декабря 2020 года и ратифицировано парламентом Великобритании 30 декабря 2020 года и вступило в силу 31 декабря 2020 года[419]. После Брекзита, право Европейского союза и Европейский суд больше не имеют верховенства над британскими законами или Верховным судом Великобритании[420].

Чтобы обеспечить правовую преемственность, Закон о выходе из Европейского союза (*European Union (Withdrawal) Bill*, 2018), утвержденный парламентом Великобритании и подписанный Королевой 26 июня 2018 года, позволил транспонировать уже применимое существующее законодательство ЕС в законодательство Великобритании и, таким образом, создать новую категорию внутреннего права для Великобритании – «сохраненное право ЕС» – которое

---

[418] Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community 2019/C 384 I/01 // Official Journal of the European Union C 384I, 12.11.2019, p. 1–177. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12019W%2FTXT%2802%29 (дата обращения: 01.08.2024).

[419] Trade and Cooperation Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the One Part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part // Official Journal of the European Union L 444, 31.12.2020, p. 14–1462. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22020A1231(01)&from=EN (дата обращения: 01.08.2024).

[420] Этот же вывод относится к принятому и недавно вступившему в силу Закону Европейского союза о цифровых услугах, который включает множество мер, способствующих борьбе с пиратством и контрафактной продукцией.

Великобритания может в определенных случаях изменить или, в случае неактуальности, отменить. Целью закона о выходе из Европейского союза является отмена Закона о Европейских сообществах 1972 года[421] и лишение институтов власти Европейского союза права принимать акты, обязательные для Великобритании[422].

В отношении сферы интеллектуальной собственности Соглашение о Выходе предусматривает специальный режим, распространяющийся на товарные знаки в Великобритании после окончания переходного периода.

1 января 2021 года Ведомство интеллектуальной собственности Великобритании создало так называемый «сопоставимый» товарный знак Великобритании для каждого зарегистрированного товарного знака ЕС («EUTM»).

Сопоставимый товарный знак:

– вносится правительством в реестр торговых марок Великобритании;

– имеет такой же правовой статус, как если бы лицо подало заявку и зарегистрировало товарный знак в соответствии с законодательством Великобритании;

– сохраняет оригинальную дату подачи заявки;

– сохраняет приоритет товарного знака;

– становится полностью независимым товарным знаком Великобритании, который может быть оспорен, переуступлен, лицензирован или продлен независимо от первоначального товарного знака ЕС.

Вместе с тем, с 1 января 2021 года произошли некоторые изменения в системе исчерпания прав интеллектуальной собственности.

Согласно Соглашению о торговле и сотрудничестве, которое действует с 1 января 2021 года, правила ЕС о свободном перемещении товаров более не применяются в отношении Великобритании. Вместо этого в отношении

---

[421] The European Communities Act 1972 (Chapter 68, updated on January 29, 2021). Printed in England by C. H. Baylis, C.B. Controller of Her Majesty's Stationery Office and Queen's Printer of Acts of Parliament.

[422] European Union (Withdrawal) Bill, 2018 // House of Commons Library. URL: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8079/ (дата обращения: 01.08.2024).

исчерпания прав интеллектуальной собственности применяются Положения об интеллектуальной собственности (исчерпании прав) 2019 года[423].

Исчерпание прав – это важная тема, и Брекзит снова всколыхнул старые споры. Вопрос состоит в том, какой принцип исчерпания прав в отношении интеллектуальной собственности должен применяться в Соединенном Королевстве после Брекзита – национальный, международный или региональный принцип исчерпание исключительных прав.

В отсутствие отдельной договоренности между ЕС и Великобританией об исчерпании прав в рамках Соглашения о торговле и сотрудничестве (статья IP.5 лишь определяет, что соглашение не влияет на свободу сторон определять, применяется ли и при каких условиях исчерпание прав интеллектуальной собственности), правительство попыталось прояснить этот вопрос в Положении об интеллектуальной собственности (исчерпании прав).

Нынешнее законодательство предусматривает сохранение системы исчерпания прав в масштабах ЕС в максимально неизменном виде. С 1 января 2021 года права на товары, выпущенные на рынок ЕС, считаются исчерпанными в Великобритании, однако данная система не предусматривает взаимности в отношении товаров, выпущенных на рынок в Великобритании – выпуск товара на рынок в Великобритании не исчерпывает прав на товарный знак в ЕС. В результате, владелец товарного знака в Великобритании не имеет права предотвратить параллельный импорт товара из ЕС, но владелец товарного знака в ЕС может предотвратить параллельный импорт товара из Великобритании. Ведомство интеллектуальной собственности Великобритании в своем обращении к импортерам попросило их проверять в каждом случае, нужно ли им разрешение

[423] The Intellectual Property (Exhaustion of Rights) (EU Exit) Regulations 2019, 14th February 2019 // Printed and published in the UK by The Stationery Office Limited. URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/265/pdfs/uksi_20190265_en.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

правообладателя товарного знака ЕС на экспорт товаров из Великобритании в ЕС[424].

Положение об интеллектуальной собственности (исчерпании прав) умалчивает о параллельном импорте в Великобританию из третьих стран. В этом случае очевидно, что режим, существовавший до Брекзита, сохранится. Вопрос исчерпания прав уже был прописан в различных законодательных актах Великобритании, регулирующих права интеллектуальной собственности – в отношении товарных знаков, например, в статье 12 Закона 1994 г., которая устанавливает, что права на товарный знак не нарушаются в отношении товаров, которые выпущены на рынок Великобритании или Европейской экономической зоны владельцем товарного знака или с его согласия. Указание на Европейскую экономическую зону позволяет сделать вывод, что в Великобритании действует региональный принцип исчерпания исключительных прав на товарный знак.

После выхода Великобритании из ЕС, у правительства Великобритании есть регулирующая свобода решать, как оно хочет управлять параллельным импортом товаров в Великобритании в дальнейшем.

Выводы по параграфу:

1. Основным законодательным актом, регулирующим товарные знаки в Великобритании, на сегодняшний день является Закон о товарных знаках от 31 октября 1994 года (*Trade Marks Act, 1994*). Данный закон включает в себя определение понятия товарного знака, процедуру его регистрации, гражданско-правовой механизм защиты прав на товарный знак и уголовно-правовые нормы по защите прав на товарный знак. Закон также подразумевает уголовную ответственность для юридических лиц.

2. Владельцем товарного знака в Великобритании может выступать физическое лицо или юридическое лицо.

---

[424] Exhaustion of IP rights and parallel trade // Guidance from Intellectual Property Office and Government Digital Service, 30 January 2020. URL: https://www.gov.uk/guidance/exhaustion-of-ip-rights-and-parallel-trade-after-the-transition-period (дата обращения: 01.08.2024).

3. Помимо Закона 1994 г., в Великобритании действуют законодательные акты, которые рассматривают особые случаи, когда объекты интеллектуальной собственности используются при совершении преступления, а также вводят ряд законодательных новелл для борьбы с преступностью. Этими законами являются Закон о доходах от преступной деятельности от 2002 года (*Proceeds of Crimes Act*, 2002), Закон о мошенничестве от 2006 года (*Fraud Act*, 2006) и Закон об уголовных финансах от 2017 года (*Criminal Finances Act*, 2017).

4. Выход Великобритании из ЕС, произошедший 31 января 2020 года, существенно повлиял на законодательный ландшафт государства. Великобритания постаралась обеспечить правовую преемственность, транспонировав применимое законодательство ЕС в национальное законодательство, но, тем не менее, имеется ряд вопросов, которые еще не остаются неурегулированными.

5. Механизм исчерпания прав в Великобритании не изменился по итогам Брекзита. Права на товарный знак исчерпываются в отношении товаров, которые выпущены на рынок Великобритании или Европейской экономической зоны владельцем товарного знака или с его согласия.

§ 3. Судебная практика Великобритании в сфере уголовно-правовой охраны прав на товарный знак

Уголовное преследование лиц, совершивших преступление в сфере нарушения прав на товарные знаки в Великобритании, не является редкостью. Знаковым в этой сфере является решение Палаты лордов[425] в деле «*R v Johnstone*»,

[425] Романов А. К. Право и правовая система Великобритании, М.: Форум, 2014. С. 155. Палата лордов долгое время выполняла функции Верховного суда Великобритании. Она выступала в качестве суда последней инстанции по гражданским делам для всего Соединенного Королевства и по уголовным делам для Англии, Уэльса и Северной Ирландии. Решения Палаты лордов были обязательны для всех нижестоящих судов. Эта необычная роль законодательного органа, входящего в состав парламента, имеет исторические причины: Палата лордов выполняла эту работу более 600 лет в составе Высокого суда Парламента. Закон о конституционной реформе 2005 года (The Constitutional Reform Act, 2005) предусмотрел создание нового Верховного суда Соединенного Королевства с 2009 года.

которое прояснило разночтения в прецедентном праве в отношении уголовных положений Закона 1994 г.[426]

Дело «*R v Johnstone*», в первую очередь, касалось нарушений авторских прав[427]. Однако в нем также были аспекты, связанные с законодательством о товарных знаках. Одной из причин рассмотрения нарушения сквозь призму товарных знаков была менее противоречивая природа законодательства о товарных знаках, что облегчало уголовное преследование. Кроме того, ст. 92 Закона 1994 г., предполагающая до 10 лет тюремного заключения, могла быть более привлекательной для правоохранительной системы, чем более мягкие санкции, предусмотренные в то время законодательством об авторском праве[428].

В рассматриваемом деле Роберт Джонстоун и его соучастники производили и реализовывали компакт-диски с нелегальными записями концертных выступлений музыкантов (так называемые «бутлеги»). На этих дисках было указано имя артиста или музыкальной группы, чье выступление было записано. В связи с этим возникло подозрение в нарушении прав на товарные знаки, так как некоторые из этих названий были зарегистрированы как товарные знаки.

В ходе судебного разбирательства основная линия защиты Джонстоуна строилась на утверждении предположения отсутствия нарушения в соответствии со ст. 92(5) Закона 1994 г. Он также утверждал, что прежде чем установить преступление по ст. 92, государственное обвинение обязано доказать наличие гражданского правонарушения товарного знака по ст. 9-11 Закона 1994 г. В частности, Джонстоун утверждал, что использование имени исполнителя лишь указывает на то, кто является исполнителем, и поэтому является использованием в описательном смысле.

Судья первой инстанции отклонил утверждение Джонстоуна о том, что для установления преступного деяния сначала должно быть доказано гражданское

---

[426] *R v Johnstone* [2003] UKHL 28, [2003] FSR 748, [2003] 3 AII ER 884, [2003] 1 WLR 1736.

[427] Geiger C. (ed.). Criminal Enforcement of Intellectual Property: A Handbook of Contemporary Research. Edward Elgar. 2012. P. 310.

[428] Ализаде Д.Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Великобритании // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 20.

правонарушение в соответствии со ст. 9-11 Закона 1994 г., что позволило бы г-ну Джонстоуну использовать защиту по ст. 11(2) (описательное использование имен исполнителей на компакт-дисках). Суд первой инстанции указал, что ст. 92 является самостоятельным положением в отношении уголовных преступлений, и гражданское правонарушение не является обязательным условием для установления преступления.

Джонстоун подал апелляционную жалобу, вследствие которой Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции, посчитав, что положения о гражданских правонарушениях в ст. 9-11 действительно содержат определение рассматриваемого преступления. Для обвинения в совершении преступления по ст. 92, сторона обвинения не должна доказывать наличие гражданского правонарушения, но только в том случае, если обвиняемый не заявляет в качестве защиты гражданско-правовые аргументы по ст. 10-12 Закона 1994 г., которые, в таком случае, сторона обвинения должна опровергнуть.

Государственное обвинение подало апелляцию на это решение, утверждая, что Закон 1994 г. рассматривает гражданские и уголовные правонарушения независимо друг от друга.

Вопрос, поставленный перед Палатой лордов, состоял в следующем: является ли защитой от уголовного обвинения то, что действия обвиняемого не представляют собой гражданско-правовое нарушение прав на товарный знак.

В своём решении Палата лордов постановила, что нарушение по ст. 92 является отдельным уголовным деянием, которое следует рассматривать вне контекста гражданского законодательства о товарных знаках. Палата лордов обосновала это решение тем, чтобы избежать сложностей взаимодействия с деталями гражданских правонарушений для мировых судей и присяжных[429].

Палата лордов подчеркнула, что необходимым условием для возникновения уголовной ответственности по ст. 92 является *использование* товарного знака. Так, преступное использование знака должно соответствовать понятию

[429] Там же.

«*использование*» в понимании законодательства о товарных знаках[430]. Однако установление факта использования основывается на ст. 92, исключая необходимость ссылки на гражданское законодательство. Формулировка «*без согласия владельца*» в диспозиции нормы указывает на возможность владельца возражать против незаконных действий, однако владелец не имеет права возражать против описательного использования, которое исключает уголовное наказание. Кроме того, обвиняемый имеет возможность использовать линию защиту в форме обоснованного предположения отсутствия нарушения по ст. 92(5), ссылаясь на описательное использование имени исполнителя на диске, что в таком случае предполагает уместность использования концепций гражданского правонарушения товарного знака в уголовном контексте. Это проистекает из правила толкования закона по ст. 104, закрепляющего, что понятие «нарушение зарегистрированного товарного знака» трактуется по гражданско-правовым нормам в ст. 9 и ст. 10. Название исполнителя на диске может описывать, кто является исполнителем записи. Однако действительно ли такое использование является описательным, зависит от обстоятельств каждого конкретного случая.

Учитывая вышеизложенное, мы можем констатировать, что мнения Палаты лордов и Апелляционного суда в целом совпадают по вопросу условий для возникновения уголовной ответственности с условиями для гражданской ответственности. Отличие состоит в том, что Апелляционный суд считал отсутствие гражданского правонарушения основанием для отсутствия преступления, в то время как Палата лордов предпочла рассматривать ст. 92 отдельно от гражданского законодательства, хотя и с некоторыми ссылками на него. Сфера действия ст. 92, как правило, более узкая, чем положения о гражданских правонарушениях, и судьи также подвергли сомнению практическую значимость расхождения в отношении требования об использовании знака «в ходе

[430] Dawson N. M. Non-Trade Mark Use // Intellectual Property Quarterly. 2012& № 4. P. 204–26; Janis M. D., Dinwoodie G. B. Confusion Over Use: Contextualism in Trademark Law. Articles by Maurer Faculty. 2007.P. 361.

торговли» по гражданскому законодательству и использовании «в ходе предпринимательской деятельности» по уголовному законодательству.

Следующая линия защиты обвиняемого была основана на ст. 92(5). Палата лордов сочла, что ст. 92 не требует наличия *mens rea* (виновной мысли) в отношении незаконного использования товарного знака, повторив решения нижестоящих судов в этом вопросе, поэтому отсутствие *mens rea* для совершения преступления не может являться аргументом защиты[431].

Палата лордов согласилась с Апелляционным судом в том, что приговор был несправедлив, так как обвиняемому следовало дать возможность представить доводы по ст. 92(5), а также аргументацию о некоммерческом (описательном) использовании названий исполнителей.

В рамках поставленных диссертационной работой целей мы бы хотели остановиться на следующих проанализированных судом сложностях правоприменения:

1) Оценка преступления отдельно от гражданского правонарушения.

Одним из важнейших вопросов, рассмотренных судом, является аргумент о том, что уголовное преступление по ст. 92 должно рассматриваться отдельно от гражданского правонарушения[432]. Обоснование этой позиции, которой придерживалась сторона обвинения, очевидно: если рассматривать Закон 1994 г. как предусматривающий два отдельных режима для защиты товарных знаков, решения в пользу стороны обвинения добиться потенциально легче, потому что доводы стороны обвинения могут основываться лишь на ст. 92 безотносительно остальной части закона, который мог бы обеспечить более комплексную защиту.

---

[431] Есаков Г. А. *Mens rea* в уголовном праве Соединенных Штатов Америки: историко-правовое исслед. / ассоц. «Юрид. Центр». СПб. : юрид. Центр Пресс, 2003. С. 15. Г. А. Есаков пишет, что категория «*mens rea*» как субъективная составляющая преступного деяния является одной из центральных в англо-американском уголовном праве. Однако перевод термина «mens rea» на русский язык затруднителен. Г. А. Есаков считает, что наиболее корректный дословный перевод выражения «mens rea» должен звучать как «виновная мысль». При этом Г. Есаков считает наиболее приемлемым подход, отказывающийся от какого бы то ни было перевода термина «mens rea» на русский язык.

[432] *Cooper E. R v. Johnstone*. In: Bellido, J. (ed.) Landmark Cases in Intellectual Property Law. Series: Landmark cases // London, Hart Publishing: Oxford, 2017.

В этой связи следует предположить, что основная задача ст. 92 – обеспечение защиты от крупных нарушений прав на товарный знак, а введение уголовных норм в рамки гражданского законодательства направлено на обеспечение эффективности системы товарных знаков, предотвращая и наказывая за серьезные нарушения. Такие цели соответствуют назначению любого уголовного закона. Однако предотвращение нарушений и наказание за них не являются единственными факторами уголовной ответственности, ведь существует также элемент восстановления нарушенных прав[433].

Подход Апелляционного суда состоял в том, что если нет нарушения гражданского законодательства, то и преступления по ст. 92 быть не может. Хотя сторона обвинения не обязана в каждом случае доказывать гражданское правонарушение, обвиняемый имеет право предоставить аргументы, основанные на гражданском законодательстве. В этом случае сторона обвинения обязана опровергнуть такие аргументы, также ссылаясь на гражданское право[434].

Палата лордов не согласилась с позицией Апелляционного суда. Ст. 92 не представляет собой положение, основанное на гражданском нарушении, дополненное отягчающими обстоятельствами, ведущими к уголовной ответственности. С точки зрения Палаты лордов, ст. 92 представляет собой независимое уголовное положение, направленное на защиту товарных знаков от определенных форм неправомерного использования, которые одновременно могут представлять собой гражданское правонарушение.

Представляется, что возведение искусственно независимой системы уголовного права рядом с доктриной гражданского права не является логичным, если в любом случае необходимо обращаться к гражданскому праву из-за особенностей уголовного законодательства. К примеру, для определения термина «нарушение» по ст. 92(5) Палата лордов ссылается на ст. 9-10, и эта отсылка обязательна по правилу толкования, установленному в ст. 104 Закона 1994 г.

---

[433] Ashworth A. Punishment and Compensation: Victims, Offenders and the State // Oxford Journal of Legal Studies. 1986. № 6. P. 86.
[434] Worsall A., Clark A. Anti-Counterfeiting: A Practical Guide. Jordan Publishing Limited. P. 161.

Также стоит подчеркнуть, что Палата лордов отметила, что *использование* товарных знаков является необходимым условием для возникновения уголовной ответственности. При этом аргументы о некоммерческом использовании товарного знака могут быть использованы только с отсылкой на гражданское право, которое, таким образом, становится неотъемлемой частью уголовной нормы по ст. 92.

В контексте уголовных правонарушений обращение к гражданскому праву неизбежно при заполнении пробелов, оставленных уголовным законодательством. Можно разработать альтернативное уголовное законодательство для товарных знаков, но оно, в сущности, будет аналогично гражданскому праву, потому что объект охраны един. В юридической литературе приводится аргумент, что уголовное законодательство о товарных знаках нужно отделить от гражданского права, но этот аргумент сложно реализуем, поскольку некоторые аспекты уголовного права по своей природе являются сложными и не могут быть искусственно упрощены без ущерба защите интересов обвиняемого[435].

Представляется, что корень проблемы разделения гражданских правонарушений и уголовных преступлений заключается в несовершенной формулировке ст. 92. Если бы данная норма напрямую ссылалась на гражданско-правовое нарушение и включала дополнительные критерии, которые обуславливали уголовную ответственность, было бы проще обосновать концепцию уголовной нормы как инструмента против серьезных правонарушений. Однако ст. 92 существенно отличается от гражданско-правовых норм без явной причины для этого. Здесь уместно заметить, что цель уголовно-правовой нормы в ст. 92 и связь между гражданским и уголовным законодательством по вопросам товарных знаков не были ясно определены при принятии Закона 1994 г.

2) Mens rea.

Палата лордов заняла позицию, что подпункты (1) и (2) ст. 92 не требуют наличия *mens rea* в отношении противоправных действий и потому могут

[435] Lord Devlin. Trial by jury for fraud // Oxford Journal of Legal Studies. 1986. № 6. P. 311.

рассматриваться как преступление, ответственность за которое наступает без вины (презюмируемая вина).

Преступления с абсолютной (строгой) ответственностью, как правило, крайне неоднозначны. Общими аргументами для назначения наказания за преступления с презюмируемой виной являются защита социальных интересов, общественной безопасности и благосостояния граждан и, в данном случае, защита граждан от обмана.

В научной доктрине отмечается, что преступления с презюмируемой виной противоречат общему принципу о том, что независимость личности заслуживает уважения для обеспечения справедливости по отношению к обвиняемому: уголовное наказание допускается только в том случае, если у лица был выбор, и он принял решение о совершении преступного деяния. Если *mens rea* не имеет значения для возникновения ответственности, у человека нет возможности принять решение в отношении преступного деяния. В Англии суды в некоторых случаях постановили, что наличие *mens rea* преступления является неотъемлемым элементом любого преступления и, таким образом, домыслили наличие элемента *mens rea* в законодательных актах, в которых ничего не говорится о требовании её наличия[436]. Основным моментом является тяжесть преступления, но суд может учитывать тяжесть преступления как аргумент в пользу или против абсолютной (строгой) ответственности.

Стоит подчеркнуть, что поскольку ст. 92 предусматривает максимальный срок лишения свободы до 10 лет, это может указывать на толкование в пользу презумпции наличия *mens rea* в каждом преступлении, но на практике тенденции на введение дополнительного *mens rea* к уже имеющемуся (намерению причинить ущерб или цели получить выгоду) не наблюдается.

3) Перенос бремени доказывания на обвиняемого.

Палата лордов установила, что ст. 92 не требует наличия *mens rea* относительно незаконного использования товарного знака. Таким образом,

---

[436] *Sherras v de Rutzen* [1895] 1 QB 918, 921.

аргумент об отсутствии *mens rea* не может служить основой для защиты. Означает ли это, что аргументация защиты об обоснованном предположении отсутствия нарушения по ст. 92(5) недоступна, если обвиняемый вообще не знал о существовании знака?

В решении по делу *Torbay Council v Satnam Singh*[437] суд занял позицию, что понятие «обоснованное предположение» подразумевает осведомленность о наличии товарного знака, и без этой информации обвиняемый не может использовать данный аргумент в качестве защиты. Эта интерпретация была подтверждена в деле Апелляционного суда *R v Keane*[438], однако позже была поставлена под сомнение в другом решении Апелляционного суда по делу *R v Rhodes*[439].

Дело *R v Johnstone* отменило прецедент в деле *Torbay Council v Satnam Singh* – использование аргумента возможно тогда, когда обвиняемый считает, что его действия не нарушают закон по причине того, что он обоснованно полагает, что соответствующий товарный знак не зарегистрирован.

Формулировка по ст. 92(5) означает наложение бремени доказывания фактов на обвиняемого по принципу большей вероятности. Палата лордов в деле *R v Johnstone* признала, что *prima facie* это ущемляет принцип презумпции невиновности в соответствии со ст. 6(2) Европейской конвенции о правах человека, поскольку перенос бремени доказывания на обвиняемого по принципу большей вероятности допускает осуждение, хотя суд может иметь разумные сомнения в виновности обвиняемого. С другой стороны, ст. 6(2) Европейской конвенции о правах человека и прецедентное право Европейского суда по правам человека установили, что в некоторых случаях возможно исключение из принципа презумпции невиновности, если общественные интересы и интересы человека сбалансированы[440]. Палата лордов указала, что общественные интересы должны

---

[437] *Torbay Council v Satnam Singh* [1999] 163 JP 744.
[438] *R v Keane* [2001] FSR 63, CA (Criminal Division), paras 23-24.
[439] *R v Rhodes* [2003] FSR 147, 153, paras 21-22.
[440] *Salabiaku v France*, 1988, 13 EHRR 379, 388, para. 28.

быть ущемлены до такой степени, которая оправдывает перенос бремени доказывания на обвиняемого, и чем серьезнее наказание, тем более вескими должны быть причины для этого.

В рассматриваемом деле ключевой вопрос был в поиске равновесия между защитой интересов легитимных торговцев и защитой обвиняемого, который по определению обязан проявлять бдительность на предмет наличия контрафакта среди реализуемой продукции[441]. Ст. 92(5) акцентирует внимание на общественном интересе – подделки наносят ущерб экономике, а потребители могут столкнуться с низкокачественными или опасными товарами. В большинстве случаев, обвиняемый осведомлен о своих поставщиках и способен аргументированно доказать свою невиновность. Если бы бремя доказывания по ст. 92(5) возлагалось на сторону обвинения, это затруднило бы уголовное преследование, идя вразрез с общественным интересом. Именно поэтому возложение бремени доказывания на обвиняемого согласно принципу наибольшей вероятности соответствует ст. 6(2) Европейской конвенции о правах человека. Таким образом, Палата лордов оправдала перенос бремени доказывания, включив его в исключение из принципа презумпции невиновности по ст. 6(2) Европейской конвенции в случаях, когда общественные интересы должны преобладать.

Реклама часто утверждает, что товарные знаки гарантируют высокое качество товаров, подразумевая, что они соответствуют стандартам безопасности и здоровья, так как это характерно для подлинных продуктов[442]. В результате различных рекламных кампаний, ориентированных на защиту интересов определенных бизнес-групп, мы часто сталкиваемся с этим аргументом, который, тем не менее, является упрощенным и, можно сказать, ошибочным.

Целью товарных знаков и положений об охране прав на товарный знак не является защита прав потребителей. В традиционном понимании цель товарных

---

[441] Tadros V., Tierney S. The presumption of innocence and the Human Rights Act. 67 Modern Law . 2004. Review 3. P. 402–434.

[442] Иванова Е. Г. История развития понятия товарного знака и его функций // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 48-51.

знаков заключается в указании происхождения товара. При этом товарный знак выступает как показатель качества продукта, поскольку это качество ассоциируется с происхождением, которое символизирует данный знак. Но термин «качество» амбивалентен, поскольку может подразумевать как высокое, так и низкое качество. Законодательство о товарных знаках не устанавливает стандартов качества – оно обеспечивает защиту для продукции независимо от уровня качества. Таким образом, индикативная функция товарного знака может действовать в различных ситуациях – указывать на продукцию как высокого, так и низкого качества. Предположение, что продукция с товарным знаком должна быть высокого качества, не имеет достаточного обоснования. И это приводит ко второй важной функции товарных знаков – различительной[443]. Отметим, что прецеденты Суда Европейского Союза после дела *R v Johnstone* указывали на ряд иных фундаментальных функций товарных знаков[444].

Реклама не предназначена для предоставления утверждений о качестве продукта. Законодательство о товарных знаках фокусируется на владельце товарного знака, а не на потребителе[445]. Следовательно, законы о товарных знаках не обеспечивают защиту от продуктов низкого качества. Для этого предусмотрены соответствующие наказания в рамках законодательства о защите прав потребителей[446].

В контексте гражданского законодательства о товарных знаках можно предположить, что термин «*репутация*» подразумевает «*хорошую репутацию*». Плохая репутация бесполезна с коммерческой точки зрения, потому что в таком случае вероятность нарушения товарного знака минимальна – никому не интересно ассоциировать свой продукт со знаком с плохой репутацией. Несмотря на

---

[443] Cornish W., Llewelyn D. Intellectual Property // Sweet and Maxwell, 5th edition. London, 2003, para. 15-28.

[444] C-487/07 L'Oreal v Bellure [2009] ECR I-5185 (ECJ, First Chamber); C-236/08-238/08 Louis Vuitton v Google France [2010] ECR I-2417 (ECJ, Grand Chamber).

[445] Bently L., Sherman B. Intellectual Property Law // Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 664; Maniatis S. Competition and the Economics of Trademarks / Perspectives on Intellectual Property (Vol.2) // Intellectual Property and Market Freedom, London: Sweet and Maxwell, 1997, P. 63.

[446] Scott C., Black J. Cranston's Consumers and the Law. London: Butterworths, 3rd ed, 2000. P. 289.

логичность этого утверждения в рамках гражданского права, оно не применимо в уголовном контексте.

Защиту прав потребителей не рекомендуется рассматривать в контексте уголовных нарушений, связанных с товарными знаками. Подобные нарушения должны рассматриваться в соответствии с законодательством о защите прав потребителей. Данный подход соответствует основным принципам уголовного права, включая предсказуемость и точную идентификацию преступления (справедливая квалификация деяния), что является важными элементами правила *nullum crimen sine lege*.

Поскольку английское уголовное законодательство о товарных знаках не предусматривает защиту потребителей от продукции низкого качества, рассмотрение этого вопроса не должно быть оправданием, чтобы склонить чашу весов в пользу общественности и против обвиняемого и, по этой причине, принять перенос бремени доказывания на обвиняемого[447]. В рамках рассмотренного дела осталось неясным, решила ли Палата лордов, что только введение в заблуждение и недобросовестная конкуренция оправдывают перенос бремени доказывания на обвиняемого.

4) Назначение уголовного наказания за нарушение прав на товарный знак.

В деле *R v Johnstone* судом не был детально рассмотрен вопрос уголовного наказания по ст. 92. В других судебных делах акцентируется внимание на том, что незаконное использование товарного знака следует рассматривать в качестве уголовного нарушения[448]. Наказание в таких ситуациях определяется исходя из степени тяжести нарушения и упорства обвиняемого[449].

В деле *R v Burns* обвиняемый занимался торговлей контрафактной одеждой с использованными на ней общеизвестными товарными знаками[450]. Апелляционный суд оставил в силе приговор о лишении свободы сроком на 12 месяцев – в

---

[447] Rahmatian A. Trademark Infringement as a Criminal Offence. The Modern Law Review Vol. 67, No. 4, 2004. P. 670-683.
[448] *R v Bhad* [1999] S Cr App Rep (S) 139, 140.
[449] *R v Kelly* [1999] 1 Cr App Rep (S) 61.
[450] *R v Burns* [2001] FSR 423, CA.

частности потому, что обвиняемый был недавно уже осужден за преступления, связанные с нарушением прав на товарный знак. Размер штрафа должен быть таким, чтобы он выступал в качестве эффективного сдерживающего фактора, и при назначении наказания должно приниматься во внимание количество контрафактных товаров (в данном деле было изъято около 500 контрафактов).

В деле *R v Adam* суд оставил в силе приговор, заключавшийся в четырех месяцах лишения свободы для обвиняемого, и посчитал что этот срок не является чрезмерным, хотя прибыль обвиняемого от продажи поддельной одежды была минимальной[451]. С другой стороны, в деле «*R v Priestly*», где обвиняемый использовал контрафактные товарные знаки на парфюмерию и одежду, Апелляционный суд сократил срок тюремного заключения с четырех до трех лет[452].

Судебная практика показывает, что даже незначительные нарушения, описанные в ст. 92, могут привести к назначению тюремного наказания. Несмотря на то, что приговоры могут иметь сдерживающий эффект, не стоит забывать о балансе между тяжестью преступления и строгостью наказания[453]. Наказание за преступление по ст. 92 не должно становиться комплексным, охватывающим различные интересы и допускать суровую меру ответственности на этой неверной основе, без предварительного определения конкретного уровня защиты, как того требуют уголовно-правовые нормы.

Дело *R v Johnstone* показало, что незаконное использование товарного знака является основанием для уголовного преследования по ст. 92 Закона 1994 г. *A. Rahmatian* отмечает, что существует риск того, что это преступление, находящееся на стыке между гражданским и уголовным законодательством, но не являясь сутью ни одного из них, не находится в фокусе внимания правоведов, и поэтому соблюдение основных стандартов уголовного права может не контролироваться в достаточной мере[454].

---

[451] *R v Adam* [1998] 2 Cr App Rep (S) 403.
[452] *R v Priestly* [1996] 2 Cr App Rep (S) 144.
[453] Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 86.
[454] Rahmatian A. Op. cit.

При вынесении решений в сфере товарных знаков важно учитывать принцип соразмерности. Чрезмерно строгие наказания могут иметь обратную силу, стимулируя совершение преступлений в более крупных объемах, что в итоге может подорвать общественное признание товарных знаков и уголовной юстиции[455]. То, о чем Вольтер писал в 1766 году, справедливо и сегодня: «[С]уровый закон иногда приводит к преступлению»[456].

Выводы по параграфу:

1. Знаковым судебным делом по рассматриваемой проблематике является дело «*R v Johnstone*», в рамках которого Палата лордов прояснила противоречия прецедентного права в отношении уголовных положений Закона 1994 г.

2. Палата лордов определила, что преступление по ст. 92 Закона 1994 г. является независимым уголовным деянием, которое следует рассматривать вне контекста гражданско-правовых норм о товарных знаках. Разделение гражданского правонарушения и уголовного преступления происходит из-за формулировки ст. 92 Закона 1994 г., которая прямо не ссылается на гражданско-правовую норму и не включает дополнительные критерии, которые обусловили бы уголовную ответственность. Статья 92 Закона 1994 г. направлена на защиту товарных знаков от определенных форм неправомерного использования, при этом такое неправомерное использование может также являться гражданским правонарушением. Государственное обвинение не должно доказывать факт наличия гражданского правонарушения, но если обвиняемый выдвигает гражданско-правовую защиту, тогда сторона обвинения должна опровергнуть её.

3. Палата лордов уточнила, что рассматриваемое преступление не требует наличия *mens rea* (виновной мысли) в отношении противоправных действий и потому может рассматриваться как преступление, ответственность за

---

[455] Gardiner, G. The Purposes of Criminal Punishment // Modern Law Review. 1958. Vol. 21(3). P. 221-235.

[456] Francois Marie Arouet de Voltaire, Commentaire sur le livre Des délits et des peines. Section XVIII, Du vol domestique. Paris: Gallimard (1766) 815.

которое наступает без вины (презюмируемая вина), в силу чего отсутствие *mens rea* для совершения преступления не может являться аргументом защиты.

4. Палата лордов подтвердила возможность обоснованного предположения отсутствия нарушения у обвиняемого, который считает, что он не нарушает права на товарный знак потому, что верит в то, что товар является оригинальным, или потому, что он считает, что подобный товарный знак в принципе не существет. Основным фактором для судебного рассмотрения дел данной категории является анализ критерия «обоснованность».

§ 4. Особенности уголовно-правовой охраны права на товарный знак при параллельном импорте: позиция Великобритании

Различный уровень и подход к охране прав на товарные знаки порождает важные правовые вопросы, одним из которых является вопрос параллельного импорта и регулирования исчерпания исключительных прав на товарный знак.

Правовое государство призвано обеспечивать справедливый баланс интересов всех участников экономической жизнедеятельности, и исчерпание исключительных прав (первой продажи или введения в оборот) на товарный знак является одной из разновидностей ограничения этих прав[457]. С этой точки зрения, исчерпание прав следует рассматривать наряду с ограничением срока действия прав интеллектуальной собственности, территорией их применения, условиями охраноспособости объектов таких прав, а также установлением случаев свободного использования объектов прав[458]. Как нами было рассмотрено в рамках главы II, параллельный импорт – это не контрабанда или легализация ввоза контрафактного товара, а ввоз на территорию государства оригинальных товаров без разрешения

[457] Еременко В. И. Об эволюции принципа исчерпания исключительного права на товарный знак в России // Биржа интеллектуальной собственности. 2013. Т. 12. № 6. С. 1-10.

[458] Карцхия А. Права интеллектуальной собственности в условиях ВТО: новые реалии российский правообладателей // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2012. №10. С. 44-54.

правообладателя, введенных в международный торговый оборот правообладателем или его партнерами[459].

В Великобритании Верховный суд выработал правовую позицию по проблематике параллельного импорта в 2017 году в решении по делу *R v M (Appellant) R v C (Appellant) R v T (Appellant)*, согласно которому уголовная ответственность может распространяться на торговлю «*серыми*» (ввезенными через параллельный импорт) товарами[460].

В решении от 3 августа 2017 года Верховный суд Великобритании постановил, что лица, занимающиеся продажей «*серых*» товаров, маркированных с согласия владельца товарного знака, но проданных без его согласия, могут быть привлечены к уголовной ответственности[461]. Таким образом, Верховный суд решил, что применение ст. 92(1) Закона 1994 г. не ограничивается контрафактными товарами и может применяться в отношении «*серых*» товаров[462].

Обвиняемые по указанному делу занимались массовым ввозом и последующей продажей определенных товаров, в том числе одежды и обуви. Большинство товаров было маркировано товарными знаками известных брендов, таких как *Ralph Lauren*, *Adidas*, *Under Armour*, *Jack Wills, Fred Perry* и др[463].

---

[459] См., напр.: Машитлов Э. Х. Правовые аспекты параллельного импорта в условиях экономических санкций / Э. Х. Машитлов // Российское право онлайн. 2022. № 3. С. 102-106; Кирилина В. А. Перспективы развития параллельного импорта в Российсской Федерации в рамках политически - нестабильной ситуации в мире / В. А. Кирилина, В. И. Якубовская // Матрица научного познания. 2022. № 10-1. С. 28-32; Метелицкая, Ю. В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации: плюсы и минусы / Ю. В. Метелицкая // Вопросы российской юстиции. 2022. № 22. С. 208-219.

[460] UK Supreme Court holds that grey market sales can be criminal offence. [Электронный ресурс]: IPKat Blog, 05 August 2017. URL: http://ipkitten.blogspot.com/2017/08/uk-supreme-court-holds-that-grey-market.html (дата обращения: 01.08.2024).

[461] *R v M (Appellant) R v C (Appellant) R v T (Appellant)*, [2017] UKSC 58, 03.08.2017 // URL: https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2017-0006-judgment.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

[462] Anticipating Hard Brexit: Continuity for Importers of Grey Goods to the UK, but Exporters to the EEA Beware. [Электронный ресурс]: 25 January 2019. URL: https://www.maucherjenkins.com/news-and-events/2019/no-deal-brexit-importers-exporters-intellectual-property (дата обращения: 01.08.2024).

[463] Ализаде Д.Э. Уголовная ответственность за параллельный импорт: сравнительный анализ законодательства Великобритании и Азербайджана // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 1. С. 15-18.

Товары были изготовлены в странах за пределами Европейского союза. Некоторые из них были изготовлены лицами, которые не были ни владельцами товарных знаков, ни уполномоченными их производить со стороны владельцев. Эту категорию товаров причислили к контрафактным товарам в истинном смысле этого определения[464].

Однако значительную часть товаров составляли те, на производство которых было предоставлено разрешение со стороны владельцев товарных знаков (по субконтракту, лицензии или иным образом), но их продажа не была разрешена[465]. Таким образом, данная категория товаров продавалась без согласия владельцев товарных знаков. Причины отсутствия разрешения на продажу были разными. Некоторая часть одежды могла быть преднамеренно изготовлена на фабриках сверх количества, разрешенного владельцем торгового знака, чтобы излишки могли быть проданы в личных интересах производителя. Другая часть могла быть сделана сверх заказа без подобного намерения (возможно, в качестве меры предосторожности, которая была запланирована и одобрена владельцем товарного знака), но затем была выставлена на продажу без согласия владельца торгового знака. Некоторая часть могла быть изготовлена с разрешения владельца товарного знака – это, в свою очередь, может включать случаи, когда владелец товарного знака в итоге остался недоволен качеством товаров и принял решение не выпускать их на рынок. Эту вторую категорию товаров и причислили к «серым» товарам.

Перед Верховным судом был поставлен вопрос о толковании ст. 92(1) Закона 1994 г. и её правоприменении в отношении «серых» товаров.

Как мы рассмотрели выше, в соответствии с подпунктом (1) ст. 92, лицо совершает преступление, если, с целью получения выгоды для себя или другого лица, или с намерением причинить ущерб другому лицу, и без согласия владельца,

(a) наносит на товары или на их упаковку знак, который идентичен или который может быть ошибочно принят за зарегистрированный товарный знак, или

---

[464] Там же.
[465] Там же.

(b) продает или сдает внаем, выставляет на продажу или предлагает в аренду или распространяет товары, которые маркированы или на упаковке которых использован подобный знак, или

(c) имеет в своем владении, хранении или распоряжении в ходе своей предпринимательской деятельности любые подобные товары с целью совершения им самим или другим лицом деяний, которые являются преступлением согласно пункту (b).

Аргументация обвиняемых была сосредоточена вокруг толкования термина «*подобный знак*» в подпункте (1)(b). Обвиняемые считали, что этот термин отсылает к подпункту (1)(a). И, по утверждению обвиняемых, из-за отсылки к (1)(a), подпункт (1)(b) должен применяться только в том случае, если соответствующий товарный знак использован на товаре «без согласия владельца». Однако в данном деле на всех товарах в вышеупомянутой категории «серых» товаров товарные знаки были использованы с согласия владельца, и только на продажу этих товаров не было получено разрешение владельца. Поэтому, как утверждали обвиняемые, подпункт (1)(a) не должен применяться к категории «серых» товаров. Следовательно, что касается подпункта (1)(b), товары по данному разбирательству не являлись товарами, на которые нанесен «подобный знак».

Верховный суд согласился с тем, что термин «подобный знак» в подпункте 92(1)(b) отсылает к товарному знаку, описанному в подпункте (1)(a). Однако суд не согласился, что словосочетание «подобный знак» также охватывает слова «без согласия владельца», которые изложены в диспозиции уголовно-правовой нормы *перед* подпунктом (1)(a), а также с аргументом, что знак должен быть нанесен на товар без согласия владельца как основание для уголовной ответственности при их продаже.

Верховный суд посчитал, что при интерпретации подпунктов (1)(a) и (1)(b) не возникает затруднений в том, чтобы понять, каким образом термин «*подобный знак*» в подпункте (1)(b) отсылает к подпункту (1)(a). Термин «*подобный знак*» означает такой знак, который описан в подпункте (1)(a). Знак, описанный в подпункте (1)(a) – это знак, который «идентичен или который может быть

ошибочно принят за зарегистрированный товарный знак». Таким образом, товарные знаки, которые были причислены к «серым» товарам в рамках данного дела, подходят под это описание.

Верховный суд также указал, что преступления, изложенные в подпунктах (1)(a), (1)(b) и (1)(c) ст. 92 Закона 1994 г., не являются кумулятивными, а должны рассматриваться по отдельности, и оснований для искусственного ограничения толкования данной статьи не имеется. Совсем необязательно, согласно решению суда, чтобы какое-либо из преступлений по данной статье было совершено, прежде чем суд мог бы анализировать совершение следующего. *Mens rea* в форме стремления к получению выгоды для себя или причинения ущерба другому лицу применимо ко всем трем пунктам. То же относится и к использования товарного знака без согласия его владельца.

Таким образом, подпункт (1)(a) квалифицирует преступлением использование знака без согласия владельца и при наличии *mens rea*. В соответствии с подпунктом (1)(b), продажа товаров, на которых использован подобный знак, является преступлением, если она происходит без согласия владельца и при наличии *mens rea*. Подпункт (1)(c) квалифицирует преступлением владение, хранение или распоряжение в ходе своей предпринимательской деятельности товаров с целью осуществления деяния, которое является преступлением согласно подпункту (1)(b), опять же без согласия владельца и при наличии *mens rea*. Таким образом, подпункт (1)(c) лишь предполагает совершение преступления согласно подпункту (1)(b). Безусловно, лицо может совершить все три преступления, охваченных данной нормой, но это не обязательно. Каждый случай должен быть рассмотрен отдельно. Суд подытожил, что анализ подпункта (1)(b) со стороны обвиняемых являлся «ограниченным и неестественным» [466].

Мы полагаем, что решение Верховного суда является благоприятным для владельцев товарных знаков, которые могут рассматривать возможность

[466] Strath J., Webster M., Cameron K. Parallel Imports/Grey Market Goods in UK: Criminal Offence as Well as Civil TM Infringement // European Intellectual Property Review. Sweet & Maxwell, Volume 40, Issue 1. 2018.

уголовного преследования правонарушителей в дополнение к искам в гражданско-правовом порядке, поскольку ранее уголовно-правовые положения применялись только к делам о контрафакте и не учитывались при рассмотрении случаев, связанных с «серыми» товарами. Решение Верховного суда также повлияет на манеру поведения лиц, занимающихся торговлей «серыми» товарами, так как торговля оригинальными товарами, на продажу которых нету разрешения, может привести к уголовному преследованию[467].

Выводы по параграфу:

1. Подход к вопросу параллельного импорта («серого» импорта) разнится в зависимости от применимого в разных государствах принципа исчерпания исключительных прав правообладателя в отношении товарного знака.

2. В Великобритании вопрос о том, может ли торговля «серыми» товарами быть основанием для уголовной ответственности, был решен Верховным судом в деле *«R v M (Appellant) R v C (Appellant) R v T (Appellant)»*. Верховный суд постановил, что лица, занимающиеся продажей «серых» товаров, могут быть привлечены к уголовной ответственности, а уголовно-правовая норма по статье 92 Закона 1994 г. не ограничивается контрафактными товарами и может в равной степени применяться в отношении «серых» товаров. Решение Верховного суда стало фундаментальным для владельцев товарных знаков, но поставило под угрозу совершения уголовного преступления реселлеров.

3. Верховный суд Великобритании принял решение, что преступные действия, предусмотренные в статье 92 Закона 1994 г., не являются кумулятивными. Таким образом, необязательно, чтобы какое-либо из преступных действий по рассматриваемой уголовно-правовой норме было совершено, прежде чем суд мог бы устанавливать факт совершения следующего.

---

[467] UK: Grey Goods Caught by Criminal Law. [Электронный ресурс]: Managing Intellectual Property, 03 August 2017. URL: https://www.managingip.com/Article/3739069/UK-Grey-goods-caught-by-criminal-law.html (дата обращения: 01.08.2024).

ГЛАВА IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

§ 1. Развитие уголовного законодательства об охране товарного знака от незаконного использования в Азербайджанской Республике

Азербайджанское уголовное законодательство тесно связано с историей развития его государственности.

Азербайджанские ученые М. А. Дамирли и А. Р. Алескерли предлагают следующую периодизацию истории развития уголовного права Азербайджана[468]:

1) Доисламский период (с древних времен до VII века);
2) Исламский период (господство исламской правовой системы с VII – начала XIX века);
3) Период вхождения Азербайджана в состав Российской Империи (с начала XIX века до 1918 года);
4) Период государственной независимости (1918-1920 годы);
5) Советский период (с 1920 до 1991 года);
6) Период восстановления государственной независимости.

К моменту вхождения по условиям Гюлистанского (1813 г.) и Тюркменчайского (1828 г.) договоров в состав Российской империи, в северной (современной) части Азербайджана действовало мусульманское право[469]. Этот период характеризуется отсутствием систематизированного уголовного законодательства, а управление ханствами, располагавшимися в Азербайджане, осуществлялось по законам Шариата. Эти источники содержали нормы и

---

[468] Dəmirli M. Ə., Ələsqərli Ə. R. Azərbaycan hüquq tarixi: cinayət hüququ (qədim zamanlardan 1920-ci ilədək). Azərnəşr. Bakı, 1999. C. 17.

[469] Исмайлов Х.Д. Попытки систематизации религиозно-правовых норм в Северном Азербайджане после его присоединения к Российской империи на основе Туркменчайского договора // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях : Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 20 мая 2021 года / Под научной редакцией В.А. Авдеева, С.В. Розенко. Том Выпуск 4. Ханты-Мансийск: Сектор редакционно-издательской работы Научной библиотеки Югорского государственного университета, 2021. С. 27-33.

установления, относившиеся к различным областям права, включая уголовное право.

Наряду с нормами Шариата, в Азербайджане стали применяться законы Российской империи[470]. В дореволюционный период законодательным изменениям подверглись главным образом отрасли публичного права; в сфере частного права (в частности, семейно-брачного права) продолжали действовать нормы мусульманского права, а в некоторых случаях – обычно-правовые нормы[471]. Стоит заметить, что в отношении уголовного права этот период истории характеризуется как период полной зависимости Азербайджана от уголовных законов, принятых в России[472].

В 1917 году на территории Закавказья была создана независимая Закавказская демократическая федеративная республика, а в 1918 году, после её недолгого существования – три независимых государства: Грузинская и Армянская республики, а также Азербайджанская демократическая республика.

Азербайджанская демократическая республика (АДР) просуществовала 23 месяца в 1918-1920 годах и стала первым светским демократическим государством на мусульманском востоке. Несмотря на сложную политическую обстановку, шаги по государственному строительству в АДР оставили значительный след в её истории[473].

В Декларации Независимости, принятой Национальным Советом Азербайджана 28 мая 1918 года, говорилось: «Отныне народы Азербайджана – носители суверенных прав, и Азербайджан, охватывающий Восточное и Южное

---

[470] Минникес И. В. Развитие норм и институтов уголовного права в Закавказье в начале XIX века / И. В. Минникес, Н. М. Саламов // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 766-774.

[471] Минникес И. В. Источники права ханств Северного Азербайджана в период присоединения к Российской империи в начале XIX века / И. В. Минникес, Н. М. Саламов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 1. С. 100-118.

[472] Самедова Ш.Т., Проблемы уголовного права: классификация преступлений, дифференциация уголовной ответственности и построение санкций. Монография. Баку, «Ecoprint», 2017. С. 103.

[473] Халилов Н.Ш. Кодификация гражданского права в Азербайджане: история, современное состояние и перспективы развития // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 6(187). С. 123-137.

Закавказье, является полноправным независимым государством. Азербайджанская Демократическая Республика гарантирует в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам, без различия национальности, вероисповедания, социального положения и пола»[474].

В период национальной независимости, законы и нормативные акты Российской империи, не отмененные правительством Азербайджана, оставались в силе на всей территории государства[475]. Следовательно, дореволюционное российское уголовное законодательство также оставалось в силе, пусть и с незначительными изменениями[476].

За период существования АДР на обсуждение парламента было вынесено около 300 законопроектов, но они не были приняты из-за установления на территории государства советской власти в 1920 году.

После установления советской власти правовая система Азербайджана была заменена путем рецепции социалистического права советской России. Тем не менее, в 1920-е годы в республике ещё сохранялись некоторые правовые особенности – в эти годы был принят местный гражданский кодекс, в который вошли разделы о брачном, семейном и опекунском праве. В уголовном законодательстве также был сохранен ряд специфических составов преступлений, обусловленных патриархальным наследием.

В 1922 году в советских республиках происходит кодификация уголовного законодательства. Первым советским уголовным кодексом стал УК РСФСР, вступивший в силу 1 июня 1922 года[477]. Определенная подготовительная работа по формированию первого уголовного кодекса велась и в Азербайджане. Проект азербайджанского закона был составлен после того, как проект УК РСФСР был готов и представлен для широкого обсуждения. Касательно азербайджанского

---

[474] Декларация о независимости Азербайджана 1918 г. Управление делами Президента Азербайджанской Республики Президентская Библиотека // URL: https://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf (дата обращения: 01.08.2024).
[475] Əkbərov R., Səlimov, S. Azərbaycan dövlət və hüquq tarixi. “Qanun” nəşriyyatı. Bakı, 2003. C. 309.
[476] İmanlı M.N. Mülkiyyət ələyhinə edilən cinayətlər. Dərslik. “Digesta” nəşriyyatı. Bakı, 2018. C. 13.
[477] Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153

уголовного кодекса, И. П. Мамедов указывает на фактическое копирование российского уголовного закона[478].

Первый УК в Азербайджане был принят на второй сессии АзЦИКа 3 декабря 1922 года и введен в действие 1 февраля 1923 года. УК АССР представлял собой воспроизведение принятого чуть ранее УК РСФСР: «Почти полное сходство с Уголовным кодексом РСФСР 1922 г. уголовных кодексов советских республик объясняется тем, что в УК 1992 г. нашли свое отражение и законодательство, и судебная практика как РСФСР, так и других советских республик»[479].

УК АССР 1922 г. был структурно разделен на Общую часть (она состояла из пяти разделов) и Особенную часть (она состояла из возьми глав). Статьи УК не имели названий в обеих частях, что создавало трудности при правоприменении. Одной из особенностей УК 1922 г. можно считать то, что преступлению как одному из важнейших уголовно-правовых институтов не был посвящен отдельный раздел в Общей части УК – это было сделано только в УК АССР 1960 г. Преступление рассматривалось через призму наказания.

Шестая глава Особенной части УК АССР 1922 г. включала нормы, устанавливающие уголовную ответственность за имущественные преступления. Ст. 199 УК 1922 г. касалась незаконного использования товарного знака. Согласно этой статье, самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием, каралось принудительными работами на срок до одного года или штрафом в тройном размере против извлеченной от самовольного пользования выгоды[480]. Первый УК Азербайджанской ССР 1922 г. действовал до 15 января 1928 года.

---

[478] Самедова Ш. Т. Проблемы уголовного права... Указ. соч. С. 120.

[479] Сборник Постановлений Пленума Верховного суда Азербайджанской ССР (1961-1983). Баку, 1985. С. 8.

[480] Cinayət qanunları külliyyatı, 1920-2000 : almanax : Azərbaycan İctimai Şura Cümhuriyyətinin Cəza Məcəlləsi (1922-ci il) ; Azərbaycan İctimai Şura Cümhuriyyətinin Cəza Məcəlləsi (1927-ci il) ; Azərbaycan SSR Cinayət Məcəlləsi. Təfsir (1948-ci il) ; Azərbaycan SSR Cinayət Məcəlləsi (1960-cı il) ; Azərbaycan SSR Cinayət Məcəlləsinin elmi-praktiki kommentariyası. Ümumi hissə (1978-ci il) ; MDB-nin üzv dövlətləri üçün Model Cinayət Məcəlləsi (1996-cı il) / tərt. və mətn. red. B. C. Kərimov,

30 декабря 1922 года I съезд Советов принял Декларацию и Договор об образовании СССР. Этот Договор отнес к ведению СССР в лице его верховных органов, среди прочего, установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданское и уголовное союзное законодательство. Этот период характеризуется усилением роли и значения общесоюзного уголовного законодательства.

Утвержденные 31 декабря 1924 года Президиумом ЦИК СССР Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик точно определили компетенцию в области уголовного законодательства как Союза ССР, так и союзных республик. Ст. 3 Основных начал устанавливала, что «отдельные виды преступлений, и порядок применения к ним мер социальной защиты определяются уголовными законами союзных республик, за исключением преступлений государственных и воинских. Президиуму ЦК Союза ССР предоставляется право в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии карательной политики».

В 1924 году ЦИК СССР дал указание союзным республикам пересмотреть действующие уголовные законы, и в Азербайджане началась работа по принятию второго УК АССР.

Второй УК советского периода в Азербайджане был утвержден Постановлением ЦИК и СНК Азербайджанской ССР от 3 декабря 1927 года и введен в действие с 15 января 1928 года. Структура глав Общей части УК АССР была такой же, как и в УК РСФСР, который был принят в 1926 году.

Седьмая глава Особенной части УК АССР 1927 г. включала нормы, устанавливавшие уголовную ответственность за имущественные преступления. Ст. 222 УК 1927 г. касалась незаконного использования товарного знака. Согласно этой статье, самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а

F. Y. Xəlilov, S. O. Əliyev ; elmi red. F. Y. Səməndərov, İ. V. Vəliyev // “Hüquq Yayın Evi”, Bakı, 2014. C. 125.

равно и чужой фирмой или чужим наименованием, каралось принудительными работами на срок до шести месяцев или штрафом в размере до трех тысяч манат. Таким образом, конструкция диспозиции этой нормы повторяла конструкцию из УК 1922 г., но в части санкций произошли изменения[481]. Конструкция диспозиции этой нормы также полностью повторяла конструкцию УК РСФСР 1928 г.[482]

После принятия Конституции СССР 1936 года издание законов в области уголовного права перешло к компетенции СССР, что привело к дальнейшему снижению роли законодательных органов союзных республик[483].

В 1950-х годах в Конституции СССР был сделан ряд изменений – в частности, восстановлена компетенция союзных и республиканских органов по уголовному законодательству. 25 декабря 1958 года вторая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва утвердила Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Третий УК Азербайджанской ССР был принят 8 декабря 1960 года и введен в действие с 1 марта 1961 года. Общая часть УК Азербайджанской ССР во многом воспроизводила союзные Основы 1958 г. С юридико-технической точки зрения последний УК советского периода в Азербайджане был значительно усовершенствован. Примером этого можно считать, среди прочего, наличие наименований статей Общей и Особенной частей УК.

Пятая глава Особенной части УК АССР 1960 г. включала нормы, устанавливавшие уголовную ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Статья 150-12 УК 1960 г. касалась незаконного использования товарного знака. Согласно этой статье, использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ним наименований товаров того же вида неоднократно либо с причинением значительного ущерба наказывалось лишением свободы на срок до

---

[481] Cinayət qanunları Külliyyətı 1920-2000. Op. cit. C. 214.

[482] Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. № 80 Ст.600.

[483] Самедова Ш.Т. Уголовное право Азербайджанской Республики. Особенная часть: в двух томах. Учебник. Том 1. Adiloğlu. Баку, 2020. С. 42.

двух лет с конфискацией имущества или без таковой. Квалифицирующими признаками рассматриваемого преступления являлись совершение преступления в группе либо с причинением крупного ущерба, что наказывалось лишением свободы на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой[484].

Выводы по параграфу:

1. Историческое развитие уголовного права в целом и уголовно-правовой охраны прав на товарный знак в частности в Азербайджане на протяжении более чем двух столетий обусловлено и находится в прямой зависимости от состояния его государственности.

2. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака в период нахождения Азербайджана в составе СССР была установлена тремя последовательными уголовными законами – УК Азербайджанской ССР 1922 г., УК Азербайджанской ССР 1928 г. и УК Азербайджанской ССР 1960 г. В силу главенствующей роли общесоюзного уголовного законодательства, уголовный закон Азербайджанской ССР представлял собой воспроизведение уголовных кодексов РСФСР, включая норму, регулирующую незаконное использование товарного знака.

3. Историко-правовой анализ позволяет предположить, что эффективное правовое регулирование защиты прав владельцев товарных знаков возможно при упорядочении и систематизации общественных отношений посредством кодификации правового массива, в том числе нормами административного и уголовного законодательства.

§ 2. Современное законодательство Азербайджанской Республики в сфере уголовно-правовой охраны прав на товарный знак

С начала 1990-х годов развитие правовой системы Азербайджана характеризуется коренной трансформацией. Формирование современной системы

[484] Cinayət qanunları Külliyyətı 1920-2000. Op. cit. C. 711.

права началось с принятия Акта о государственной независимости Азербайджана, принятого на основании Декларации Верховного Совета Азербайджанской Республики от 30 августа 1991 года о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики, и провозгласившего 18 октября 1991 года восстановление государственной независимости Азербайджана[485].

12 ноября 1995 года в Азербайджане была принята Конституция Азербайджанской Республики[486]. С этого момента правовая система Азербайджана стала приобретать свою индивидуальность, вместе с тем обладая сходствами с базовыми принципами, структурой и юридической техникой других государств-участников Содружеств Независимых Государств (СНГ). В этой связи исследователи причисляют Азербайджан к «евразийской» группе романо-германской правовой семьи, сформировавшейся на основе сравнительно однородного правового пространства СНГ[487].

К началу двадцать первого века в Азербайджане была завершена кодификация основных отраслей права. Были приняты новый Земельный, Трудовой, Семейный, Гражданский, Гражданский процессуальный, Уголовный, Уголовно-процессуальный и Налоговый кодексы.

Основным источником права в Азербайджане являются законодательные и иные нормативные акты. Система законодательства состоит из следующих нормативно-правовых актов: 1) Конституции; 2) актов, принятых референдумом; 3) законов; 4) указов; 5) постановлений Кабинета министров Азербайджанской Республики; 6) нормативных актов центральных органов исполнительной власти. Международные договоры, стороной которых является Азербайджанская Республика, также являются неотъемлемой частью системы законодательства.

---

[485] Конституционный Акт Азербайджанской Республики от 18 октября 1991 года №222-XII "О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики" // «Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики» 31 октября 1991 г., №19-20 (848-849), ст. 335.
[486] Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года // Сборник законодательства Азербайджанской Республики 31 июля 1997 года, №1.
[487] Рзаев, О. В. Влияние основных правовых систем современности на становление и развитие правовой системы Азербайджанской Республики // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 95-99.

Действующий Уголовный кодекс Азербайджанской Республики, принятый 30 декабря 1999 года и вступивший в силу 1 сентября 2000 года, является четвертым по счету кодифицированным уголовным законом, действующим на территории Азербайджанской Республики[488]. УК АР подготовлен на основе модельного уголовного кодекса для государств-участников СНГ и существенно отличается от предыдущих уголовных законов, принятых в советский период развития государства[489]. Предыдущие УК были приняты в советский период, когда Азербайджан в качестве советской социалистической республики являлся формально самостоятельной частью федеративного государства, что обуславливало зависимость, в числе прочего, в правотворчестве и правоприменительной практике.

УК АР пронизан идеей защиты общечеловеческих ценностей. Согласно ч. 2 ст. 1, УК АР базируется на Конституции АР и общепринятых принципах и нормах международного права.

С. Солманова отмечает, что УК АР впервые нормативно закрепил принципы уголовной ответственности (законность, равенство перед законом, ответственность за вину, справедливость и гуманизм) и определил содержание этих принципов[490].

Задачами уголовного закона в Азербайджанской Республике являются обеспечение мира и безопасности человечества, охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, экономической деятельности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Азербайджанской Республики от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений. Для осуществления этих задач УК АР

---

488 Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2000. № 4.

489 Модельный уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств / Принят на заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств (постановление N 7-5 от 17 февраля 1996 года) // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ (приложение). 1996. № 10.

490 Cinayət hüququnun mənbələri ilə bağlı problemlər və onların həlli yolları. Hüquq üzrə fəls. D-ru e. Dər. Al. Üçün təq. Ol. Dis.: 5611.01/S.S. Solmanova; AMEA, Fəlsəfə İn-tu. Bakı, 2016. C. 26.

устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями и устанавливает виды, предел и объем наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение этих преступлений.

Видами наказания по УК АР являются штраф, лишение права управлять транспортным средством, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, общественные работы, лишение специального, воинского или почетного звания и государственных наград; исправительные работы, ограничение по военной службе, принудительное выдворение за пределы Азербайджанской Республики, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы.

Уголовный закон состоит из Общей (разделы I—VI, главы 1—15) и Особенной частей (разделы VII—XII, главы 16—35). В Общей части рассматриваются основные понятия уголовного законодательства, устанавливаются основания уголовной ответственности и освобождения от неё, общие положения об уголовном наказании и освобождении от него, принудительных мерах лечения, а также особенности уголовной ответственности несовершеннолетних[491].

Особенная часть уголовного закона представляет собой составную часть (систему) правовых предписаний, определяющих признаки запрещенных форм общественно опасного поведения и меры наказания за нарушение запретов[492].

Особенная часть УК АР открывается главой «Преступления против мира и безопасности человечества». В неё входят такие составы, как подстрекательство к геноциду (ст.104), уничтожение населения (ст.105), рабство (ст.106), депортация и принудительное переселение населения (ст.107), половое насилие (ст.108),

---

[491] Dəmirov A. H., İsmayılov N. G., Huseynov, Q. F. Azərbaycan Respublikasının konstitusiyası və huququn əsasları (muhazirə kursu). Dərs vəsaiti: Mutərcim. Bakı, 2010. C. 68.

[492] Ağayev İ. B. Cinayət Hüququ. Xüsusi hissə. Dərslik: "Nurlar" Nəşriyyat-Poligrafiya Mərkəzi. Bakı, 2018. C. 19.

преследование (ст.109), лишение свободы в нарушение норм международного права (ст.112), применение пыток (ст.113). Закрепление этих уголовно-правовых норм связано с Карабахским конфликтом на территории Азербайджанской Республики. Далее следуют главы о военных преступлениях (глава семнадцатая), преступления против жизни и здоровья (глава восемнадцатая), преступления против свободы и достоинства личности (глава девятнадцатая), преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (глава двадцатая), преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (глава двадцать первая), преступления против несовершеннолетних и семейных отношений (глава двадцать вторая), преступления против собственности (глава двадцать третья), преступления в сфере экономической деятельности (глава двадцать четвертая), преступления против общественной безопасности (глава двадцать пятая), преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (глава двадцать шестая), преступления против общественной нравственности (глава двадцать седьмая), экологические преступления (глава двадцать восьмая), преступления против правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств (глава двадцать девятая), киберпреступления (глава тридцатая), преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (глава тридцать первая), преступления против правосудия (глава тридцать вторая), коррупционные преступления и иные преступления против интересов службы (глава тридцать третья), преступления против порядка управления (глава тридцать четвертая), преступления против военной службы (глава тридцать пятая).

Примечательно, что УК АР кардинально изменил систему Особенной части, строго следуя конституционной иерархии социальных интересов в соответствии с Конституцией АР. Ст. 12 Конституции АР впервые провозгласила охрану прав и свобод человека и гражданина высшей целью государства. Соответственно, в УК АР расположение разделов и глав Особенной части УК АР вытекает из провозглашенной Конституцией АР новой иерархии ценностей – охраняемых

уголовным законом общественных отношений (объектов): личность, общество, государство[493].

Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности предусмотрена в главе 24 УК АР, в которую входят статьи с 190 по 213-3 включительно.

Преступления в сфере экономической деятельности – это общественно-опасные деяния, посягающие на общественные отношения, складывающиеся по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Таким образом, глава 24 УК АР охватывает широкий спектр общественных отношений, связанных с экономической деятельностью, которая осуществляется в различных сферах: предпринимательской, денежно-кредитной, финансовой, торговой и т.д.

Ст. 39 Конституции АР провозглашает, что «каждый может в установленном законом порядке, свободно используя свои возможности, способности и имущество, самостоятельно или совместно с другими заниматься предпринимательской деятельностью или не запрещенным законом другим видом экономической деятельности». Но принятие свободы предпринимательства не означает отказа от их регулирования государством, и потому оно наряду с созданием условий развития экономики и гарантии свободы предпринимательства пресекает деятельность по монополизации и недобросовестной конкуренции.

В регламентации экономической деятельности значительную роль играют нормы гражданского законодательства, которые юридически обеспечивают конституционное право граждан свободно распоряжаться своими способностями и использовать свое имущество для предпринимательской и иной деятельности. Соответственно, задачей уголовного закона является охрана этой деятельности от незаконного посягательства со стороны третьих лиц.

Родовым объектом составов преступлений по главе 24 УК АР следует считать общественные отношения в сфере экономики, видовым – общественные

---

[493] Уголовное право Азербайджанской Республики. Особенная часть. Учебное пособие/ под ред. проф. Иманлы М. Н.. Издательство «Юридическая литература», 2012. С. 7.

отношения, направленные на осуществление экономической деятельности. Непосредственным объектом выступают конкретные общественные отношения, складывающиеся в процессе функционирования соответствующей сферы экономической деятельности.

В главе 24 УК АР содержится ряд составов преступлений, предмет преступления в которых выступает в качестве обязательного признака состава. Это относится и к исследуемому в настоящей работе преступлению по ст. 197 УК АР («Незаконное использование товарного знака»).

Абсолютное большинство диспозиций преступлений по главе 24 УК АР являются бланкетными. Б. Керимов отмечает, что «[н]ормы всех отраслей права тесно связаны друг с другом. Уголовное право в данном вопросе не является исключением. В содержание бланкетных диспозиционных уголовно-правовых норм входят нормы конституционного, административного, гражданского, финансового, земельного, трудового, семейного права. В таких нормах противоправность деяния определяется прежде всего нарушением требований правовых норм, относящихся к соответствующим отраслям права. В случаях, когда нарушение этих норм вызывает общественную опасность, оно нарушает запреты, установленные соответствующей статьей уголовного закона. В этом случае совершенное деяние имеет уголовно-правовое значение»[494].

Объективная сторона большинства деяний, входящих в главу 24 УК, характеризуется активными действиями. Рассматриваемое в настоящей работе преступление по праву Азербайджана также предполагает объективную сторону, характеризующуюся активными действиями.

По конструкции объективной стороны часть основных составов общественно-опасных деяний по главе 24 УК АР сформулирована как формальные, другая часть – как материальные.

---

[494] Cinayət qanununda blanket dispozisiyalar: hüquq e. n. a. dər. al. üçün təq. ol. dis.: 12.00.08 /B. C. Kərimov; Azərb. Resp. MEA, Fəlsəfə və Siyasi-Hüquqi Tədqiqat İn-tu. Bakı, 2004. C. 27.

Общественно опасные последствия, указанные как обязательные признаки объективной стороны материальных составов, определены в виде материального ущерба в значительном, крупном или особо крупном размере.

Субъектами преступлений в главе 24 УК АР могут быть вменяемые физические лица, которые достигли определенного законом возраста. В некоторых составах субъектом преступления могут быть лица, обладающие специальными признаками.

Субъективная сторона подавляющего числа преступлений в сфере экономической деятельности по УК АР характеризуется только умышленной формой вины.

Преступление, являющееся предметом настоящего исследования, содержится в ст. 197 УК АР, которая озаглавлена «Незаконное использование товарного знака». Согласно ч. 1 ст. 197 УК АР, незаконное использование чужого товарного знака или знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние причинило значительный ущерб, наказывается штрафом на сумму от двукратного до трехкратного размера ущерба (полученного дохода), причиненного в результате преступления, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до одного года.

Квалифицированным видом преступления согласно ч. 2 ст. 197 УК АР является совершение противоправного деяния, если оно причинило крупный ущерб – оно наказывается штрафом в трехкратном размере ущерба (полученного дохода), причиненного в результате преступления, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до двух лет[495].

Согласно примечанию к ст. 190 УК АР, значительным ущербом по ст. 197 УК АР считается ущерб в размере от пятидесяти тысяч до двухсот тысяч манатов, а крупным ущербом считается ущерб в размере свыше двухсот тысяч манатов. Если

[495] Пьянова М. В. Ответственность за незаконное использование товарного знака в уголовном праве зарубежных государств // Общество и право. 2010. № 5(32). С. 125-128.

сравнить размер ущерба основного состава преступления в российском и азербайджанском праве, размер ущерба в азербайджанском уголовном законе в пересчете на условные единицы (доллар США) составляет около 29 тыс. долларов США, в то время как в российском уголовном законе – около 4,7 тыс. долларов США, то есть в Азербайджане порог почти в семь раз больше. Представляется, что азербайджанский уголовный закон может быть более эффективным для преследования преступлений, предметом которых являются дорогостоящие товары, а российский уголовный закон – товары повседневного спроса. В отличие от уголовно-правовой нормы по УК РФ, в азербайджанском законе отсутствует риск «обесценивания» размера ущерба вследствие инфляции в государственной экономике в ближайшее время.

В рамках настоящего исследования важным также представляется отметить предпринимаемые меры по гуманизации уголовного законодательства в Азербайджанской Республике[496]. Согласно закону №816-VQD от 20 октября 2017 г., были либерализованы десятки видов преступлений в сфере экономической деятельности и против собственности. Это коснулось и предмета настоящего исследования – в соответствии с новой редакцией ст. 73-2 УК АР, в случае, среди прочего, незаконного использования товарного знака, лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности, если оно полностью возместило ущерб, причиненный в результате преступления, или полностью перечислило в государственный бюджет доход, полученный в результате преступления, и, помимо этого, выплатило в государственный бюджет сумму в однократном размере причиненного ущерба (полученного дохода).

Выводы по параграфу:

1. С момента обретения государственной независимости, несмотря на то, что Уголовный кодекс Азербайджанской Республики был подготовлен на основе

---

[496] Пономарева Е.В. Основные направления гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Республики Азербайджан / Е. В. Пономарева, Е. А. Иванков, С. З. Садыхов // Индустриальная экономика. 2021. № 1. С. 95-98.

модельного уголовного кодекса для государств-участников СНГ, можно констатировать, что азербайджанское уголовное право приобрело черты собственной индивидуальности. Азербайджан относится к «евразийской» группе романо-германской правовой семьи, сформировавшейся на основе сравнительно однородного правового пространства стран СНГ.

2. Будучи рыночно ориентированным государством, Азербайджанская Республика призвана соблюдать баланс между развитием экономики, экономической деятельности и предпринимательства и их охраной от незаконного посягательства со стороны третьих лиц. Эти цели достигаются за счет включения в уголовный закон главы 24, которая устанавливает уголовную ответственность за преступления в сфере экономической деятельности.

3. Установлено, что преступление, являющееся предметом настоящего исследования, содержится в ст. 197 УК АР «Незаконное использование товарного знака», и криминализирует незаконное использование чужого товарного знака или знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние причинило значительный ущерб (от пятидесяти тысяч до двухсот тысяч манатов).

4. Размер ущерба исследуемого состава преступления по ст. 197 УК АР может оказаться неэффективным для преследования преступлений, предметом которых являются товары повседневного спроса (лекарственные препараты, продукты питания, детские игрушки и т.д.). При этом риск «обесценивания» размера ущерба вследствие инфляции в государственной экономике в ближайшее время не предвидится.

5. Предпринимаемые в Азербайджанской Республике шаги по гуманизации уголовного законодательства являются положительным фактом. Согласно недавно внесенным поправкам, лицо, осуществившее, среди прочего, незаконное использование товарного знака, может быть освобождено от уголовной ответственности при условии выплаты штрафа и возмещения ущерба или перечисления дохода в государственный бюджет.

§ 3. Нормы гражданского законодательства как основа правовой охраны товарного знака и механизма уголовно-правового противодействия его незаконному использованию

В сфере охраны интеллектуальной собственности существует баланс между уголовным правом и иными отраслями права, нормы которых раскрывают содержание и смысл понятий и признаков, используемых в соответствующих нормах уголовного закона.

Азербайджанское гражданское законодательство выдвигает определенные требования к товарным знакам, и эти категории играют важную роль в механизме уголовно-правового регулирования данной сферы[497]. Правильный подход к пониманию правовой природы товарных знаков способствует грамотному правоприменению при рассмотрении соответствующих преступлений.

В этой связи, представляется важным проведение анализа норм гражданского законодательства Азербайджанской Республики в части обозначенного предмета исследования.

Д. Гюльшен отмечает, что признание прав интеллектуальной собственности в Азербайджанской Республике на конституционно-правовом уровне впервые было закреплено в Конституции АР[498].

На сегодняшний день в Азербайджанской Республике основным нормативным правовым актом, регулирующим отношения, связанные с регистрацией, правовой охраной и использованием товарных знаков и географических указаний, является закон АР о товарных знаках и географических указаниях от 12 июня 1998 г[499].

---

[497] Ализаде Д.Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Азербайджанской Республики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 19-22.

[498] Azərbaycan Respublikasında əqli mülkiyyət hüququnun konstitusiya hüquqi tənzimi və təminatları: hüquq üzrə fəlsəfə d-ru e. dər. al. üçün təq. ol. dis. : 5607.01 /G. Z. Cəbi ; Azərb. Resp. Prezidenti yanında Dövlət İdarəçilik Akad., Bakı, 2017. C. 16.

[499] Закон Азербайджанской Республики от 12 июня 1998 года № 504-IQ «О товарных знаках и географических указаниях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.12.2022 г.) // Сборник законодательства Азербайджанской Республики от 30 августа 1998 г., № 8, статья 485.

Закон 1998 г. подчеркивает, что законодательство Азербайджанской Республики о товарных знаках и географических указаниях состоит из Конституции АР, самого закона, а также иных законодательных актов и межгосударственных договоров, в которых участвует Азербайджанская Республика.

Основным международным документом в области охраны товарных знаков, к которому Азербайджан присоединился, является Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 1883 года. Азербайджан также является стороной в Стокгольмской конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) от 1968 года, Мадридском соглашении о международной регистрации знаков и различных договорах от 1891 года, Ниццком соглашении о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков от 15 июня 1957 года и др. Азербайджан не присоединился к ВТО и потому не подписал Соглашение ТРИПС.

Согласно Закону 1998 г., товарным знаком может являться любое сочетание (комбинация) графически изображенных знаков, отличающих товары или услуги одного предпринимателя от товаров и услуг другого предпринимателя.

Г. Г. Керимов отмечает, что «[в] законодательстве многих стран СНГ используются два термина – «товарный знак» и «знак обслуживания». Однако западное законодательство использует термин, существенно отличающийся от понятия «товарный знак». В английском языке это «trademark», в немецком «marke», «handelsmarke», во французском языке «la marque de fabrique». Почему же в российской терминологии, которая была заимствована Азербайджаном, будучи в составе СССР, используется понятие «товарный знак» в отличие от общепринятого «trademark»? Единственным объяснением этому может быть то, что в советское время в рамках административно-командной экономики негативно относились к торговле гражданами, а самостоятельных юридических лиц как коммерческих предприятий не существовало. Торговля, в свою очередь, считалась прерогативой советских предприятий. В свою очередь, знаки как средства индивидуализации принадлежали государству. Отсюда и использование ключевого выражения

«товар» вместо выражения «торговый». Таким образом, Азербайджан заимствовал свой термин «товарный знак» *(на азерб. «əmtəə nişanı», «əmtəə» – товар (выделено мною – Д. А.))* из русского языка»[500].

Определение товарного знака по Закону 1998 г. может создать ряд сложностей при правоприменении. Несмотря на то, что диспозиция ст. 197 УК АР («Незаконное использование товарного знака») предусматривает ответственность за незаконное использование, среди прочего, и товарного знака, и знака обслуживания, обратиться к источникам, в которых изложено понятие «знак обслуживания», для выяснения объективных признаков состава преступления не представляется возможным[501]. Это указывает на отсутствие единства терминологии в использовании понятия «товарный знак». В обозначенном контексте, для устранения терминологических противоречий, в том числе с текстами ведущих международных соглашений, представляется целесообразным либо использование одного общего понятия (товарный знак), либо двух отдельных понятий (товарный знак и знак обслуживания), либо объединение данных понятий в единое новое понятие – «торговый знак», которое носит обобщающее значение в отношении как товаров, так и услуг[502].

При упоминании фигуры потерпевшего применительно к ст. 197 УК АР гражданский закон использует неудачную формулировку – им считается предприниматель. Для целей данной нормы было бы уместно использовать формулировку «субъект предпринимательства» или «субъект предпринимательской деятельности»[503]. В соответствии с законом АР о предпринимательской деятельности от 15 декабря 1992 года, субъектами предпринимательства могут являться дееспособный гражданин, юридические лица

---

[500] Правовая охрана объектов промышленной собственности в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. /Г. Г. Керимов; НАН Азерб., Ин-т Философии и Политико-Правовых Исследований, Баку, 2007. С. 136.

[501] Ализаде Д.Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Азербайджанской Республики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 19-22.

[502] Там же.

[503] Там же.

(независимо от формы собственности), иностранные юридические лица, а также иностранные граждане и лица без гражданства. Это понятие также соответствует принятому на глобальном уровне понятию «undertaking», которое используется в международных соглашениях и национальных законодательствах (к примеру, в Великобритании).

Согласно ст. 3 Закона 1998 г., правовой охраной в Азербайджане пользуются только товарные знаки, зарегистрированные в государственном реестре товарных знаков структурой, установленной соответствующим органом исполнительной власти Азербайджанской Республики – на данный момент, эти функции осуществляет Агентство интеллектуальной собственности Азербайджана[504]. Таким образом, законность использования товарного знака предполагает его регистрацию в установленном законом порядке. Отсутствие регистрации не указывает на незаконность использования товарного знака, а лишь означает, что такой знак не получает правовой охраны от государства.

Касательно видовых значений товарного знака, ст. 4 Закона 1998 г. устанавливает, что могут быть зарегистрированы слова, личные имена, буквы, цифры, изобразительные элементы, форма товаров или их упаковки, а также сочетание цветов и всего вышеуказанного.

Слова, личные имена, их сочетания относятся к словесным обозначениям. Согласно Правилам подачи заявки на регистрацию товарного знака и проведения ее экспертизы, утвержденным решением № 166 Кабинета министров АР от 15 октября 1999 года, к словесным обозначениям условно относятся наименования предприятий, фамилии, имена, сочетания слов, рекламные надписи[505].

Буквы и цифры (в отношении условно словесных обозначений) относятся к шрифтовым единицам и цифрам, которые воспроизводятся индивидуально с

---

[504] Allahverdiyev S. S. Azərbaycan Respublikasının mülki hüquq kursu. IV cild (II nəşr). “Digesta” nəşriyyatı. Bakı, 2009. C. 446.

[505] Əmtəə nişanlarının qeydə alınması barədə iddia sənədinin verilməsi və ekspertizası Qaydalarının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikasi Nazirlər Kabinetinin Qərarı // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik Toplusu (Dərc olunma tarixi: 30-10-1999, Nəşr nömrəsi: 10, Maddə nömrəsi: 600).

художественной трансформацией или же к различным комбинациям этих элементов. Стандартные шрифтовые единицы и цифры не получают правовую охрану.

Как изобразительные элементы могут использоваться живые существа, неживые предметы, природные объекты и иные объекты, рисунки и символы, плоские фигуры, а также фигуры любых форм или комбинации линий и пятен.

Формы товаров и упаковки (объемные обозначения) относятся к изобразительным элементам и отражают в себе трехмерные объекты, фигуры, комбинации фигур (линий). Они также могут представлять собой форму товара или форму оформления тары для товаров, формы упаковки товаров, предмета рекламы, дизайна интерьера здания, оригинальную и необычную форму.

К комбинации цветов относятся цветовые словесные обозначения, изобразительные обозначения, форма товаров и упаковки, их комбинация в цветовом исполнении, а также сочетание цветов.

Комбинированные обозначения представляют собой комбинацию трехмерной формы и цветового обозначения слов и изобразительных элементов.

Национальное законодательство затрудняет возможность для регистрации необычных знаков, к которым можно отнести световые, звуковые, обонятельные, движущие и иные обозначения. Регистрация подобных знаков возможна только в том случае, если их можно графически изобразить в заявке на регистрацию товарного знака.

Нормы гражданского законодательства признают исключительные права владельца на товарный знак на основании получения свидетельства о регистрации товарного знака. Согласно ст. 25 Закона 1998 г., владелец зарегистрированного товарного знака обладает исключительным правом на воспрепятствование использованию в торговле третьим лицом без его согласия идентичного или сходного товарного знака для товаров или услуг, идентичных или сходных с товарами и услугами, охватываемыми принадлежащим ему товарным знаком, если в результате такого использования возникает вероятность смешения товаров или услуг. Вероятность смешения считается возникшей, если идентичное обозначение

используется в идентичных товарах или услугах. Таким образом, отсутствие разрешения владельца (правообладателя) на использование товарного знака указывает на незаконность его использования третьими лицами.

Для обеспечения баланса интересов всех участников экономической деятельности владелец товарного знака имеет исключительное право на распоряжение и пользование им только в течение срока действия его правовой охраны. Регистрация товарного знака действительна в течение десяти лет со дня подачи притязательного документа. На основании заявления владельца товарного знака, указанный срок может быть продлен на дополнительный десятилетний срок. Согласно всемирно принятой практике, законодатель не установил ограничения на количество продлений.

Законом установлен ряд случаев, при которых возможно прекращение правовой охраны товарного знака, вследствие чего действия третьих лиц по использованию товарным знаком не могут быть признаны незаконными. Регистрация товарных знаков может быть аннулирована в связи с окончанием срока действия правовой охраны, если владелец товарного знака отказывается от регистрации, при ликвидации юридического лица или прекращении предпринимательской деятельности физическим лицом, если в течение срока действия регистрации товарного знака действия его владельца будут признаны недобросовестной конкуренцией, если географическое указание теряет силу, или если прекращается правовая охрана географического указания в стране происхождения. Во всех указанных случаях регистрация аннулируется структурой, установленной соответствующим органом исполнительной власти. В этой связи уместно отметить, что в первоначальной редакции законодательного акта досрочное аннулирование регистрации товарного знака и признание его недействительности могло осуществляться также и в судебном порядке. Эта норма была отменена соответствующей законодательной поправкой в 2009 году, что, на наш взгляд, является правильным шагом.

Согласно ст. 29 Закона 1998 г., товарный знак может быть признан полностью или частично недействительными в течение пяти лет с даты опубликования в

официальном бюллетене, если он не соответствует определению «товарный знак» либо зарегистрирован с нарушениями требований закона. Регистрация товарного знака также признается недействительной, если в течение срока действия товарный знак становится общеупотребительным знаком на отдельных видах товаров или в течение срока действия товарный знак в одном из государств-участников Парижской конвенции полностью или частично выдан на имя находящегося в прямой или косвенной связи с владельцем товарного знака лица, представителя, агента с нарушением требований статьи 6^{septies} Парижской конвенции.

Законом установлена возможность аннулирования регистрации товарного знака в случае его неиспользования в течение непрерывных пяти лет со дня регистрации или в течение пяти лет до дня поступления заявления любого лица о его неиспользовании.

Важное значение для определения юридической ответственности имеет вопрос приоритета товарного знака. Приоритет товарного знака, то есть дата, в отношении которой фиксируется первенство заявителя, определяется по дате поступления притязательного документа в орган регистрации товарных знаков. Он также может быть установлен и по дате международной регистрации в рамках международных договоров (конвенционный приоритет). Приоритет товарного знака может также быть установлен со дня демонстрации экспоната (на котором использован товарный знак) на официальной международной выставке на территории одного из государств, являющегося участником Парижской конвенции (выставочный приоритет).

Свидетельство о регистрации товарного знака подтверждает приоритет товарного знака. Сведения о регистрации товарного знака публикуются в официальном бюллетене органа регистрации товарных знаков. Учитывая важность незамедлительной и общедоступной публикации подобных сведений для создания прозрачных условий ведения хозяйственной деятельности и недопущения нарушений прав на товарный знак, очевидным недостатком данной нормы является отсутствие указания на срок опубликования бюллетеня. По сложившейся на сегодня практике, бюллетень выходит в последний день каждого календарного

месяца[506]. Для сравнения – в Российской Федерации официальный бюллетень «Товарные знаки, знаки обслуживания, географические указания и наименования мест происхождения товаров» публикуется два раза в месяц, а в Великобритании бюллетень товарных знаков выходит каждую неделю по пятницам и содержит принятые заявки на товарные знаки[507].

Уголовный закон не различает виды товарных знаков, но гражданское законодательство использует такие видовые понятия как «товарный знак», «общеизвестный товарный знак» и «коллективный знак». Полагаем, что понятие «товарный знак» может являться и видовым, и родовым одновременно – в этой связи, использование в уголовном законе формулировки «товарный знак» представляется нам удовлетворительным.

Наряду с нормами о товарном знаке, в Законе 1998 г. представлены нормы о географических указаниях. Географическое указание представляет собой обозначение, устанавливающее связь происхождения товара с государством, регионом, территорией или местом на определенной территории (с географическим объектом) и при этом отражающее особое качество, известность и другие качества этого товара в основном в связи с географическим происхождением. Правовой режим регистрации, охраны, срока действия и прекращения географического указания схож с режимом товарного знака. При этом законодатель не ввел уголовную ответственность за незаконное использование географических указаний.

Кроме того, диспозиция ст. 197 УК АР («Незаконное использование товарного знака») предусматривает ответственность за незаконное использование наименования места происхождения товара, но отраслевой закон не раскрывает это понятие.

---

[506] URL: https://patent.copat.gov.az/publish-trademarks-and-geographical-indications (дата обращения: 01.08.2024).

[507] Сроки выхода официальных бюллетеней // URL: https://fips.ru/vse-uslugi/patentno-informatsionnye-produkty/sroki-vykhoda-ofitsialnykh-byulleteney.php (дата обращения: 01.08.2024); “Check the trademarks journal” // URL: https://www.gov.uk/check-trade-marks-journal (дата обращения: 01.08.2024).

Также в диспозицию уголовно-правовой нормы по ст. 197 УК АР не включены «услуги» наряду с «товарами».

Полагаем, что вышеперечисленные упущения должны быть учтены законодателем.

В целях всестороннего исследования рассматриваемой проблемы представляется уместным также обратиться к правилам подачи заявки на регистрацию товарного знака и проведения ее экспертизы. Соответствующие правила устанавливают условия охраноспособности заявленного обозначения. Основная цель товарного знака – различение товаров и услуг одного предпринимателя от товаров или услуг другого предпринимателя. Различительная способность товарного знака не является бесспорно принимаемым и неизменяемым фактором. В случае отсутствия различительной способности регистрация обозначения в качестве товарного знака зависит от того, будет ли он обладать различительными свойствами в процессе использования.

В качестве товарного знака не регистрируются обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с товарными знаками, ранее зарегистрированными или заявленными на регистрацию на территории Азербайджана на имя другого лица в отношении тождественных или сходных товаров или услуг. Для анализа тождества и сходства обозначений применяются следующие правила:

– обозначение считается тождественным с другим обозначением, если оно совпадает с ним во всех элементах;

– обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на отдельные отличия.

Сходство словесных обозначений, изобразительных и трехмерных обозначений, а также изобразительных и объемных обозначений осуществляется по определенным правилам.

Для установления сходства словесных обозначений они сравниваются со словесными обозначениями (знаками) и с комбинированными обозначениями

(знаками), в композицию которых входят словесные элементы. Сходство словесных обозначений может быть звуковым (фонетическим), графическим (визуальным) и смысловым (семантическим).

Звуковое (фонетическое) сходство устанавливается на основании следующих признаков: наличие близких или совпадающих звуков в сравниваемых обозначениях (знаках); близость звуков, составляющих обозначение (знак); расположение близких звуков и звукосочетаний по отношению друг к другу; наличие совпадающих слогов и их расположение; число слогов в обозначении; место совпадающих звукосочетаний в составе обозначений; близость состава глухих и звонких звуков; характер совпадающих частей обозначений; вхождение одного обозначения (знака) в другое; ударения.

Графическое (визуальное) сходство устанавливается на основании следующих признаков: впечатление от общего вида; тип шрифта; графические написание с учетом характера букв (к примеру, печатные или письменные, заглавные или строчные); расположение букв по отношению друг к другу; алфавит, буквами которого написано обозначение; цвет или цветовое сочетание (комбинация).

Смысловое (семантическое) сходство устанавливается на основании следующих признаков: сходство понятий, идей, в частности, совпадение выражения, заложенного в обозначении (знаке), по смыслу в разных языках; совпадение логических ударений одного из элементов обозначения (знака), который имеет самостоятельное значение; противоположность заложенных в обозначении (знаке) смысла и идеи.

Представляется важным отметить, что признаки, перечисленные выше, могут учитываться как каждый в отдельности, так и в различных сочетаниях.

Для определения сходства изобразительных и трехмерных обозначений они сравниваются с изобразительными обозначениями, с объемными обозначениями и с комбинированными обозначениями, в композицию которых входят изобразительные или объемные элементы.

Сходство изобразительных и объемных обозначений определяется по следующим признакам: внешняя форма; наличие или отсутствие симметрии; смысловое значение обозначения (знака); вид и характеристика обозначения (обозначения) (естественность, карикатурность и т.д.); сочетание цветов и фактуры красок.

Для определения сходства комбинированных обозначений они сравниваются с комбинированными обозначениями, с внешним видом обозначений (знаков), которые входят в состав проверяемого комбинированного обозначения (знака) как элементы.

При определении сходства комбинированных обозначений используются признаки, приведенные выше, а также используется наличие в заявленном обозначении тождественных или сходных по смыслу признаков.

При определении однородности товаров и услуг учитывается возможность возникновения у потребителя представления о принадлежности этих товаров и услуг одному предпринимателю. Для определения однородности товаров и услуг принимается во внимание, в частности, род (вид) товаров или характер оказываемых услуг, их назначение, вид материала, из которого изготовлены товары, условия реализации товаров или услуг, круг потребителей и другие признаки.

Приведенный выше метод сравнения товарных знаков надлежит использованию при сравнении сходных обозначений для целей ст. 197 УК АР.

Вышеизложенное исследование позволяет заключить, что Закон 1994 г. является основой правового механизма для использования товарных знаков и иных обозначений и для правильного понимания бланкетной диспозиции ст. 197 УК АР в части предмета преступления.

Нормы о защите товарных знаков также инкорпорированы в иные нормативно-правовые акты республики. До последнего времени, в Азербайджане действовал Закон АР о недобросовестной конкуренции от 2 июня 1995 года, который запрещал незаконное использование товарного знака, географического указания, фирменного наименования, а также названия другого хозяйствующего

субъекта[508]. Согласно новому законодательству в сфере конкурентного права, которое вступило в силу 1 июля 2024 года, ст. 22 Кодекса о конкуренции от 8 декабря 2023 года квалифицирует как копирование предпринимательской деятельности конкурента действия, заключающиеся в неправомерном использовании, среди прочего, товарного знака конкурента[509]. Помимо этого, закон Азербайджанской Республики об обеспечении прав интеллектуальной собственности и о борьбе с пиратством от 22 мая 2012 года регулирует отношения, возникающие в связи с обеспечением защиты прав интеллектуальной собственности, охраной интересов правообладателей интеллектуальной собственности и предотвращением правонарушений в этой области, в том числе незаконного производства и распространения экземпляров объектов интеллектуальной собственности[510].

Выводы по параграфу:

1. Гражданское законодательство, которое регулирует отношения, связанные с регистрацией, правовой охраной и использованием товарных знаков, позволяет раскрыть содержание понятия и признаки состава преступления «незаконное использование товарного знака». По причине того, что Азербайджан не присоединился к ВТО, положения Соглашения ТРИПС не применяются в Азербайджане.

2. Закон Азербайджанской Республики о товарных знаках и географических указаниях от 12 июня 1998 г. не лишен недостатков. При упоминании фигуры потерпевшего применительно к ст. 197 УК АР, гражданский закон использует понятие «предприниматель». Мы считаем более уместным использование понятия «субъект предпринимательства» или «субъект предпринимательской

---

[508] См.: Керимов Г. Г. Судебная практика защиты товарных знаков в Азербайджане // Патенты и лицензии. 2006. № 7. С. 49-54; Haqsız rəqabət haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu // Azərbaycan Respublikası Ali Sovetinin Məlumatı. 1995. № 23-24. Maddə 366.

[509] Azərbaycan Respublikasının Rəqabət Məcəlləsi // Azərbaycan Qəzeti. 2024. № 14.

[510] Əqli mülkiyyət hüquqlarının təminatı və piratçılığa qarşı mübarizə haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik Toplusu. № 07. Maddə 642.

деятельности» в соответствии с Законом о предпринимательской деятельности от 15 декабря 1992 года, что соответствует принятому на глобальном уровне понятию «undertaking». Следовательно, предмет рассматриваемого преступления, содержание которого раскрыто в статье 1 закона, должен быть представлен в следующей редакции: «Товарный знак – графически изображаемый знак или любое сочетание (комбинация) знаков, отличающий товары или услуги одного *субъекта предпринимательской деятельности* от товаров или услуг другого *субъекта предпринимательской деятельности*».

3. Несмотря на то, что диспозиция статьи 197 УК АР включает запрет на незаконное использование наименования места происхождения товара и знака обслуживания, понятия «наименование места происхождения товара» и «знак обслуживания» в гражданском законе не раскрыты. В контексте знака обслуживания, автором предлагается использование одного общего с товарным знаком понятия (товарный знак), двух отдельных понятий (товарный знак и знак обслуживания) либо объединение двух понятий в одно общее понятие – «торговый знак».

4. Сведения о регистрации товарного знака публикуются в официальном бюллетене органа регистрации товарных знаков. Учитывая важность незамедлительной и общедоступной публикации подобных сведений для создания прозрачных условий ведения хозяйственной деятельности и недопущения нарушений прав на товарный знак, считаем важным указание в законе на срок опубликования бюллетеня.

5. Несмотря на то, что правовой режим регистрации, охраны, срока действия и прекращения географического указания схож с режимом товарного знака, законодатель не ввел уголовную ответственность за незаконное использование географических указаний. Также представляется упущением невключение «услуг» наряду с «товарами» в диспозицию уголовно-правовой нормы в ст. 197 УК АР.

С точки зрения законодательной техники, представляется необходимым скорректировать диспозицию статьи 197 УК АР в следующей редакции: «Незаконное использование чужого товарного знака или знака обслуживания,

наименования места происхождения товара, *географического указания* или сходных с ними обозначений для однородных товаров *или услуг* [...]».

6. В Азербайджане 1 июля 2024 года вступило в действие новое законодательство в сфере конкурентного права, согласно которому запрещено копирование предпринимательской деятельности конкурента действия, заключающееся в неправомерном использовании, среди прочего, товарного знака конкурента.

§ 4. Объективные и субъективные признаки состава незаконного использования товарного знака

Уголовно-правовая защита товарного знака в Азербайджанской Республике осуществляется посредством включения в Уголовный кодекс АР 1999 г. в ст. 197 состава преступления «незаконное использование товарного знака».

Анализируя природу преступности, И. Рагимов отмечает, что «преступление выступает как посягательство конкретного человека на установившийся в обществе порядок отношений между людьми, коллективами и личностью»[511].

В соответствии с ч. 1 ст. 197 УК АР, уголовная ответственность наступает за незаконное использование чужого товарного знака или знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние причинило значительный ущерб.

Как известно, наука уголовного права выделяет четыре основные группы признаков, характеризующих элементы состава преступления: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Мы обратимся к изучению данных элементов состава незаконного использования товарного знака в традиционной для уголовно-правовой доктрины последовательности – сначала объективные признаки и далее субъективные признаки.

Особенная часть УК АР предполагает классификацию статей по родовому объекту предусмотренных в них преступлений, определяя таким образом охрану

[511] Rəhimov İ. Cinayət və cəzanın fəlsəfəsi. “Şərq-Qərb” Nəşriyyat evi. Bakı, 2014. C. 27.

однородных общественных отношений соответствующими взаимосвязанными комплексами уголовно-правовых норм.

Ст. 197 УК АР об ответственности за незаконное использование товарного знака расположена в главе двадцать четвертой «Преступления в сфере экономической деятельности» в разделе IX «Преступления в сфере экономики».

Таким образом, родовым объектом рассматриваемого преступления следует считать охраняемые государством общественные отношения, возникающие в сфере экономики. Видовым объектом незаконного использования товарного знака являются общественные отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности. Подобное определение родового и видового объектов рассматриваемого преступления исходит из расположения ст. 197 в уголовном законе и, на наш взгляд, соответствует позиции законодателя.

Правильное определение непосредственного объекта посягательства (основного и/или дополнительного) позволяет уточнить содержание бланкетной диспозиции, круга потерпевших и предмета преступления.

И. Агаев считает, что непосредственным объектом преступления по ст. 197 УК АР являются интересы добросовестной конкуренции и права на использование товарного знака (торговой марки)[512].

Ф. Самандаров полагает, что в качестве непосредственного объекта преступления по ст. 197 УК АР выступают общественные отношения, возникающие в связи с регистрацией, охраной и использованием товарных знаков или знаков обслуживания, наименования места происхождения товаров, а также имущественные интересы субъектов предпринимательской деятельности и интересы потребителей. Общественная опасность описываемого преступления заключается в том, что незаконное использование товарного знака или знака обслуживания, наименования места происхождения товара не только наносит ущерб интересам и деловой репутации правообладателей этих знаков, но и

[512] Ağayev İ. B. Op. cit. C. 216.

приводит к обману потребителей «поддельными» товарами и услугами, а иногда и к более серьезному ущербу их интересам[513].

Мы придерживаемся позиции, что основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 197 УК АР, являются общественные отношения, складывающиеся по поводу исключительных прав правообладателя на товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товаров и сходных с ними обозначений для однородных товаров. Дополнительным объектом преступления следует признать общественные отношения, складывающиеся по поводу добросовестной конкуренции субъектов предпринимательской деятельности.

Следовательно, мы считаем, что родовой, видовой и непосредственный объект состава преступления по уголовному закону Азербайджанской Республики совпадает с российским законом.

Для определения потерпевшего, т.е. лица, непосредственно пострадавшего от совершения преступления, следует обратиться к нормам Уголовно-процессуального кодекса АР от 14 июля 2000 г[514]. Статья 87 УПК АР определяет, что потерпевшим может быть признано:

– физическое лицо, в отношении которого имеется достаточно оснований полагать прямое причинение ему морального, физического или материального ущерба деянием, предусмотренным уголовным законом; или

– юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный или материальный ущерб.

Фигура потерпевшего присутствует в любом уголовном деле, включая преступление по ст. 197 УК АР. Потерпевшим согласно нынешней формулировке статьи 197 УК АР является предприниматель. Спецификой данной нормы, в отличие от российского и английского законодательства, является то, что

---

[513] Səməndərov F. Y. Azərbaycan Respublikası Cinayət Məcəlləsinin kommentariyası. II hissə. Bakı, 2018. C. 75.

[514] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики, 2000 г., № 8.

потерпевшим может быть признано не любое физическое лицо, а лишь имеющее статус индивидуального предпринимателя. В соответствии с анализом, проведенным в предыдущем параграфе, в контексте формулировки потерпевшего мы считаем более уместным использование понятия «субъект предпринимательства» или «субъект предпринимательской деятельности» (в общем смысле, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо).

В рамках анализа объективных признаков преступления немаловажным представляется вопрос о предмете исследуемого состава преступления.

Юридическая доктрина признает предметом преступления конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные свойства общественных отношений, путем воздействия на которые причиняется вред в сфере этих общественных отношений[515].

Мы полагаем, что к предмету преступления по ст. 197 УК АР можно отнести следующее: чужой товарный знак, чужой знак обслуживания, чужое наименование места происхождения товара или сходные с ними обозначения, использованные для однородных товаров. Следовательно, можно установить совпадение в части предмета преступления между российским и азербайджанским законом.

Чужим считается тот товарный знак, который зарегистрирован в установленном законом порядке на имя другого лица и не уступлен по соответствующему договору, либо право на использование которого не предоставлено владельцем (правообладателем) другому лицу по лицензионному (суб-лицензионному) договору.

Объективная сторона в уголовном праве представляет собой внешнюю сторону преступного деяния (преступления), т.е. описание конкретных действий, составляющих содержание нормы права, которая рассматривает эти действия как общественно-опасное деяние. Содержанием нормы права охватываются преступное деяние, общественно опасные последствия, причинная связь между

[515] Səməndərov F. Y. Op. cit. C. 175.

ними, способ совершения преступления, место, время, орудия и средства совершения преступления[516].

Деяние как элемент объективной стороны незаконного использования товарного знака выражено в форме действия.

Состав исследуемого преступления по типу объективной стороны сконструирован как материальный. Законодатель обозначил следующий обязательный признак объективной стороны – деяние в форме незаконного использования предмета преступления и последствие в виде причинения значительного ущерба и причинно-следственная связь между совершенным общественно опасным деянием и наступившими общественно-опасными последствиями.

Этой же позиции придерживается Ф. Самандаров, указывая, что к объективной стороне анализируемого преступления относятся действия, выразившиеся в использовании чужого товарного знака или знака обслуживания, наименования места происхождения товара либо знака, сходного со знаком того же вида товара, и нанесение этими действиями значительного ущерба[517].

Диспозиция ч. 1 ст. 197 УК АР предусматривает совершение следующих действий, которые в случае причинения значительного ущерба являются преступлением:

– незаконное использование чужого товарного знака;

– незаконное использование чужого знака обслуживания;

– незаконное использование чужого наименования места происхождения товара;

– незаконное использование сходных с чужим товарным знаком обозначений для однородных товаров;

– незаконное использование сходных с чужим знаком обслуживания обозначений для однородных товаров;

---

[516] Гурбанов Г. С. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. Изд-во «Тахсил». Баку, 2005. С. 25.

[517] Səməndərov F. Y. Op. cit. C. 76.

– незаконное использование сходных с чужим наименованием происхождения товара обозначения для однородных товаров.

Для характеристики содержания и форм незаконного использования предмета исследуемого преступления необходимо определить, что считается «использованием» товарного знака, и какое использование является незаконным.

Гражданское законодательство Азербайджанской Республики не дает однозначного определения понятия «использование товарного знака». Тем не менее, ст. 25 Закона 1998 г. содержит правило, согласно которому в течение срока действия товарного знака правообладатель имеет исключительное право на распоряжение и пользование им на территории Азербайджанской Республики. Так, согласно правилам в ст. 26 Закона 1998 г., использованием товарного знака считается:

1) применение товарного знака и географического указания в касающихся их товарах, товарных упаковках и оказываемых услугах;

2) применение их в рекламах, печатных изданиях, вывесках, экспонатах выставок и ярмарок, проводимых в Азербайджанской Республике и других документах, связанных с выносом товаров на рынок;

3) использование знака в целях производства товара, накопления на складах, выноса товара на рынок, импорт и экспорт товара для вышеперечисленных целей;

4) предложение товара для продажи, продажа товара или оказание услуг;

5) осуществление использования товарного знака его владельцем и лицом, обладающим правом использования на основании лицензионного договора.

С учетом того, что Закон 1998 г. не разделяет товарные знаки и знаки обслуживания, следует сделать вывод о том, что перечисленные выше правила должны также применяться к знакам обслуживания. То же можно сказать и в отношении наименований мест происхождения товара.

Как мы указывали выше, владелец зарегистрированного товарного знака обладает исключительным правом на воспрепятствование использованию в торговле третьим лицом без его согласия идентичного или сходного товарного знака (обозначения) для товаров или услуг, идентичных или сходных с товарами и

услугами, охватываемыми принадлежащим ему товарным знаком, если в результате такого использования возникает вероятность смешения товаров или услуг. Вероятность смешения считается возникшей, если обозначение используется в идентичных товарах или услугах.

Закон 1998 г. устанавливает, что пользование товарным знаком без согласия его владельца считается нарушением прав на зарегистрированный товарный знак. Разумно предположить, что отсутствие запрета не может считаться согласием (разрешением), поэтому незаконным является любое использование, которое осуществлено без прямо выраженного согласия владельца (правообладателя).

Закон 1998 г. запрещает в связи с использованием охраняемого товарного знака и географического указания следующее:

– действия, ведущие к смешиванию товара, оказанной услуги или предпринимательской деятельности с другими;

– ложные мнения, подрывающие авторитет товара, оказанной услуги или предпринимательской деятельности при осуществлении коммерческой деятельности;

– указания, использование которых может вводить общественность в заблуждение об особенностях, качестве, полезности товара при осуществлении коммерческой деятельности;

– любое действие по использованию товарного знака, которое в соответствии со статьей 10bis Парижской конвенции считается несправедливой конкуренцией.

В дополнение к вышеперечисленным критериям незаконности использования товарного знака, следующие случаи в сети Интернет, в частности, в доменных именах или других способах адресации, считаются нарушением прав владельца товарного знака или фирменного наименования:

– если доменные имена тождественны фирменным наименованиям и товарным знакам по идентичным товарам или услугам;

– доменные имена используются в коммерческих целях.

Не представляется возможным определить, являются ли критерии незаконности использования товарного знака в сети Интернет дизъюнктивными или кумулятивными. Мы полагаем, что с учетом конструкции данной нормы, данные критерии следует считать кумулятивными. Очевидно, что с точки зрения законодательной техники данная норма подлежит уточнению.

Права на законное использование товарного знака лицами, отличными от правообладателя товарного знака, могут быть предоставлены на основании лицензионного договора. Владелец товарного знака может переуступить другому лицу право пользования товарным знаком на основании лицензионного соглашения, а право на товарный знак – на основании соглашения о всех товарах и услугах, касающихся указанного знака, или одной их части. Эти соглашения подлежат регистрации, и сведения о них публикуются в официальном бюллетене, после чего применяются к противоправным действиям других лиц. Использование лицензиатом товарного знака является законным только после государственной регистрации лицензионного договора. Законным также является использование товарных знаков третьими лицами, если исключительное право на них прекращено по предусмотренным законом основаниям.

Объективная сторона рассматриваемого преступления состоит в том, что виновный незаконно использует предмет преступления, исключительные права на которые принадлежат владельцу (правообладателю). Ввиду того, что виновный не заключил гражданско-правовой договор, он не имеет права пользоваться в коммерческих целях комплексом исключительных прав на товарный знак, зарегистрированный в предусмотренном законодательством порядке на имя владельца (правообладателя)[518].

Мы полагаем, что использование лицензиатом товарного знака в нарушение условий, установленных лицензионным договором, также может считаться незаконным использованием товарного знака.

---

[518] İmanlı M. N., Cinayət hüququ. Xüsusi hissə. Təcrübi materiallar toplusu ilə birgə dərslik. Bakı, 2019. C. 222.

Интересным представляется рассмотрение вопроса о криминализации «параллельного импорта» («серого» импорта). Азербайджанское законодательство не содержит определения понятий «параллельный импорт» или «серый импорт», однако устанавливает юридическую основу в отношении регулирования исчерпания исключительных прав на товарный знак[519]. Согласно ст. 25 Закона 1998 г., лицо, обладающее правом на пользование товарным знаком, не вправе наложить запрет на использование данного товарного знака другими лицами в связи с товарами, выпущенными им самим или с его согласия в товарооборот в Азербайджанской Республике, с использованным на них товарным знаком. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Азербайджан придерживается национального принципа исчерпания прав на товарный знак, который заключается в следующем:

а) исчерпание прав правообладателя в отношении товаров, выпущенных им самим или с его согласия в товарооборот в Азербайджанской Республике;

б) неисчерпание прав правообладателя в отношении товаров, выпущенных в товарооборот за пределами Азербайджанской Республики.

На сегодняшний день, в Азербайджанской Республике отсутствует правоприменительная практика по вопросу применения уголовно-правовых норм к параллельному импорту и торговле «серыми» товарами. Однако конструкция уголовно-правовой нормы предполагает возможность возникновения уголовной ответственности за соответствующее деяние[520].

Конструкция ч. 1 ст. 197 УК АР предполагает материальный состав преступления.

В материальном составе преступления для квалификации деяния как уголовно-наказуемого требуется наличие причинно-следственной связи между

---

[519] Ализаде Д.Э. Уголовная ответственность за параллельный импорт: сравнительный анализ законодательства Великобритании и Азербайджана // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 1. С. 15-18.
[520] Там же.

совершенным общественно опасным деянием и наступившими общественно-опасными последствиями.

Рассматриваемое преступление предполагает причинение в результате совершения преступления значительного ущерба. Как и в случае с российским законом, азербайджанский уголовный закон не определяет механизм исчисления суммы ущерба. Стоит признать, что последствие в виде значительного ущерба как один из признаков объективной стороны состава преступления является сложным по содержанию и правовой оценке. В этой связи, для рассмотрения этого вопроса представляется уместным обратиться к судебной практике.

Бакинским судом по тяжким преступлениям 7 июля 2021 года было рассмотрено уголовное дело №1(101)-714/2021, по которому обвиняемый незаконно использовал на продукции – сливочное масло – чужой товарный знак «Белорусская Корова». Обвиняемый реализовал сливочное масло в количестве 14 300 килограмм другому предпринимателю по цене 9 манат за килограм. Таким образом, вся продукция была реализована обвиняемым за 128 700 манатов. Потерпевший, в свою очередь, планировал сбывать продукцию физическим лицам-потребителям по цене 12.99 манат за килограмм – то есть, 185 757 манатов за всю партию товара. Приговором суда по факту незаконного использования чужого товарного знака было установлено, что обвиняемый причинил значительный ущерб на сумму 185 757 манатов. Анализ этого и иных судебных дел иллюстрирует, что при определении размера ущерба суд исходил из суммы доходов, не полученных потерпевшим.

Существует и иной подход к механизму установления размера ущерба. 31 марта 2021 года Бакинский суд по тяжким преступлениям рассмотрел дело №1(101)-111/2021. В этом деле обвиняемый для целей дальнейшей реализации скопил на складе швейные изделия (одежду, обувь и т.д.) в количестве 7755 изделий, которые были произведены в кустарных цеховых условиях и с которых с использованием специального оборудования были срезаны оригинальные этикетки и ярлыки и заменены на этикетки, содержащие товарные знаки известных брендов одежды, такие как «Dolce & Gabbana», «Chanel», «Fendi», «Valentino» и «Gucci».

Заключение судебно-товароведческой экспертизы №3100 указало, что товарные знаки и сведения на этикетках использованных при экспертизе 10 предметов одежды не соответствуют действительности и, таким образом, данные товары являются контрафактными. Общая стоимость (цена) представленных 10 предметов одежды составила 1046 манатов. В акте №42, составленном привлеченным специалистом в целях определения товарно-качественных показателей и среднерыночной цены реализации продукции данного качества, было указано, что цена, указанная на этикетках контрафактных товаров (1046 манатов за 10 предметов одежды) в сравнении с их реальными рыночными ценами (537 манатов за 10 предметов одежды) признана завышенной на 509 манатов (1046-537 манатов). Таким образом, приговором суда по факту незаконного использования чужих товарных знаков было установлено, что обвиняемый причинил крупный ущерб. Несмотря на то, что сумма размера ущерба в приговоре не был указана, путем несложных вычислений мы можем сделать вывод о том, что незаконное использование товарных знаков на швейных изделиях в количестве 7755 штук причинило ущерб на сумму 394 729 манатов. Таким образом, суд определил размер ущерба исходя из суммы дохода, которую обвиняемый получил путем завышения продажной цены на товары в сравнении с их реальной рыночной ценой.

Согласно нашему анализу в главе II, мы придерживаемся позиции, что базовым механизмом исчисления суммы ущерба должен быть подсчет исходя из фактической стоимости (себестоимости) товаров владельца (правообладателя) товарного знака на момент совершения преступления, умноженной на количество незаконно использованных в торговле единиц товара. В размер ущерба не может включаться упущенная выгода и моральный ущерб, а их взыскание возможно в рамках гражданского иска.

Немаловажным и своевременным также представляется необходимость в разъяснении Пленума Верховного Суда АР по вопросу механизма исчисления размера ущерба, причиненного в результате преступлений, касающихся прав интеллектуальной собственности, в том числе прав на товарный знак.

Нельзя не отметить, что в предыдущих редакциях азербайджанского уголовного закона альтернативным признаком объективной стороны являлось совершение деяния в форме незаконного использования предмета преступления неоднократно (формальный состав). Однако 20 октября 2017 года формальный состав был исключен из диспозиции рассматриваемой нормы[521]. Ввиду сложностей осуществления предсказуемого правоприменения касательно данного признака объективной стороны, которые были исследованы в рамках главы II, и по причине отсутствия института административной преюдиции в азербайджанском уголовном законодательстве, мы считаем исключение данного признака обоснованным.

В продолжение исследования состава преступления «Незаконное использование товарного знака» по законодательству Азербайджанской Республики, считаем своевременным остановиться на субъективных признаках состава преступления, к которым относят субъект и субъективную сторону состава преступления.

Субъект преступления – это вменяемое физическое лицо, достигшее определенного возраста, установленного уголовным законом и совершившее преступление.

Доктрина уголовного права признает следующие обязательные признаки субъекта преступления:

а) физическая природа лица;

б) вменяемость;

в) достижение определенного возраста.

Первый обязательный признак субъекта рассматриваемого преступления – физическая природа лица, то есть субъектом преступления могут быть только физические лица.

[521] Azərbaycan Respublikasının Cinayət Məcəlləsində dəyişikliklər edilməsi haqqında 816-VQD Qanun // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik Toplusu, 2017-ci il, № 11, maddə 1968.

Вторым обязательным признаком, субъекта преступления считается достижение лицом определенного возраста, с наступлением которого возможно его привлечение к уголовной ответственности[522].

Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. В юридической доктрине считается, что с этого возраста лицо способно полностью и адекватно осознавать происходящее и разумно него реагировать[523]. Согласно УК АР, лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за отдельные составы преступления.

Из анализа обозначенных выше правовых норм следует, что возраст наступления уголовной ответственности за рассматриваемое преступление – шестнадцать лет.

Лицо считается достигшим возраста уголовной ответственности не в день своего рождения, а на следующий день. В ряде случаев для установления возраста лица к уголовной ответственности назначается экспертиза.

Третьим обязательным признаком субъекта преступления является вменяемость. Согласно ст. 21 УК АР, не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния (действия или бездействия) находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний (действий или бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического заболевания, временного нарушения психической деятельности, слабоумия либо иного психического заболевания. Таким образом, невменяемость лица исключает уголовное наказание.

Важным для рассмотрения субъективных признаков состава преступления является вопрос о возможности возникновения уголовной ответственности юридического лица за незаконное использование товарного знака.

---

[522] Гурбанов Г. С. Указ. соч. С. 38.
[523] Гурбанов Г. С. Указ. соч. С. 39.

Уголовная ответственность юридических лиц была установлена в Азербайджане в 2012 году путем принятия специальной главы 15-2 «Уголовно-правовые меры, применяемые в отношении юридических лиц» в УК АР. При этом применение к юридическим лицам уголовно-правовых мер стало возможным лишь после принятия поправок в Кодекс исполнения наказаний АР в 2018 году[524].

С включением в УК АР специальной главы 15-2 законодатель реализовал модель уголовной ответственности юридических лиц, при которой юридическое лицо не признается субъектом преступления, а определяется субъектом уголовной ответственности, в отношении которого могут применяться уголовно-правовые меры[525]. В юридической доктрине такую ответственность называют «квазиуголовной»[526].

В соответствии со ст. 43 Гражданского кодекса АР, юридическим лицом является специально созданная и прошедшая государственную регистрацию структура, которая имеет в собственности обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом или ответчиком в суде.

Юридическими лицами могут быть структуры, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели (коммерческие юридические лица) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие юридические лица), а также занимающиеся деятельностью общегосударственного и (или) общественного значения (юридические лица публичного права).

---

[524] Azərbaycan Respublikasının Cəzaların İcrası Məcəlləsi // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik Toplusu. 2000. № 8. Maddə 586.

[525] Федоров А.В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в Азербайджане // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 4(34). С. 11-25.

[526] ПРЕКОП-РФ Совместный проект Европейского Союза и Совета Европы «Защита прав предпринимателей в Российской Федерации от коррупционных практик», Сравнительный анализ ответственности юридических лиц (корпоративной ответственности) за преступления коррупционной направленности, ECCU-PRECOP-TP-5/2015, 2015. URL: https://rm.coe.int/16806d8620 (дата обращения: 01.08.2024).

Юридическое лицо с момента прохождения государственной регистрации имеет гражданские права и несет гражданские обязанности. Правоспособность юридического лица прекращается в момент завершения его ликвидации.

Согласно ст. 99-4 УК АР, основанием для применения уголовно-правовых мер к юридическому лицу являются преступления, совершенные следующими физическими лицами в пользу этого юридического лица или в защиту его интересов:

– должностным лицом, уполномоченным представлять юридическое лицо;

– должностным лицом, уполномоченным принимать решения от имени юридического лица;

– должностным лицом, уполномоченным контролировать деятельность юридического лица;

– работником юридического лица в результате неосуществления контроля со стороны должностного лица (уполномоченного представлять юридическое лицо, принимать решения от имени юридического лица или уполномоченным контролировать деятельность юридического лица).

Ввиду возможности применения уголовно-правовых мер к юридическому лицу за совершение преступления работником юридического лица в результате неосуществления контроля со стороны должностного (полномочного) лица, следует говорить о расширенной идентификационной модели уголовной ответственности юридических лиц в Азербайджане. Эта модель уголовной ответственности подразумевает так называемое правило об отсутствии надзора, когда уголовное преследование юридического лица возможно не только в случае совершения деяния в интересах юридического лица контролирующими лицами юридического лица, но и в случае совершения деяния иными работниками

вследствие отсутствия надлежащего надзора за ними со стороны контролирующих лиц[527].

Уголовный закон устанавливает, что применение уголовно-правовых мер к юридическому лицу не исключает уголовную ответственность физического лица, совершившего данное деяние или участвовавшего в какой-либо форме в его совершении. С другой стороны, прекращение уголовного преследования в отношении физического лица в установленных законом случаях не препятствует применению уголовно-правовых мер к юридическому лицу – из этого следует, что в Азербайджане установлен принцип «автономной ответственности» юридических лиц[528].

Уголовно-правовые меры не могут быть применены в отношении государства, муниципалитетов, а также международных организаций.

Исходя из анализа перечня составов преступлений, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц, можно сделать вывод о том, что возможность применения уголовно-правовых мер к юридическому лицу за незаконное использование товарного знака по ст. 197 УК АР на данный момент отсутствует. В данной связи следует заметить, что если на момент включения в 2012 г. в УК АР специальной главы 15-2 предусматривалась возможность применения уголовно-правовых мер к юридическим лицам по шестнадцати статьям Особенной части УК АР, то к настоящему момент возможность применения указанных мер возможна по более чем семидесяти статьям, что указывает на тенденцию к расширению указанной практики со стороны государства.

Правовая конструкция диспозиции ст. 197 УК АР указывает на отсутствие специального субъекта незаконного использования товарного знака. Таким

---

[527] Семыкина О.И. Ответственность юридических лиц за нарушение правил конкуренции: уголовное преследование и альтернативные способы урегулирования конфликтов (сравнительный аспект) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5(66). С. 8-12.

[528] Ответственность юридических лиц за коррупцию в странах Восточной Европы и Центральной Азии, ОЭСР, 2015. URL: https://www.oecd.org/corruption/acn/ACN-Liability-of-Legal-Persons-2015-RUS.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

образом, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 197 УК АР необходимо установление признаков общего субъекта: физическое лицо, вменяемость, достижение определенного (шестнадцатилетнего) возраста.

Завершающим элементом состава незаконного использования товарного знака выступает субъективная сторона преступления. Субъективная сторона преступления – это внутренняя сторона преступления, которая характеризует психическую деятельность лица, которая непосредственно связана с совершаемым им преступным деянием и наступлением общественно опасных последствий[529].

Признаками данного элемента состава преступления являются:

а) вина (умысел или неосторожность);

б) мотив;

в) цель;

г) эмоции.

Обязательным признаком субъективной стороны состава любого преступления является вина[530]. Вина – это психическое состояние лица к совершаемому им общественно опасному деянию и наступившим общественно опасным последствиям. Сущность вины определяется неправильным отношением преступника к охраняемым уголовным законом социальным ценностям[531].

Уголовный закон предусматривает две формы вины – умышленную (прямой и косвенный умысел) и неосторожную (преступная самонадеянность и преступная небрежность). Согласно ч. 2 ст. 24 УК АР, деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК АР.

Исходя из конструкции ст. 197 УК АР, которая не указывает на возможность совершения рассматриваемого преступления по неосторожности, следует сделать вывод о том, что единственно возможной формой вины может быть умысел.

---

[529] Уголовное право Азербайджанской Республики. Общая часть. Учебное пособие. Комиссаров В. С., Самандаров Ф. Ю., Кузнецов А. П., Иманлы М. Н. Издательство “Zərdabi”. Баку, 2011. С. 80.

[530] Гурбанов Г. С. Указ. соч. С. 42.

[531] Комиссаров В. С., Самандаров Ф.Ю., Кузнецов А.П., Иманлы М.Н. Указ. соч. С. 135.

Согласно ст. 25 УК АР, преступлением, совершенным умышленно, признается деяние (действие или бездействие), совершенное с прямым или косвенным умыслом. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих деяний (действий или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих деяний (действий или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия.

Для прямого и косвенного умысла интеллектуальный элемент является общим. Для прямого умысла характерно предвидение неизбежности наступления последствий, интеллектуальный элемент косвенного умысла включает только предвидение реальной возможности наступления общественно опасных последствий. Таким образом, основное различие между прямым и косвенным умыслом заключается в их волевом элементе: для прямого умысла он проявляется в желании наступления последствий, то есть к стремлению лица к определенному результату.

Волевой элемент для косвенного умысла характеризуется как сознательное допущение последствий. При косвенном умысле лицо не желает наступления общественно опасных последствий, занимает пассивную позицию и тем самым намеренно допускает их наступление.

Таким образом, субъективная сторона рассматриваемого состава преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого или косвенного умысла[532].

Выводы по параграфу:

1. Родовым объектом преступления по статье 197 УК АР являются охраняемые государством общественные отношения, возникающие в сфере

[532] Самедова Ш. Т. Уголовное право Азербайджанской Республики... Указ. соч. С. 722.

экономики; видовым объектом преступления – общественные отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности; основным непосредственным объектом преступления – общественные отношения, складывающиеся по поводу исключительных прав правообладателя на товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товаров и сходных с ними обозначений для однородных товаров; дополнительным непосредственным объектом преступления – общественные отношения, складывающиеся по поводу добросовестной конкуренции субъектов предпринимательской деятельности. Таким образом, родовой, видовой и непосредственный объект состава незаконного использования товарного знака по ст. 197 УК АР совпадает с российским уголовным законом.

2. Фигура потерпевшего по нынешней формулировке ст. 197 УК АР – предприниматель, то есть индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, являющееся владельцем (правообладателем) товарного знака. Потерпевшим не может быть признано физическое лицо, не имеющее статус индивидуального предпринимателя.

3. Предмет преступления по статье 197 УК АР – чужой товарный знак, чужой знак обслуживания, чужое наименование места происхождения товара или сходные с ними обозначения, использованные для однородных товаров или услуг. Чужим считается товарный знак, который зарегистрирован на имя другого лица и не уступлен по соответствующему договору, либо право на использование которого не предоставлено не предоставлено владельцем (правообладателем) другому лицу по лицензионному (суб-лицензионному) договору. Установлено совпадение в части предмета рассматриваемого преступления между российским и азербайджанским уголовным законом.

4. Объективная сторона преступления по статье 197 УК АР – действия, выразившиеся в использовании чужого товарного знака или знака обслуживания, наименования места происхождения товара либо знака, сходного со знаком однородного товара и нанесение этими действиями значительного ущерба (квалифицирующий признак – крупный ущерб). Базовым механизмом ущерба

должен быть подсчет исходя из фактической стоимости (себестоимости) товаров владельца (правообладателя) товарного знака на момент совершения преступления, умноженной на количество незаконно использованных в торговле единиц товара. В целях обеспечения правильного применения законодательства, своевременным представляется постановление Пленума Верховного суда АР по затронутому вопросу.

5. Законодательное исключение формального состава (неоднократное незаконное использование товарного знака) является обоснованным по причине сложностей осуществления его предсказуемого правоприменения и по причине отсутствия института административной преюдиции в азербайджанском уголовном законодательстве.

6. Азербайджанское уголовное законодательство не разделяет «контрафактные» и «серые» товары. Несмотря на отсутствие судебной практики по данному вопросу, исходя из формулировки уголовно-правовой нормы, незаконное использование чужого товарного знака посредством параллельного импорта может повлечь уголовную ответственность.

7. Анализ перечня составов преступлений, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц, свидетельствует, что возможность применения уголовно-правовых мер к юридическому лицу за преступление по статье 197 УК АР на сегодняшний день отсутствует. При этом нельзя не отметить законотворческую тенденцию к расширению практики применения уголовно-правовых мер к юридическим лицам.

8. Формулировка гражданского закона не позволяет определить, являются ли следующие критерии незаконности использования товарного знака в сети Интернет дизъюнктивными или кумулятивными: «доменные имена тождественны фирменным наименованиям и товарным знакам по идентичным товарам или услугам; доменные имена используются в коммерческих целях». С учетом конструкции гражданско-правовой нормы, данные критерии следует считать кумулятивными, что подлежит уточнению законодателем.

9. Субъект преступления по статье 197 УК АР – вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

10. Субъективная сторона преступления по статье 197 УК АР – умышленная форма вины в виде прямого или косвенного умысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История действующей системы уголовно-правовой охраны прав на товарный знак насчитывает более полутора веков. Великобритания была одним из первых государств, криминализовавших незаконное использование товарного знака, и этот подход впоследствии распространился в рамках национальных законодательств иных государств и получил закрепление на международном уровне в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS) в 1994 году. Модели осуществления уголовной охраны прав на товарный знак, представленные в Российской Федерации, Азербайджанской Республике и Великобритании, прошли отличные друг от друга этапы развития и становления, приобретя уникальные черты законодательного регулирования и правоприменения.

Руководствуясь целями и задачами диссертационного исследования, в рамках настоящей работы предпринята попытка комплексного анализа опыта уголовной охраны прав на товарный знак в Российской Федерации и сравнения особенностей отечественного опыта с подходами в Азербайджанской Республике и Великобритании. При этом Великобритания как государство для проведения сравнительного анализа была выбрана с учётом развитого законодательства и судебной практики, которые начали свой путь активного развития в 1862 году.

В первую очередь были проанализированы международно-правовые аспекты уголовной охраны прав на товарный знак. Исследование позволило заключить, что закрепление уголовной охраны прав на товарный знак в рамках Соглашения ТРИПС, являющегося ключевым международным юридическим инструментом в сфере прав интеллектуальной собственности, подчеркнуло необходимость эффективной правовой защиты прав на товарный знак не только гражданскими и административными мерами, но и уголовно-правовыми.

Выполненный анализ позволил сделать вывод, что предоставление прав на результаты интеллектуальной деятельности и меры по охране этих прав являются правовыми инструментами государственного вмешательства в свободную

конкуренцию для защиты законной деятельности участников рынка от неправомерных действий третьих лиц и стимулирования созидательности и инноваций в обществе и государстве. При этом, с учетом нематериальной природы прав на товарный знак только разумная степень суровости их правовой защиты может иметь положительный эффект, а уголовно-правовые меры должны рассматриваться как *ultima ratio*, когда иные правовые средства в противодействии особо опасным деяниям оказываются неэффективными. Стоит подчеркнуть, что применение уголовных мер защиты приобретает особую актуальность в настоящее время, учитывая объемы торговли контрафактной и пиратской продукции на глобальном уровне, которая составляет, по разным оценкам, от нескольких сотен млрд. долл. США до нескольких триллионов долл. США и превосходит бюджеты многих крупных государств. При этом этот рынок продолжает расти и представляет собой угрозу для жизни и здоровья общества и иных публично значимых интересов.

Автором впервые на диссертационном уровне представлены результаты комплексного исследования уголовной охраны прав на товарный знак по законодательству Великобритании. В рамках проведенного анализа определено содержание понятия товарного знака, правовые предписания, судебная практика и последствия выхода Великобритании из Европейского союза по итогам процедуры «Брекзит». Определено, что в рамках английского права уголовно-правовая охрана исключительных прав на товарный знак осуществляется посредством включения уголовного запрета в отраслевой законодательный акт. Выявлен действующий подход, согласно которому уголовно-правовая норма направлена на защиту товарного знака от определенных форм неправомерного использования и должна рассматриваться независимо от гражданского законодательства. При этом возведение искусственно независимой уголовно-правовой нормы в рамках гражданского закона представляется неоднозначным, а сама формулировка уголовной нормы не лишена недостатков. Анализ судебной практики показал, что уголовное правонарушение может рассматриваться как преступление, ответственность за которое наступает без вины (презюмируемая вина). В контексте

уголовно-правовой охраны также стоит отметить, что при вынесении судебных решений в области прав на товарный знак важно учитывать принцип соразмерности.

В условиях общего исторического опыта и высокого уровня двусторонних отношений, сравнительное исследование института уголовно-правовой охраны прав на товарный знак по законодательству Российской Федерации и Азербайджанской Республики представило особый интерес. Можно заключить, что подход к правовому регулированию данного института в обоих государствах в целом тождественен. Это касается и содержания понятия, и признаков состава незаконного использования товарного знака. Автором подчеркнут ряд пробелов правовых предписаний и необходимость в их юридико-техническом усовершенствовании, в частности – отсутствие единства терминологии в использовании понятия «товарный знак», отсутствие определения понятия «наименование места происхождения товара» в азербайджанском законе, невключение географического указания в содержание диспозиций уголовно-правовой нормы в Российской Федерации и Азербайджанской Республике.

Значительная часть исследования была посвящена исследованию состава преступления по типу объективной стороны. Автор определил, что признаки объективной стороны незаконного использования товарного знака являются сложными для правового определения и оценки из-за нематериальной природы этих прав. При материальном составе, который предусмотрен в обоих постсоветских государствах, для целей определения размера ущерба автором предложено руководствоваться подсчетом исходя из фактической стоимости (себестоимости) товара владельца (правообладателя) товарного знака на момент совершения преступления, умноженной на количество незаконно использованных в торговле единиц товара. При формальном составе, с учетом фактического и юридического возврата института административной преюдиции в российское уголовное законодательство, автором предложено однозначное включение этого института в состав рассматриваемого преступления.

Важной частью проведенного исследования стало изучение феномена параллельного импорта в контексте уголовно-правовой охраны прав на товарный знак. Великобритания одной из первых стран признала возможность возникновения уголовной ответственности за торговлю «серыми» товарами, ввезенными в страну посредством параллельного импорта. Руководствуясь диспозицией соответствующих уголовно-правовых норм, можно констатировать о возможности возникновения уголовно-правовой ответственности за параллельный импорт в Российской Федерации и Азербайджанской Республике. В рамках Российской Федерации это усложняется наличием сложившейся уникальной ситуации, когда на территории одного государства одновременно действуют три принципа исчерпания исключительных прав на товарный знак.

В отношении ряда затронутых в настоящей работе вопросов могут быть проведены дополнительные исследования. В контексте стремительно меняющейся технологической, геополитической и геоэкономической конъюнктуры, это, в частности, касается влияния искусственного интеллекта на глобальный рынок контрафактных и пиратских товаров, сотрудничества Великобритании и Европейского союза в сфере уголовно-правовой защиты объектов интеллектуальной собственности, развития института исчерпания исключительных прав на товарный знак ввиду внешнеэкономической переориентации Российской Федерации на страны Ближнего Востока и Азии – представляется, что эти темы могут стать актуальными для научных изысканий.

В заключение можно констатировать, что исследование опыта уголовно-правовой охраны прав на товарный знак в Российской Федерации, Азербайджанской Республике и Великобритании имеет практическое и теоретическое значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ

I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЯ

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (дополненная в Париже 4 мая 1896 года, пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 года, дополненная в Берне 20 марта 1914 года и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 года, в Брюсселе 26 июня 1948 года, в Стокгольме 14 июля 1967 года и в Париже 24 июля 1971 года, измененная 28 сентября 1979 года) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 21 ноября 2023 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 16.01.2015. – № 0001201501160013.
3. Договор о законах по товарным знакам от 27 октября 1994 года. // Интеллектуальная собственность. – Документы и комментарии. – 2004. – № 2-3.
4. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза // Собрание законодательства Российской Федерации. –2021. – № 31. – Ст. 5888.
5. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности (подписана в Стокгольме 14 июля 1967 года, и изменена 2 октября 1979 года) // Межд.договоры и согл.в области охраны промышленной собственности. – Москва. – 1995.
6. Мадридское соглашение о пресечении ложных или вводящих в заблуждение указаний о происхождении на товарах от 14 апреля 1981 года I. Акт, пересмотренный в Вашингтоне 2 июня 1911 года, в Гааге 6 ноября 1925 года, в Лондоне 2 июня 1934 года и в Лиссабоне 31 октября 1958 года // Интеллектуальная собственность. Документы и комментарии. – 2004. – № 2-3.
7. Модельный уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств. Принят на заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 года) // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ (приложение). – № 10. – 1996 год.
8. Найробский Договор об охране олимпийского символа (Найроби, 26 сентября 1981 года) // Международные договоры и соглашения в области охраны промышленной собственности. – Т.1. – Москва. – 1995 год.

9. Ниццкое соглашение о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков от 15 июня 1957 года, пересмотренное в Стокгольме 14 июля 1967 года и в Женеве 13 мая 1977 года и измененное 28 сентября 1979 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР. – Выпуск XXVII. – Ст.1873.

10. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, пересмотренная в Брюсселе 14 декабря 1900 года, в Вашингтоне 2 июня 1911 года, в Гааге 6 ноября 1925 года, в Лондоне 2 июня 1934 года, в Лиссабоне 31 октября 1958 года и в Стокгольме 14 июля 1967 года и измененная 2 октября 1979 года // Международные договоры и соглашения в области охраны интеллектуальной собственности. Изд. 3-е., дополненное. – М. – 2001.

11. Протокол К Мадридскому Соглашению о международной регистрации знаков // Международные договоры и соглашения в области охраны интеллектуальной собственности. Изд. 3-е, дополненное. – М. – 2001.

12. Сингапурский договор о законах по товарным знакам // Бюллетень международных договоров. – № 8. – 2009.

13. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (с изменениями и дополнениями) // Официальный интернет-портал правовой информации https://www.pravo.gov.ru. – 23.07.2012.

14. Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности (прекратило действие с 01.01.2015 на основании международного договора от 29.05.2014) // Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 6.

15. Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community 2019/C 384 I/01 // Official Journal of the European Union C 384I. – 12.11.2019.

16. Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal of the European Communities (2000/C 364/01). – 18.12.2000.

17. Trade and Cooperation Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the One Part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part // Official Journal of the European Union L 444. – 31.12.2020. – P. 14–1462.

II. РОССИЙСКИЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

18. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями на 4 октября 2022 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 06.10.2022. – № 0001202210060013.

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 01.08.2024).
20. Закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-I «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2024).
21. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (с изменениями на 11 марта 2024 года) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2024).
22. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 14. – Ст. 2286.
23. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19 апреля 2022 года № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2023 г.) (утратил силу) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 6 мая 2022 г. – № 0001202205060001.
24. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 21 июля 2023 года № 2701 Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 04.08.2023. – № 0001202308040119.
25. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2024).
26. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

27. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. № 80 Ст.600.

28. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии. – 1845. – [4], IV, 898, XVII с.; 16 см.

29. Федеральный закон от 11 декабря 2002 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 50. – Ст. 4927.

30. Федеральный закон от 11 июля 2011 г. № 179-ФЗ «О ратификации Соглашения о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 29. – Ст. 4270.

31. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 30. – Ст. 4132.

32. Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 27. – Ст. 4594.

33. Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 27. – Ст. 4614.

34. Федеральный закон от 3 октября 2014 г. № 279-ФЗ «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 40 (часть I). – Ст. 5310.

35. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 1 (часть I). – Ст. 83.

36. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. –2011. – № 50. – Ст. 7362.

37. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (с изменениями и

дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.

38. Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 11. – Ст. 1596.
39. Федеральный закон от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 30. – Ст. 4177.

III. ЗАРУБЕЖНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

40. Декларация о независимости Азербайджана 1918 г. – Управление делами Президента Азербайджанской Республики. Президентская Библиотека // URL: https://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf (дата обращения: 01.08.2024).
41. Закон Азербайджанской Республики от 12 июня 1998 года № 504-IQ «О товарных знаках и географических указаниях» (с изменениями и дополнениями) // Сборник законодательства Азербайджанской Республики. – 1998. – № 8. – Ст. 485.
42. Закон Азербайджанской Республики от 2 июня 1995 года № 1049 «О недобросовестной конкуренции» (с изменениями и дополнениями) // Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики. – 199. – № 23-24. – Ст. 366.
43. Конституционный Акт Азербайджанской Республики от 18 октября 1991 года №222-XII «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики» // Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики. – 31 октября 1991 г. – №19-20 (848-849). – Ст. 335.
44. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (с изменениями и дополнениями) // Сборник законодательства Азербайджанской Республики. – 1997. – №1.
45. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. – 2000. – № 8.
46. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ). – Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. – 2000. – № 4.

47. Azərbaycan Respublikasının Cinayət Məcəlləsində dəyişikliklər edilməsi haqqında 816-VQD Qanun // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik Toplusu. – 2017. – № 11. – Maddə 1968.

48. Azərbaycan Respublikasının Rəqabət Məcəlləsi // Azərbaycan Qəzeti. – 2024. – № 14.

49. Azərbaycan Respublikasının Cəzaların İcrası Məcəlləsi // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik Toplusu. – 2000. – № 8. – Maddə 586.

50. Əmtəə nişanlarının qeydə alınması barədə iddia sənədinin verilməsi və ekspertizası Qaydalarının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikasi Nazirlər Kabinetinin Qərarı // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik Toplusu. – 1999. – № 10. – Maddə 600.

51. Əqli mülkiyyət hüquqlarının təminatı və piratçılığa qarşı mübarizə haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik Toplusu. – 2012. – № 07. – Maddə 642.

52. Haqsız rəqabət haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu // Azərbaycan Respublikası Ali Sovetinin Məlumatı. – 1995. – № 23-24. – Maddə 366.

53. Sahibkarlıq fəaliyyəti haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu // Azərbaycan Respublikası Ali Sovetinin Məlumatı. – 1992. – № 23. – Maddə 1013.

54. Business Protection from Misleading Marketing Regulations, 2008 // URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2008/1276/contents/made (дата обращения: 01.08.2024).

55. Council Regulation (EC) No 40/94 of 20 December 1993 on the Community trade mark // Official Journal L 11, 14.1.1994, p. 1–36.

56. Criminal Finances Act, 2017 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/contents/enacted (дата обращения: 01.08.2024).

57. Directive (EU) 2015/2436 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks // Official Journal of the European Union 336, 23.12.2015, p. 1–26.

58. European Union (Withdrawal) Bill, 2018 // House of Commons Library. – URL: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8079/ (дата обращения: 01.08.2024).

59. First Council Directive 89/104/EEC of 21 December 1988 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks // Official Journal of the European Communities, L 40, 11.02.1989. P. 0001-0007.

60. Fraud Act, 2006 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents (дата обращения: 01.08.2024).

61. Patents, Designs, and Trade Marks Act, 1883 // URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/acts/patents-designs-and-trade-marks-act-1883 (дата обращения: 01.08.2024).

62. Proceeds of Crimes Act, 2002 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/29/contents (дата обращения: 01.08.2024).

63. Regulation (EU) No 386/2012 of the European Parliament and of the Council of 19 April 2012 entrusting the Office for Harmonization in the Internal Market (Trade Marks and Designs) with certain tasks related to the protection of intellectual property rights, including the assembling of public and private sector representatives as a European Observatory on Counterfeiting and Piracy // Official Journal L 129, 16.5.2012, p. 1.

64. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act).

65. The Constitution of the United States of America. As Amended. Ratified June 21, 1788. Date effective March 4, 1789 // National Archives Building in Washington, D.C., U.S.

66. The Constitutional Reform Act 2005 // Printed in the UK by The Stationery Office Limited under the authority and superintendence of Carol Tullo, Controller of Her Majesty's Stationery Office and Queen's Printer of Acts of Parliament. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/4/pdfs/ukpga_20050004_en.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

67. The European Communities Act 1972 (Chapter 68, updated on January 29, 2021) // Printed in England by C. H. Baylis, C.B. Controller of Her Majesty's Stationery Office and Queen's Printer of Acts of Parliament.

68. The Intellectual Property (Exhaustion of Rights) (EU Exit) Regulations 2019, 14th February 2019 // Printed and published in the UK by The Stationery Office Limited. – URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/265/pdfs/uksi_20190265_en.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

69. The Trade Marks Regulations 2018 // URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2018/825/contents/made (дата обращения: 01.08.2024).

70. Trade Marks Act 1994 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1994/26/contents (дата обращения: 01.08.2024).

71. Trade Marks Act, 1938 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/1-2/22/section/39/enacted (дата обращения: 01.08.2024).

72. Trade Marks Registration Act, 1875 // URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.35112105404224&view=1up&seq=9 (дата обращения: 01.08.2024).

IV. МОНОГРАФИИ, НАУЧНЫЕ И УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

73. Афанасьева Е. Г. Средства индивидуализации в предпринимательской деятельности: правовые вопросы: Учеб. пособие / Е.Г. Афанасьева, М.Г. Долгих, Е.А. Афанасьева. – РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. правоведения, М., 2016. – 84 с.

74. Витвицкая С.С. Преступления в сфере экономической деятельности: (уголовно-правовой аспект) / С. С. Витвицкая, А. А. Витвицкий. – Ростов-на-Дону, 1998. – 217 с.

75. Войниканис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. – «Юриспруденция», Москва, 2014. – 552 с.

76. Гурбанов Г.С. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. – Изд-во «Тахсил», Баку, 2005. – 124 с.

77. Есаков Г. А. Mens rea в уголовном праве Соединенных штатов Америки: историко-правовое исслед. – Ассоц. «Юрид. Центр», СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2003. – 870 с.

78. Ильяшенко А. Н. Уголовно-правовая охрана прав на средства индиви дуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий / А. Н. Ильяшенко, Л. К. Никитина. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2011. – 140 с.

79. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. – М.: Статут, 2005. – 572 с.

80. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.И. Булавин, В.В. Воробьев, Ю.В. Головлев и др.; под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 4-ое изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 1264 с.

81. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. А. С. Михлин. – М., 2000. – 864 с.

82. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э.П. Гаврилов, В.И. Еременко. – М.: Издательство «Экзамен», 2009. – 976 с.

83. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики : авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). – М., 2006. – 538 с.

84. Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 184 с.

85. Малков В. П. Значение повторности деяния для уголовной ответственности // Избранные труды: в 3 т. – Казань: Познание, 2011. Т. 2. – 524 с.

86. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб., 2004. – 950 с.

87. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958. – 260 с.

88. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 3: Преступления в сфере экономики / под ред. А. И. Коробеева. – СПб., 2008. – 786 с.

89. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.

90. Право интеллектуальной собственности. Т. 3. Средства индивидуализации: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 432 с.

91. Право интеллектуальной собственности: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. Е. А. Поздняковой. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 275 с.

92. Романов А. К. Право и правовая система Великобритании. – М.: Форум, 2014. – 288 с.

93. Самедова Ш. Т., Проблемы уголовного права: классификация преступлений, дифференциация уголовной ответственности и построение санкций. Монография. – Баку, «Ecoprint», 2017. – 744 с.

94. Самедова Ш. Т. Уголовное право Азербайджанской Республики. Особенная часть: в двух томах. Учебник. Том 1. – Adiloğlu, Баку, 2020. – 864 с.

95. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учеб. 2-е изд., перераб. и доп./А. П. Сергеев. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 750 с.

96. Уголовное право Азербайджанской Республики. Общая часть. Учебное пособие / Под ред. В. С. Комиссаров, Ф. Ю. Самандаров, А. П. Кузнецов, М. Н. Иманлы – Издательство “Zərdabi”, Баку, 2011. – 351 с.

97. Уголовное право Азербайджанской Республики. Особенная часть. Учебное пособие/ под ред. В. С. Комиссаров, Ф. Ю. Самандаров, А. П. Кузнецов, М. Н. Иманлы. – Издательство «Юридическая литература», 2012. – 466 с.

98. Уголовное право России: (Особенная часть) / отв ред. Б. В. Здравомыслов. – М., 1996. – 559 с.

99. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе переработанное и дополненное / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – М., 2008. – 560 с.

100. Уголовное право. Общая и особенная части: учебник / В. И. Гладких, М. Г. Решняк. – Москва: Эксмо, 2022. – 560 с.

101. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона. – Москва : Издательская группа "Юрист", 2022. – 144 с.
102. Шестак В. А. Ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: Учебное пособие / В. А. Шестак; под научн. ред. А. Г. Волеводза. – М.: Прометей, 2021. – 314 с.
103. A century of trade marks 1876-1976. – The Patent Office, Department of Trade // HMSO. London, 1976.
104. Ağayev İ. B. Cinayət Hüququ. Xüsusi hissə. Dərslik. – "Nurlar" Nəşriyyat-Poligrafiya Mərkəzi, Bakı, 2018. – 487 s.
105. Allahverdiyev S. S. Azərbaycan Respublikasının mülki hüquq kursu. IV cild (II nəşr). – "Digesta" nəşriyyatı, Bakı, 2009. – 708 s.
106. Ashworth A. Principles of Criminal Law. – Oxford University Press, 3rd ed., 1999. – 534 p.
107. Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice. Oxford: Oxford University Press, 1995. 393 p.
108. Bainbridge D. I. Intellectual Property. – Pearson, 8th. ed, 2010. – 932 p.
109. Bently L. The making of modern trade mark law: the construction of the legal concept of trade mark (1860–1980). Edited by L. Bently, J. Davis, J. Ginsburg. Trade Marks and Brands: An Interdisciplinary Critique. – Cambridge University Press, 2008. – 472 p.
110. Bently L. Intellectual Property Law / L. Bently, B. Sherman. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 1051 p.
111. Bently L. Sherman B. Intellectual Property Law, 4th edition / L. Bently, B. Sherman. – Oxford University Press, 2014. – 1440 p.
112. Caplan D., British Trade Marks & Symbols: A Short History and a Contemporary Selection / D. Caplan, G. Stewart. – October House, 1966. – 128 p.
113. Cooper E. R v. Johnstone. In: Bellido, J. (ed.) Landmark Cases in Intellectual Property Law. Series: Landmark cases. – Hart Publishing: Oxford, London, 2017. – 384 p.
114. Cornish W. Intellectual Property : Patents, Copyrights, Trademarks and Allied Rights / W. Cornish, D. Llewelyn. – Sweet and Maxwell, 5th edition, London, 2003. – 895 p.
115. David M. The SAGE Handbook of Intellectual Property / M. David, D. Halbert. – SAGE Publications Ltd, 2015. – 840 p.
116. Dəmirli M. Ə. Azərbaycan hüquq tarixi: cinayət hüququ (qədim zamanlardan 1920-ci ilədək) / M. Ə. Dəmirli, Ə. R. Ələsqərli. – Azərnəşr, Bakı, 1999. – 204 s.

117. Dəmirov A. H. Azərbaycan Respublikasının konstitusiyası və huququn əsasları (muhazirə kursu). Dərs vəsaiti / A. H. Dəmirov, N. G. İsmayılov, Q. F. Huseynov. – Bakı: Mutərcim, 2010. – 196 s.
118. Dornis T. W. Trademark and Unfair Competition Conflicts: Historical-Comparative, Doctrinal, and Economic Perspectives. – Cambridge Intellectual Property and Information Law, 2017. – 700 p.
119. Əkbərov R. Azərbaycan dövlət və hüquq tarixi / R. Əkbərov, S. Səlimov. – "Qanun" nəşriyyatı, Bakı, 2003. – 488 s.
120. Voltaire (Francois Marie Arouet de). Commentaire sur le livre Des délits et des peines. Section XVIII, Du vol domestique. – Paris, Gallimard, 1766. – 120 p.
121. Geiger C. Criminal Enforcement of Intellectual Property: A Handbook of Contemporary Research. – Edward Elgar, 2012. – 432 p.
122. Hansen H. Intellectual Property Law and Policy. – Volume 11, Bloomsbury Publishing Plc, 2010. – 862 p.
123. Howe H. Concepts of Property in Intellectual Property Law / H. Howe, J. Griffiths. – Cambridge University Press, New York, 2013. – 330 p.
124. Howell C. Law Express: Intellectual Property / C. Howell, B. Farrand. – Pearson, 2017. – 240 p.
125. Husak D. Overcriminalization: the limits of the criminal law. – Oxford University Press, 1st edition, 2009. – 231 p.
126. İmanlı M. N. Mülkiyyət ələyhinə edilən cinayətlər. – Dərslik. "Digesta" nəşriyyatı, Bakı, 2018. – 336 s.
127. İmanlı M. N. Cinayət hüququ. Xüsusi hissə. Təcrübi materiallar toplusu ilə birgə dərslik. – Bakı, 2019. –786 s.
128. Maniatis S. Competition and the Economics of Trademarks / Perspectives on Intellectual Property (Vol. 2) // Intellectual Property and Market Freedom. – London: Sweet and Maxwell, 1997. – 201 p.
129. Mohammad Amin N. Revisiting the Philosophical Foundations of Trademarks in the US and UK. – Cambridge Scholars Publishing, 2010. – 230 p.
130. Mollerup P. Marks of excellence: the history and taxonomy of trademarks. – Phaidon Press 2nd edition, 2013. – 296 p.
131. Morcom C. The Modern Law of Trade Marks / C. Morcom, A. Roughton, J. Graham. – Butterworths, 1999. – 1295 p.
132. Rəhimov İ. Cinayət və cəzanın fəlsəfəsi. – "Şərq-Qərb" Nəşriyyat evi, Bakı, 2014. – 319 s.
133. Scott C. Cranston's Consumers and the Law / C. Scott, J. Black. – London: Butterworths, 3rd ed, 2000. – 546 p.

134. Səməndərov F. Y. Azərbaycan Respublikası Cinayət Məcəlləsinin kommentariyası. II hissə. – Bakı, 2018. – 800 s.

135. Sherman B. The Making of Modern Intellectual Property Law / B. Sherman, L. Bently. – Cambridge: CUP, 1999. – 263 p.

136. Simester A. P. Criminal Law. Theory and Doctrine / A. P. Simester, G. R. Sullivan. – Oxford: Hart Publishing, 2001. – 651 p.

137. Szott Moohr G. The criminal law of intellectual property and information: cases and materials / G. Szott Moohr, J. Lipton, I. D. Manta. – West Academic Publishing, 2nd edition, 2016. – 710 p.

138. Torremans P. Holyoak and Torremans Intellectual Property Law. – Oxford University Press, 2019. – 692 p.

139. Worsall A. Anti-Counterfeiting: A Practical Guide / A. Worsall, A. Clark. – Jordan Publishing Limited, 1998. – 330 p.

140. WTO - Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, ed. by J. Busche, et al. – BRILL, 2008. – 909 p.

V. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

141. Батютина Т. Ю. Роль норм гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Батютина Татьяна Юрьевна. – Краснодар, 2019. – 28 с.

142. Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Богданов Алексей Викторович. – Москва, 2019. – 25 с.

143. Бондарев В. Н. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бондарев Виталий Николаевич. – Ростов-на-Дону, 2002. – 227 с.

144. Бондарев М. Ю. Уголовно-правовая охрана интеллектуальных прав : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бондарев Михаил Юрьевич. – Москва, 2008. – 215 с.

145. Быкодорова А. Ф. Уголовно-правовое значение незаконного использования товарного знака : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук / Быкодорова Анджела Федоровна. – Ставрополь, 2000. – 152 с.

146. Головизнина И. А. Незаконное использование товарного знака: проблемы квалификации и правоприменения : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Головизнина Ирина Александровна. – Москва, 2008. – 201 с.
147. Демьяненко Е. В. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Демьяненко Елена Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2003. – 185 с.
148. Козлов А. А. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (Уголовно-правовой и криминологический аспекты) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Козлов Андрей Александрович. – Москва, 2004. – 27 с.
149. Жайворонок А. В. Незаконное использование товарного знака: криминологическое и уголовно-правовое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Жайворонок Артем Викторович. – Омск, 2010. – 215 с.
150. Зимин В. А. Правовая природа интеллектуальных прав по законодательству Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зимин Владимир Андреевич, 2015. – 172 с.
151. Керимов Г. Г. Правовая охрана объектов промышленной собственности в международном частном праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гюндуз Гаджи оглы Керимов, Баку, 2007. 196 с.
152. Козлов А. А. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2004.
153. Кондрашина В. А. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака по законодательству России и зарубежных стран : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата

юридических наук / Кондрашина Валентина Анатольевна. – Казань, 2004. – 229 с.

154. Ласточкина М. С. Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ласточкина Мария Сергеевна. – Москва, 2010. – 201 с.

155. Лепина Т. Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Т. Г. Лепина. – Курск, 2014. – 235 с.

156. Лысак Е. А. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности по зарубежному законодательству : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лысак Елена Андреевна. – Краснодар, 2012. – 220 с.

157. Ляпцев С. А. Принцип исчерпания прав на товарный знак в условиях параллельного импорта : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ляпцев Станислав Андреевич, 2019. – 196 с.

158. Мамхягов З. З. Административная преюдиция в уголовном праве : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мамхягов Зураб Зунелевич. – Краснодар, 2022. – 30 с.

159. Мустафаев Ч. Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мустафаев Чингиз Фейруз оглы. – Баку. 1986. – 203 с.

160. Никитина Л. К. Уголовно-правовая охрана прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никитина Людмила Константиновна. – Краснодар, 2010. – 177 с.

161. Прокш М. Ю. Уголовно-правовая охрана товарного знака в случае недобросовестной конкуренции : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Прокш Максим Юльевич. – Москва, 2003. – 196 с.

162. Пучков Д. В. Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности в России : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пучков Денис Валентинович, 2013. – 178 с.

163. Сергеева Н. Ю. Материально-правовые пределы действия исключительного права на товарный знак - объект охраны : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сергеева Наталья Юрьевна, 2015. – 211 с.

164. Трейгер С. М. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Трейгер Семен Михайлович. – Москва, 2011. – 199 с.

165. Филиппов П. А. Уголовно-правовая защита права интеллектуальной собственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Филиппов Павел Александрович. – Москва, 2003. – 218 с.

166. Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Эргашева Зарина Эркиновна, 2019. – 215 с.

167. Azərbaycan Respublikasında əqli mülkiyyət hüququnun konstitusiya hüquqi tənzimi və təminatları: hüquq üzrə fəlsəfə d-ru e. dər. al. üçün təq. ol. dis. : 5607.01 /G. Z. Cəbi ; Azərb. Resp. Prezidenti yanında Dövlət İdarəçilik Akad., Bakı, 2017. 161 s.

168. Bouchet-Le Mappian E. Propriété intellectuelle et droit de propriété en droits anglaise, allemande et français, thèse dactylographiée. Université de Nantes. 2009. 438 p.

169. Cinayət hüququnun mənbələri ilə bağlı problemlər və onların həlli yolları. Hüquq üzrə fəls. D-ru e. Dər. Al. Üçün təq. Ol. Dis.: 5611.01/S.S. Solmanova; AMEA, Fəlsəfə İn-tu. Bakı, 2016. 158 s.

170. Cinayət qanununda blanket dispozisiyalar: hüquq e. n. a. dər. al. üçün təq. ol. dis.: 12.00.08 /B. C. Kərimov ; Azərb. Resp. MEA, Fəlsəfə və Siyasi-Hüquqi Tədqiqat İn-tu. Bakı, 2004. 140 s.

VI. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

171. Александров А. Г. Правовые меры защиты товарного знака от его незаконного использования / А.Г. Александров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 223-226.

172. Ализаде Д.Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Великобритании / Д. Э. Ализаде // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2024. – № 2. – С. 32-36.

173. Ализаде Д.Э. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане / Д. Э. Ализаде // Мировой судья. – 2024. – № 4. – С. 8-13.

174. Ализаде Д.Э. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак по законодательству Азербайджанской Республики / Д. Э. Ализаде // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2023. – № 3. – С. 19-22.

175. Ализаде Д. Э. Эволюция и уголовно-правовые аспекты параллельного импорта в Российской Федерации / Д. Э. Ализаде // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 8(183). – С. 288-290.

176. Ализаде Д. Э. Правовая охрана интеллектуальной собственности в нефтегазовом комплексе / Д. Э. Ализаде, А. Г. Волеводз // Научные труды НИПИ Нефтегаз ГНКАР. – 2023. – № 1. – С. 143-151.

177. Ализаде Д. Э. Уголовная ответственность за параллельный импорт: сравнительный анализ законодательства Великобритании и Азербайджана / Д. Э. Ализаде // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2023. – № 1. – С. 15-18.

178. Ализаде Д. Э. О социально-философской обусловленности уголовно-правовой охраны прав на товарный знак / Д. Э. Ализаде // Юридические науки и образование. Журнал. (Баку). – 2023. – № 73. – С. 36-45.

179. Ализаде Д.Э. Основные этапы развития уголовного законодательства об ответственности за незаконное использование товарного знака в Великобритании / Д. Э. Ализаде // Экономика и право в России и мире : Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 23 февраля 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 50-54.

180. Аристова Я. А. Особенности правовой ответственности за преступления, связанные с незаконным использованием товарных знаков в Российской Федерации / Я. А. Аристова // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : Материалы V Всероссийской молодёжной научно-практической конференции, Москва, 03 декабря 2021 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. – С. 134-138.

181. Артамонов С. С. Правовая конструкция параллельного импорта: Российская специфика / С. С. Артамонов // Актуальные вопросы юридической науки и практики : Сборник научных статей студентов и молодых учёных. – Екатеринбург : Федеральное государственное бюджетное образовательное

учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2022. – С. 164-173.

182. Бавсун И. Г. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе / И. Г. Бавсун, И. А. Тихон, М. В. Бавсун // Административное право и процесс. – 2008. – № 6. – С. 6-10.

183. Батрова Т. А. К вопросу о толковании юридических понятий или правовая охрана товарных знаков / Т. А. Батрова // Теория государства и права. – 2020. – № 2(18). – С. 42-51.

184. Башорова К. Х. Уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного статьей 180 УК РФ "незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)" / К. Х. Башорова // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 101-105.

185. Безверхов А. Г. Возвращение "административной преюдиции" в уголовное законодательство России / А. Г. Безверхов // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 48-53.

186. Волков К. А. О Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака / К. А. Волков, А. В. Козлов // Российский судья. – 2008. – № 1.

187. Воскресенская Е. В. Промышленная собственность и предпринимательство: правовые проблемы теории и практики / Е. В. Воскресенская // Экономика. Социология. Право. – 2018. – № 2(10). – С. 113-118.

188. Гасанов М. Д. Правомерность применения механизма параллельного импорта в Российской Федерации / М. Д. Гасанов // Обществознание и социальная психология. – 2022. – № 8(38). – С. 325-332.

189. Головизнина И. А. Проблема двусмысленности термина "неоднократность", содержащегося в ст. 180 УК РФ, и пути ее преодоления / И. А. Головизнина // Российский следователь. – 2006. – № 11. – С. 15-17.

190. Гошаев И. М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды / И. М. Гошаев // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7. – С. 81-84.

191. Грачева Д. А. Исчерпание исключительных прав: национальный и международный принципы / Д. А. Грачева // Научный поиск. – 2017. – № 1.2. – С. 19-21.

192. Григорьева О. Г. Легализация параллельного импорта как юридическое средство обеспечения национальных интересов России в условиях санкционных ограничений / О. Г. Григорьева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 1(150). – С. 150-155.

193. Денисенко М. В. Проблемы административной преюдиции в уголовном законе / М. В. Денисенко, С. М. Трейгер // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 107-109.

194. Денисов Г. И. Юридическая техника: теория и практика / Г. И. Денисов // Журнал российского права. – 2005. – №8. – С. 89-96.

195. Джамалова Б. Б. Особенности объекта и предмета преступления, указанного в ст. 180 УК РФ / Б. Б. Джамалова, М. О. Саидов // Современный ученый. – 2020. – № 6. – С. 328-334.

196. Добров, А. Н. Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника / А. Н. Добров, С. А. Баранова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2(93). – С. 202-208.

197. Докучаев А. И. Регулирование возврата преступных активов по праву Англии / А. И. Докучаев, А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 4(33). – С. 282-297.

198. Долотов Р. О. Уголовный закон - инструмент защиты и нападения по делам о незаконном использовании товарного знака / Р. О. Долотов, В. В. Кудрявцев // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 3(210). – С. 59-64.

199. Долотов Р. О. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: толкование признаков «неоднократность» и «крупный ущерб» / Р. О. Долотов, С. Д. Пархоменко // Уголовное право. – 2023. – № 11(159). – С. 10-24.

200. Дорошков В. В. Особенности противодействия коррупции в современных условиях/ В. В. Дорошков // Тринадцатый международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Сборник докладов, документов и материалов. – М., Электронное издание РНИИИС. – 2022. – С. 258-266.

201. Дорошков В. В. Проблемы защиты интеллектуальной собственности в современных условиях / В. В. Дорошков // Четырнадцатый международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Сборник докладов, документов и материалов. – М., издание РНИИИС. – 2023. – С. 311-317.

202. Дорошков В. В. Об итогах XIV Международного Форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» / В. В. Дорошков // Информационное право. – 2023. – № 2(76). – С. 26-29.

203. Еременко В. И. Об эволюции принципа исчерпания исключительного права на товарный знак в России / В. И. Еременко // Биржа интеллектуальной собственности. – 2013. – Т. 12, № 6. – С. 1-10.

204. Есаков Г. А. О понимании крупного ущерба, размера и неоднократности в составах преступлений против интеллектуальной собственности / Г. А.

Есаков, Д. М. Сарваров // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 5(212). – С. 82-90.

205. Жайворонок А. В. Крупный ущерб как элемент объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ / А. В. Жайворонок, С. А. Тимко // Вестник Омской юридической академии. – 2015. – № 1(26). – С. 47-51.
206. Жилкин М. Г. Проблемы дифференциации ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) / М. Г. Жилкин // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 4(35). – С. 19-23.
207. Занковский С. С. Предпринимательское право и практика в XXI веке: защита прав на товарный знак / С. С. Занковский // Modern Science. – 2019. – № 11-3. – С. 62-67.
208. Иванова Е. Г. История развития понятия товарного знака и его функций / Е. Г. Иванова // Юридическая наука. – 2014. – № 3. – С. 48-51.
209. Иванчин А. В. Конструирование составов преступлений с административной преюдицией: pro et contra / А. В. Иванчин // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 3(21). – С. 65-68.
210. Иванчин А. В. О целесообразности построения составов преступлений с административной преюдицией / А. В. Иванчин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2(7). – С. 98-108.
211. Ивлиев Г. П. Правовое регулирование отношений в сфере параллельного импорта. Опыт государств евразийского региона / Г. П. Ивлиев, Б. А. Шахназаров // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 2(195). – С. 56-67.
212. Исмайлов Х. Д. Попытки систематизации религиозно-правовых норм в Северном Азербайджане после его присоединения к Российской империи на основе Туркменчайского договора / Х. Д. Исмайлов // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях : Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 20 мая 2021 года / Под научной редакцией В.А. Авдеева, С.В. Розенко. Том Выпуск 4. – Ханты-Мансийск: Сектор редакционно-издательской работы Научной библиотеки Югорского государственного университета, 2021. – С. 27-33.
213. Камалиева Л. А. О толковании понятия неоднократности как признака составов преступлений / Л. А. Камалиева, В. А. Кондрашина, И. А. Кондрашина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2015. – Т. 25, № 1. – С. 150-157.
214. Канаев М. М. О понятии товарного знака в российском и зарубежном законодательстве и международном праве / М. М. Канаев // Актуальные вопросы в науке и практике : Сборник статей по материалам VII

международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 16 апреля 2018 года. Том Часть 2(2). – Самара: Общество с ограниченной ответственностью Дендра, 2018. – С. 13-19.

215. Карцхия А. Права интеллектуальной собственности в условиях ВТО: новые реалии российских правообладателей / А. Карцхия // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2012. – № 10. – С. 44-54.

216. Качаева Т. Ю. Вопросы уголовно-правовой охраны средств индивидуализации товаров (работ, услуг) / Т. Ю. Качаева // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : Материалы всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 23 декабря 2022 года / Сост. Э.Р. Миргородская. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 233-237.

217. Керимов Г. Г. Судебная практика защиты товарных знаков в Азербайджане / Г. Г. Керимов // Патенты и лицензии. – 2006. – № 7. – С. 49-54.

218. Кирилина В. А. Перспективы развития параллельного импорта в Российской Федерации в рамках политически - нестабильной ситуации в мире / В. А. Кирилина, В. И. Якубовская // Матрица научного познания. – 2022. – № 10-1. – С. 28-32.

219. Кокотова Д. А. О необходимости и возможных вариантах изменения правил определения форм вины / Д. А. Кокотова // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 5(174). – С. 87-102.

220. Коростиев А. А. Неоднократность как неявное проявление административной преюдиции в ст. 180 УК РФ / А. А. Коростиев, Н. Н. Коротких // Юридическая наука. – 2022. – № 1. – С. 106-110.

221. Крайнова Н. А. Борьба с контрафактом в условиях формирования новой геополитической реальности / Н. А. Крайнова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 6(138). – С. 102-106.

222. Крылепова А. О. Признаки экстерриториальной охраны товарных знаков / А. О. Крылепова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 10(131). – С. 73-83.

223. Кудасова О. И. Правовое регулирование незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) / О. И. Кудасова, С. О. Кормильцева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 4(98). – С. 86-93.

224. Куликова Т. В. Проблемы защиты прав на товарный знак и знак обслуживания / Т. В. Куликова, Н. В. Нестерова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – № 8(87). – С. 90-93.

225. Курбанов Р. А. История становления и развития права промышленной собственности / Р. А. Курбанов, О. В. Шведкова, А. М. Белялова // Экономика. Право. Общество. – 2015. – № 4(4). – С. 13-23.

226. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н. А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23) . – С. 64-71.

227. Макарова О. В. Особенности преюдиции в рамках уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности / О. В. Макарова, Е. В. Ямашева // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 12. – С. 132-140.

228. Малиновский А. А. Принципы уголовного права (сравнительно-правовой анализ) / А. А. Малиновский // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 4. – С. 27-30.

229. Малышев К. К. Некоторые аспекты проблемы определения неоднократности деяния и размера ущерба для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 180 Уголовного кодекса Российской Федерации / К. К. Малышев // Вестник Московского государственного областного университета. – 2013. – № 1. – С. 55.

230. Мамхягов З. З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве / З. З. Мамхягов // Административное право и процесс. – 2015. – № 8. – С. 72-74.

231. Машитлов Э. Х. Правовые аспекты параллельного импорта в условиях экономических санкций / Э. Х. Машитлов // Российское право онлайн. – 2022. – № 3. – С. 102-106.

232. Метелицкая Ю. В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации: плюсы и минусы / Ю. В. Метелицкая // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 22. – С. 208-219.

233. Минникес И. В. Источники права ханств Северного Азербайджана в период присоединения к Российской империи в начале XIX века / И. В. Минникес, Н. М. Саламов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 100-118.

234. Минникес И. В. Развитие норм и институтов уголовного права в Закавказье в начале XIX века / И. В. Минникес, Н. М. Саламов // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 6. – С. 766-774.

235. Михайлов С. В. Параллельный импорт во внешнеторговой деятельности / С. В. Михайлов, А. В. Шпак // Юристъ-Правоведъ. – 2022. – № 4(103). – С. 136-140.

236. Монахова Л. В. Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в уголовном законодательстве / Л. В. Монахова // Марийский юридический вестник. – 2020. – № 3-4(33). – С. 22-25.

237. Мусина Р. Р. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны / Р. Р. Мусина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 3. – С. 250-254.

238. Никитина Л. К. Оптимизация уголовного законодательства об ответственности за Незаконное использование товарного знака / Л. К. Никитина // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы : материалы XX межрегиональной молодежной научно-практической конференции, Иркутск, 15 апреля 2018 года. – Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Оттиск", 2018. – С. 85-91.

239. Новикова Е. В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается / Е. В. Новикова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12(52). – С. 105-112.

240. Оськина И. Как избежать судебных противоречий / И. Оськина, А. Лупу // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 1-2.

241. Панкевич Л. Л. Некоторые проблемы практики рассмотрения административных и уголовных дел, связанных с незаконным использованием чужого товарного знака / Л. Л. Панкевич // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2012. – № 2(125). – С. 103-109.

242. Панкова М. Н. Охрана товарных знаков: виды и регулирование / М. Н. Панкова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 3(79). – С. 160-169.

243. Пирогова В. В. Соглашение ТРИПС (ВТО): исчерпание прав и параллельный импорт // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 119-122.

244. Плешаков А. М. Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления / А. М. Плешаков, В. А. Осипов, А. А. Мордовец // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7. – С. 184-189.

245. Покрова О. А. Незаконное использование товарного знака. Пробелы и проблемы квалификации преступления в современном уголовном праве в части статьи 180 Уголовного кодекса России / О. А. Покрова // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке : Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, 19 апреля 2016 года. Том Часть 4. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 120-125.

246. Пономарева Е. В. Основные направления гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Республики Азербайджан / Е. В.

Пономарева, Е. А. Иванков, С. З. Садыхов // Индустриальная экономика. – 2021. – № 1. – С. 95-98.

247. Пьянова М. В. Ответственность за незаконное использование товарного знака в уголовном праве зарубежных государств / М. В. Пьянова // Общество и право. – 2010. – № 5(32). – С. 125-128.

248. Рзаев О. В. о. Влияние основных правовых систем современности на становление и развитие правовой системы Азербайджанской Республики / О. В. о. Рзаев // Юридическая наука. – 2021. – № 12. – С. 95-99.

249. Савельева О. Ю. Институты множественности преступлений и административной преюдиции в современном российском уголовном праве / О. Ю. Савельева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 4(47). – С. 43-47.

250. Салеева Ю. Е. Причины невостребованности ст. 180 Уголовного кодекса Российской Федерации / Ю. Е. Салеева, Ю. В. Царева // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 2(54). – С. 154-162.

251. Семыкина О. И. Ответственность юридических лиц за нарушение правил конкуренции: уголовное преследование и альтернативные способы урегулирования конфликтов (сравнительный аспект) / О. И. Семыкина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 5(66). – С. 8-12.

252. Серебруев И. В. Уголовно-правовая специфика незаконного использования товарного знака: постановка проблемы / И. В. Серебруев // Российский юридический журнал. – 2015. – № 2(101). – С. 67-79.

253. Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения / Э. Л. Сидоренко // Журнал российского права. – 2016. – № 6(234). – С. 125-133.

254. Сидоренко Э. Л. Особенности квалификации преступлений преюдиционного характера / Э. Л. Сидоренко // Общество и право. – 2016. – № 1(55). – С. 60-66.

255. Сорокин И. С. Актуальные проблемы защиты исключительных прав на товарные знаки (знаки обслуживания) / И. С. Сорокин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2(52). – С. 87-90.

256. Старовойтова Ю. Г. О сущности административной преюдиции в уголовном праве / Ю. Г. Старовойтова // Проблемы права: теория и практика. – 2022. – № 57. – С. 284-300.

257. Ступина С. А. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг): некоторые вопросы квалификации / С. А. Ступина // Эпоха науки. – 2021. – № 28. – С. 154-161.

258. Сысоева А. В. Исчерпание исключительного права на товарный знак в российской федерации в контексте евразийского экономического союза и

санкционных мер (обзор) / А. В. Сысоева // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2018. – № 21. – С. 74-78.

259. Телегин А. С. Повторность совершения административного правонарушения / А. С. Телегин, Н. В. Тиунова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 46. – С. 626-650.

260. Трунцевский Ю. В. Проблемы уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в постановлении пленума Верховного Суда РФ / Ю. В. Трунцевский // Уголовное право. – 2007. – № 6. – С. 46-50.

261. Туча В. В. Некоторые проблемы параллельного импорта в Российской Федерации: законность и целесообразность / В. В. Туча // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития : Материалы VII Национальной научно-практической конференции (симпозиума), Краснодар, 19 апреля 2022 года / Под общей редакцией В.П. Камышанского. – Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2022. – С. 170-174.

262. Тюнин В. И. Незаконное использование товарного знака в системе преступлений в сфере экономической деятельности / В. И. Тюнин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2(62). – С. 85-90.

263. Тюнин В. И. Неоднократность и административная преюдиция в уголовном законе (соотношение понятий) / В. И. Тюнин, А. Г. Антонов, Л. В. Готчина // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2022. – № 4(47). – С. 150-155.

264. Федоров А. В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в Азербайджане / А. В. Федоров // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2021. – № 4(34). – С. 11-25.

265. Халилов Н. Ш. Кодификация гражданского права в Азербайджане: история, современное состояние и перспективы развития / Н. Ш. Халилов // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 6(187). – С. 123-137.

266. Хилюта В. В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления / В. В. Хилюта // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5, № 17. – С. 117-136.

267. Чикишев Н. С. О защите прав на объекты интеллектуальной собственности на таможенной территории ЕАЭС / Н. С. Чикишев // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2016. – № 4(60). – С. 15-19.

268. Шемякин Д. В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве / Д. В. Шемякин // Российский следователь. – 2015. – № 15. – С. 45-47.

269. Шишкарев Ю. А. Законодательство Европейского Союза в области товарных знаков: европейский товарный знак / Ю. А. Шишкарев // Биржа интеллектуальной собственности. – 2014. – Т. 13, № 9. – С. 10-12.

270. Шлыкова К. А. Составы преступлений с административной преюдицией: за и против / К. А. Шлыкова // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 20. – С. 526-539.

271. Энгельгардт А. А. Вопросы толкования незаконного использования чужого товарного знака, совершенного неоднократно (ст. 180 УК РФ). Уголовное право и современность. Сборник статей. Выпуск 2.; науч. ред. д.ю.н., проф., заслуж. деятель науки РФ А.Э. Жалинский, отв. ред. к.ю.н. С.А. Маркунцов / А. А. Энгельгардт. – 2009. – С. 136-141.

272. Энтин В. Л. О контрафакте, Масяне и Д'Артаньяне / В. Л. Энтин // эж-Юрист. – 2009. – №4.

273. Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России / Е. В. Ямашева // Журнал российского права. – 2009. – № 10(154). – С. 69-79.

274. Яни П. С. Неопределенность уголовного закона порождает неразрешимые проблемы правоприменения / П. С. Яни // Законность. – 2020. – № 6. – С. 37.

275. Allison J. R. Empirical Evidence on the Validity of Litigated Patents / J. R. Allison, M. A. Lemley // 26 American Intellectual Property Law Association Quarterly Journal. – 1998. – Vol. 26. – P. 185.

276. Ashworth A. Punishment and Compensation: Victims, Offenders and the State // Oxford Journal of Legal Studies. – 1986. – Vol. 6. – P. 86-122.

277. Beckerman-Rodau A. The Problem with Intellectual Property Rights: Subject Matter Expansion // Yale Journal of Law and Technology. – 2011. – Vol. 13. – Iss. 1. – P. 37-89.

278. Campos R. G. Geopolitical fragmentation and trade / R. G. Campos, J. Estefania-Flores, D. F. J. Timini // Journal of Comparative Economics. – 2023. – Vol. 51. – Iss. 4. – P. 1289-1315.

279. Dawson N. English Trademark Law in the Eighteenth Century – the Fate of Thomas Hill // The Journal of Legal History. – 2009. – Vol. 30. – No. 1. – P. 71-79.

280. Dawson N. Non-Trade Mark Use // Intellectual Property Quarterly. – 2012. – Issue 4. – P. 204–226.

281. Duffy J. F. Standing to Challenge Patents, Enforcement Risk, and Separation of Powers // George Washington Law Review. – 2015. – Vol. 83. – No. 2. – P. 628-646.

282. Epstein R. A. Cybersecurity in the Payment Card Industry / R. A. Epstein, T. P. Brown // University of Chicago Law Review. – 2008. – Vol. 75(203). – P. 203-223.

283. Freilich J. The Paradox of Legal Equivalents and Scientific Equivalence: Reconciling Patent Law's Doctrine of Equivalents with the FDA's Bioequivalence Requirement // Southern Methodist University Law Review 2013. – Vol. 66. – P. 76.

284. Gardiner G. The Purposes of Criminal Punishment // Modern Law Review. – 1958. – Vol. 21(3). – P. 221-235.

285. Gervais D. China - Measures Affecting the Protection and Enforcement of Intellectual Property Rights // The American Journal of International Law. – 2009. – Vol. 103. – No. 3. – P. 549–555.

286. Hoffstadt B. M. Dispossession, Intellectual Property, and the Sin of Theoretical Homogeneity // Southern California Law Review. – 2007. – Vol. 80. – P. 910-968.

287. Janis M. D. Confusion Over Use: Contextualism in Trademark Law / M. D. Janis, G. B. Dinwoodie // Articles by Maurer Faculty. – 2007. – Vol. 361. – P. 1599-1667.

288. Johnson P. Can You Quote Donald Duck? Intellectual Property in Cyberculture // Yale Journal of Law & the Humanities. – 2001. – Vol. 13. – Iss. 2. – P. 451-496.

289. Kesan J. P. How Are Patent Cases Resolved? An Empirical Examination of the Adjudication and Settlement of Patent Disputes / J. P. Kesan, G. Ball // Washington University Law Review. – 2006. – f Vol. 84. – Iss. 2. – P. 238-312.

290. Kesan J. P.The Political Economy of the Patent System / J. P. Kesan, A. A. Gallo // The North Carolina Law Review. – 2009. – Vol. 87. – P. 1342-1419.

291. Laddie H., Copyright: Over-strength, Over-regulated, Over-rated? // European Intellectual Property Review. – 1996. – Vol. 18. – Iss. 5. – P. 253-260.

292. Lord Devlin. Trial by jury for fraud // Oxford Journal of Legal Studies. – 1986. – Vol. 6. – Iss. 3. – P. 311–321.

293. Mahaffey-Dowd B. Famous Trademarks: Ordinary Inquiry by the Courts of Marks Entitled to an Extraordinary Remedy // Brookin Law Review. – 1998. – Vol. 64. – Iss. 1. – P. 423-455.

294. Manta I. D. The Puzzle of Criminal Sanctions for Intellectual Property Infringement // Harvard Journal of Law & Technology. – 2011. – Vol. 24. – P. 469-518.

295. Manta I. D., Intellectual Property Infringement as Vandalism / I. D. Manta, R. E. Wagner // Stanford Technology Law Review. – 2015. – Vol. 18. – P. 331-364.

296. Manta I. Keeping IP Real // Houston Law Review. – 2019. – Vol. 57. – P. 349-374.

297. Muhlendahl A. V. Community Trademark Riddles: Territoriality and Unitary Character // European Intellectual Property Review. – 2008. – Vol. 30. – P. 66-70.

298. Nard C. A. Constitutionalizing Patents: From Venice to Philadelphia / C. A. Nard, A. P. Morris // Review of Law & Economics. – 2006. – Vol. 2. – P. 224-321.

299. Rahmatian A. Trademark Infringement as a Criminal Offence // The Modern Law Review. – 2004. – Vol. 67(4). – P. 670-683.

300. Saperstein L. Copyrights, Criminal Sanctions and Economic Rents: Applying the Rent Seeking Model to the Criminal Law Formulation Process // Journal of Criminal Law and Criminology. – 1997. – Vol. 87. – P. 1470-1510.

301. Sheley E. L. Tort Answers to the Problem of Corporate Criminal Mens Rea // North Carolina Law Review. – 2019. – Vol. 97. – P. 773-842.

302. Simester A.P. Moral Certainty and the Boundaries of Intention // Oxford Journal of Legal Studies. – 1996. – Vol. 16. – P. 445–469.

303. Strath J. Parallel Imports/Grey Market Goods in UK: Criminal Offence as Well as Civil TM Infringement / J. Strath, M. Webster, K. Cameron // European Intellectual Property Review. – 2018. – Vol. 40. – Issue 1.

304. Szott Moohr G. The Crime of Copyright Infringement: An Inquiry Based on Morality, Harm, and Criminal Theory // Boston University Law Review Online. – 2003. – Vol. 83. – P. 731-783.

305. Tadros V. The presumption of innocence and the Human Rights Act / V. Tadros, S. Tierney // Modern Law Review. – 2004. – Vol. 67. – P. 402–434.

VII. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

306. Апелляционное постановление № 10-16/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 10-16/2020 Ленинский районный суд (город Севастополь). – Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации».

307. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, №3 (2023). – Утвержден Президиумом ВС РФ 15 ноября 2023 года. – Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/documents/practice/33172/ (дата обращения: 01.08.2024).

308. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина». – Российская газета. 28.02.2017. № 41(7207).

309. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011№ 3-П/2011 «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Капорина, И. В. Коршуна и других». – Российская газета. 12.04.2011. № 78(5454).

310. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 8-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ». – Российская газета. 22.02.2018. № 39(7502).

311. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 г. Москва «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». – «Российская газета» от 24.11.2016 г., № 7134.

312. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака». – «Российская газета» от 4.05.2007.

313. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) "О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования" // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 01.08.2024).

314. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях". – «Российская газета» от 22.12.2023.

315. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 ноября 2012 г. № 6813/12 Поскольку на момент предъявления к таможенному оформлению спорных товаров, маркированных соответствующим товарным знаком, и принятия решения о приостановлении выпуска этих товаров предприниматель не представил доказательств наличия согласия правообладателя данного товарного знака на ввоз упомянутых товаров на территорию РФ, у таможенного органа имелись основания для приостановления выпуска спорных товаров. – «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», 2013 г., № 2.

316. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 февраля 2009 г. № 10458/08 Суд отказал в удовлетворении требования о привлечении общества к административной ответственности за незаконное использование товарного знака, поскольку предмет правонарушения выпущен правообладателем одноименных товарных знаков и, следовательно, в действиях импортера не содержится признаков незаконного воспроизведения товарных знаков. – «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», 2009 г., № 5.

317. Приговор № 1-27/2020 от 16 июля 2020 г. по делу № 1-27/2020 Погарский районный суд (Брянская область). – Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации».

318. Приговор № 1-347/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-347/2020 Калининский районный суд г. Челябинска (Челябинская область). – Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации».

319. Приговор № 1-74/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-74/2020. Кирсановский районный суд (Тамбовская область). – Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации».

320. Приговор Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 19.10.2020 по делу № 1-546/2020. – СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2024).

321. Arsenal Football Club plc v Reed [2003] RPC 144, 165.

322. Azərbaycan Respublikası Ali Məhkəməsinin 08.02.2022-ci il tarixli №1(102)-194/2022 iş üzrə qərarı. – Azərbaycan Respublikasinin vahid məhkəmə portalı.

323. Azərbaycan Respublikası Ali Məhkəməsinin 08.02.2022-ci il tarixli №1(102)-194/2022 iş üzrə qərarı. – Azərbaycan Respublikasinin vahid məhkəmə portalı.

324. Azərbaycan Respublikası Baki Apellyasiya Məhkəməsinin 05.10.2021-ci il tarixli №1(103)-114/2021 iş üzrə qərarı. – Azərbaycan Respublikasinin vahid məhkəmə portalı.

325. Azərbaycan Respublikası Baki Apellyasiya Məhkəməsinin 24.06.2021-ci il tarixli №1(103)-911/2021 iş üzrə qərarı. – Azərbaycan Respublikasinin vahid məhkəmə portalı.

326. Azərbaycan Respublikası Bakı Şəhəri Ağır Cinayətlər Məhkəməsi 07.07.2021-ci il tarixli №1(101)-714/2021 iş üzrə hökmü. – Azərbaycan Respublikasinin vahid məhkəmə portalı.

327. Azərbaycan Respublikası Baki Şəhəri Ağir Cinayətlər Məhkəməsinin 07.07.2021-ci il tarixli №1(101)-714/2021 iş üzrə hökmü. – Azərbaycan Respublikasinin vahid məhkəmə portalı.

328. Azərbaycan Respublikası Baki Şəhəri Ağir Cinayətlər Məhkəməsinin 31.03.2021-ci il tarixli №1(101)-111/2021 iş üzrə hökmü. – Azərbaycan Respublikasinin vahid məhkəmə portalı.

329. Azərbaycan Respublikası Baki Şəhəri Yasamal Rayon Məhkəməsinin 22.02.2024-ci il tarixli №1(004)-23/2024 iş üzrə hökmü. – Azərbaycan Respublikasinin vahid məhkəmə portalı.

330. C-236/08-238/08 Louis Vuitton v Google France [2010] ECR I-2417 (ECJ, Grand Chamber).

331. C-273/00, Sieckmann [2002] ECR I-11737.

332. C-487/07 L'Oreal v Bellure [2009] ECR I-5185 (ECJ, First Chamber).

333. Coca-Cola Co. Application [1986] 2 A11 ER 274, sub nom. In re Coca-Cola Co. [1986] 1 WLR 695.

334. Mothercare UK Ltd v Penguin Books [1988] RPC 113, 118.

335. News Group Ltd. V. Mirror Group Ltd [1989] FSR 126.

336. R v Adam [1998] 2 Cr App Rep (S) 403.

337. R v Bhad [1999] S Cr App Rep (S) 139, 140.

338. R v Burns [2001] FSR 423, CA.

339. R v Johnstone [2003] UKHL 28, [2003] FSR 748, [2003] 3 AII ER 884, [2003] 1 WLR 1736.

340. R v Keane [2001] FSR 63, CA (Criminal Division).

341. R v Kelly [1999] 1 Cr App Rep (S) 61.

342. R v M (Appellant) R v C (Appellant) R v T (Appellant), [2017] UKSC 58, 03.08.2017.

343. R v Priestly [1996] 2 Cr App Rep (S) 144.

344. R v Rhodes [2003] FSR 147, 153.

345. R v Zaman [2003] FSR. 230.

346. Salabiaku v France, 1988, 13 EHRR 379, 388.

347. Sherras v de Rutzen [1895] 1 QB 918, 921.

348. Smith, Kline & French Laboratories v. Sterling-Winthrop Group [1975] 2 A11 ER 578, [1975] 1 WLR 914.

349. Torbay Council v Satnam Singh [1999] 163 JP 744.

350. York Trailer Holdings v. Registrar of Trade Marks [1982] 1 All ER 257.

VIII. ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ, СЛОВАРИ

351. О состоянии правовой охраны, использования и защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации в 2016 году. Национальный аналитический доклад / Лопатин В.Н., Голобокова Г.М., Дорошков В.В., Синельникова В.Н., Обрезанов С.А., Назмиев Э.Ф. и др. – Электронное издание РНИИИС, 2017.

352. Ответственность юридических лиц за коррупцию в странах Восточной Европы и Центральной Азии. – Организация экономического сотрудничества и развития, 2015. – URL: https://www.oecd.org/corruption/acn/ACN-Liability-of-Legal-Persons-2015-RUS.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

353. ПРЕКОП-РФ Совместный проект Европейского Союза и Совета Европы «Защита прав предпринимателей в Российской Федерации от коррупционных практик», Сравнительный анализ ответственности юридических лиц (корпоративной ответственности) за преступления коррупционной направленности. – ECCU-PRECOP-TP-5/2015, 2015. – URL: https://rm.coe.int/16806d8620 (дата обращения: 01.08.2024).

354. Сборник Постановлений Пленума Верховного суда Азербайджанской ССР (1961-1983) . – Баку, 1985.

355. Black's Law Dictionary 1615. – 9th edition, Bryan A. Garner, ed. St. Paul. – «West Group» . – 2009.

356. Cinayət qanunları külliyyatı, 1920-2000 : almanax : Azərbaycan İctimai Şura Cümhuriyyətinin Cəza Məcəlləsi (1922-ci il) ; Azərbaycan İctimai Şura Cümhuriyyətinin Cəza Məcəlləsi (1927-ci il) ; Azərbaycan SSR Cinayət Məcəlləsi. Təfsir (1948-ci il) ; Azərbaycan SSR Cinayət Məcəlləsi (1960-cı il) ; Azərbaycan SSR Cinayət Məcəlləsinin elmi-praktiki kommentariyası. Ümumi hissə (1978-ci il) ; MDB-nin üzv dövlətləri üçün Model Cinayət Məcəlləsi (1996-cı il) /tərt. və mətn. red. B. C. Kərimov, F. Y. Xəlilov, S. O. Əliyev ; elmi red. F. Y. Səməndərov, İ. V. Vəliyev. – "Hüquq Yayın Evi", Bakı, 2014.

357. China – Measures Affecting the Protection and Enforcement of Intellectual Property Rights. – World Trade Organization. Report of the Panel. – WT/DS362/R., 26 January 2009. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/362r_e.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

358. Combating Trafficking in Counterfeit and Pirated Goods: Report to the President of the United States. – United States Department of Homeland Security. – 24 January 2020. – URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/20_0124_plcy_counterfeit-pirated-goods-report_01.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

359. Confiscation of the Proceeds of IP Crime. – Report by the United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI) and Business Action to Stop Counterfeiting and Piracy (BASCAP) . – 2013. – URL: https://iccwbo.org/publication/confiscation-of-the-proceeds-of-ip-crime-2013/ (дата обращения: 01.08.2024).

360. Exhaustion of IP rights and parallel trade. – Guidance from Intellectual Property Office and Government Digital Service. – 30 January 2020. – URL: https://www.gov.uk/guidance/exhaustion-of-ip-rights-and-parallel-trade-after-the-transition-period (дата обращения: 01.08.2024).

361. Hilty R., Kur, A., Peukert, A. Statement of the Max Planck Institute for Intellectual Property, Competition and Tax Law to the proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on Criminal Measures Aimed at Ensuring the Enforcement Of Intellectual Property Rights. – IIC 37, 2006.

362. Fink C., Maskus, K. E., Qian, Y. The Economic Effects of Counterfeiting and Piracy: A Review and Implications for Developing Countries. Policy Research Working Paper. – No. 7586, World Bank. – Washington, DC, 2016.

363. Global Trade in Fakes: A Worrying Threat, Illicit Trade. – Organisation for Economic Co-operation and Development, European Union Intellectual Property Office. – OECD Publishing, Paris, 2021. – URL: https://doi.org/10.1787/74c81154-en (дата обращения: 01.08.2024).

364. Governance Frameworks to Counter Illicit Trade. – Organisation for Economic Co-operation and Development. – OECD Publishing, Paris, 2018. – URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264291652-en (дата обращения: 01.08.2024).

365. Illicit Trade: Trends in Trade in Counterfeit and Pirated Goods. – Organisation for Economic Co-operation and Development, European Union Intellectual Property Office. – OECD Publishing, Paris, 2019. – URL: https://doi.org/10.1787/g2g9f533-en (дата обращения: 01.08.2024).

366. Illicit Trade: Trade in Counterfeit Pharmaceutical Products. – Organisation for Economic Co-operation and Development, European Union Intellectual Property Office. – OECD Publishing, Paris, 2021. – URL: https://doi.org/10.1787/a7c7e054-en (дата обращения: 01.08.2024).

367. IPR-intensive industries and economic performance in the European Union. – European Patent Office and the European Union Intellectual Property Office. – Fourth edition, 2022. – URL: https://euipo.europa.eu/tunnel-web/secure/webdav/guest/document_library/observatory/documents/reports/IPR-intensive_industries_and_economic_in_EU_2022/2022_IPR_Intensive_Industries_FullR_en.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

368. Parallel Imports Worldwide Report 2017. – Parallel Imports Committee. – International Trademark Association. – 2017.

369. Recommendation of the Council on Countering Illicit Trade: Enhancing Transparency in Free Trade Zones. – OECD/LEGAL/0454, 2021.

370. Reform of Trade Marks Law. – White Paper, London, 1990.

371. Report of the Committee to examine British Trade Mark Law and Practice. – H.R. Mathys. – Cmnd. 5601, HMSO, London, 1974.

372. Commission Staff Working Document: Report on the protection and enforcement of intellectual property rights in third countries. – European Commission. – Brussels, SWD(2023), 153 final. – URL: https://circabc.europa.eu/rest/download/7099aee0-c68f-42c5-ae30-5350a879a30e (дата обращения: 01.08.2024).

373. The Economic Impact of Counterfeiting. – Organization for Economic Co-operation and Development. – 1998.

374. The Economic Impacts of Counterfeiting and Piracy: Report prepared for BASCAP and International Trademark Association. – Frontier Economics, 2016. – URL: https://www.inta.org/wp-content/uploads/public-files/perspectives/industry-research/2017_Frontier_Report.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

375. Trade in Counterfeit and Pirated Goods: Mapping the Economic Impact. – Organisation for Economic Co-operation and Development, European Union Intellectual Property Office. – OECD Publishing, Paris, 2016. – URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264252653-en (дата обращения: 01.08.2024).

376. Trade in Counterfeit Products and the UK Economy. – UK Intellectual Property Office and Organisation for Economic Co-operation and Development. – 2019. –

URL: https://www.oecd.org/gov/risk/trade-in-counterfeit-products-and-uk-economy-report-update-2019.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

377. U.S. Intellectual Property and Counterfeit Goods— Landscape Review of Existing/Emerging Research. – A Report Prepared by the Federal Research Division, Library of Congress, Under an Interagency Agreement with the U.S. Patent and Trademark Office. – U.S. Department of Commerce, 2020. – URL: https://www.uspto.gov/sites/default/files/documents/USPTO-Counterfeit.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

IX. ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

378. XV Международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности. – URL: https://rniiis.ru/mezhdunarodnyj-forum/2024.html (дата обращения: 01.08.2024).

379. «Ведомости»: «Ведомства по интеллектуальной собственности стран БРИКС провели специальную сессию в рамках Международной конференции ЭРА IP Quorum «Креативная собственность: интеллектуальная экономика». – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/05/02/vedomstva-po-intellektualnoi-sobstvennosti-stran-briks-proveli-spetsialnuyu-sessiyu-v-ramkah-mezhdunarodnoi-konferentsii-era-ip-quorum-kreativnaya-sobstvennost-intellektualnaya-ekonomika (дата обращения: 01.08.2024).

380. «В ФТС отметили резкий рост количества контрафакта в России.» – АО “АЭИ ПРАЙМ”. – URL: https://1prime.ru/state_regulation/20231006/841908043.html (дата обращения: 01.08.2024).

381. ФАС РФ: «Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2023» год в редакции от 02.05.2024 г. – URL: https://fas.gov.ru/documents/689569 (дата обращения: 01.08.2024).

382. «ФТС: в 2023 г. на таможне выявили более 4,9 млн единиц контрафактной продукции». – СМИ Shopper’s. – URL: https://shoppers.media/news/12823_fts-v-2023-g-na-tamozne-vyiavili-bolee-49-mln-edinic-kontrafaktnoi-produkcii (дата обращения: 01.08.2024).

383. Федеральная налоговая служба РФ: «Статистика о представленных физическими лицами в налоговые органы уведомлениях об осуществлении деятельности по оказанию услуг физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд». – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/ (дата обращения: 01.08.2024).

384. Геополитическая фрагментация: три блока и два сценария. – Информационное издание «Эконс». – URL: https://econs.online/articles/ekonomika/geopoliticheskaya-fragmentatsiya-tri-bloka-i-dva-stsenariya (дата обращения: 01.08.2024).

385. ЕАПО: «Дмитрий Вольвач: страны ЕАЭС готовят соглашение по борьбе с нарушениями прав на интеллектуальную собственность в Интернете». – URL: https://www.eapo.org/eapv-news/dmitrij-volvach-strany-eaes-gotovyat-soglashenie-po-borbe-s-narusheniyami-prav-na-intellektualnuyu-sobstvennost-v-internete/ (дата обращения: 01.08.2024).

386. Евразийская экономическая комиссия: «В течение двух последних лет законодательство стран ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности активно совершенствовалось». – URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-techenie-dvukh-poslednikh-let-zakonodatelstvo-stran-eaes-v-sfere-intellektualnoy-sobstvennosti-akt/ (дата обращения: 01.08.2024).

387. Завидов Б. Д. Новеллы о преступлениях в сфере экономической деятельности. Комментарии законодательства. – Информационное издание «Сейчас.ру». – URL: https://www.lawmix.ru/comm/4525 (дата обращения: 01.08.2024).

388. «Известия»: «Эксперт отметил значимость роста доли БРИКС в мировом ВВП». – URL: https://iz.ru/1721989/2024-07-03/ekspert-otmetil-znachimost-rosta-doli-briks-v-mirovom-vvp (дата обращения: 01.08.2024).

389. «Известия»: «В Минэке заявили о росте товарооборота России с СНГ на 6,8% в 2024 году». – URL: https://iz.ru/1708567/2024-06-06/v-mineke-zaiavili-o-roste-tovarooborota-rossii-na-68-v-2024-godu (дата обращения: 01.08.2024).

390. «Интернет-портал СНГ»: «Главы правительств СНГ утвердили Перечень мероприятий в сфере противодействия правонарушениям в области интеллектуальной собственности по сопровождению этапов реализации Стратегии экономического развития». – URL: https://e-cis.info/news/564/118439/ (дата обращения: 01.08.2024).

391. «Интерфакс»: «Более 2 млн карточек с контрафактом заблокировали на маркетплейсах в I квартале». – URL: https://www.interfax.ru/business/956739 (дата обращения: 01.08.2024).

392. «Итоговый документ: Рекомендации участников XV Международного Форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности», 23 апреля 2024 г.». – URL: https://rniiis.ru/download/mf/2024/pr-itog-doc_16.05.2024.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

393. Министерство экономического развития РФ: «Дмитрий Вольвач: объем торговли между странами ЕАЭС за первое полугодие 2023 года вырос на 14%». – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_obem_torgovli_mezhdu_stranami_eaes_za_pervoe_polugodie_2023_goda_vyros_na_14.html (дата обращения: 01.08.2024).

394. «МИР24»: «Как в ЕАЭС борются с контрафактом и какие товары подделывают чаще всего». – URL: https://mir24.tv/news/16565107/kakie-sposoby-borby-s-kontrafaktom-primenyat-v-eaes (дата обращения: 01.08.2024).

395. Полевой Д.М. «Параллельный импорт». Какие перемены несет нам Постановление Конституционного Суда Российской Федерации №8-П/2018?. – Портал «Альта-софт». – URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/59930/ (дата обращения: 01.08.2024).

396. «РБК»: «Правительство решило продлить параллельный импорт на 2025 год». – URL: https://www.rbc.ru/economics/06/06/2024/6661d57c9a79477dff622841 (дата обращения: 01.08.2024).

397. «Российская Газета»: «Максим Решетников: Рубль стал главной валютой в торговле России со странами СНГ». – URL: https://rg.ru/2023/10/26/maksim-reshetnikov-rubl-stal-glavnoj-valiutoj-v-torgovle-rossii-so-stranami-sng.html (дата обращения: 01.08.2024).

398. Роспатент: «Сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности в рамках Содружества Независимых Государств». – URL: https://rospatent.gov.ru/ru/activities/inter/cis (дата обращения: 01.08.2024).

399. Стенограмма заседания 30 мая 2023 года / Заседание Государственной Думы РФ № 126. – URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/6104/ (дата обращения: 01.08.2024).

400. «Путин потребовал "не подводить под статью" бизнес без лицензий, отозванных Западом» / Информационное агентство ТАСС. – URL: https://tass.ru/ekonomika/14953545 (дата обращения: 01.08.2024).

401. Anticipating Hard Brexit: Continuity for Importers of Grey Goods to the UK, but Exporters to the EEA Beware. – 25 January 2019. – URL: https://www.maucherjenkins.com/news-and-events/2019/no-deal-brexit-importers-exporters-intellectual-property (дата обращения: 01.08.2024).

402. Greenspan, A. Market Economies and Rule of Law. – Financial Markets Conference of the Federal Reserve Bank of Atlanta, Sea Island, Georgia, April 4, 2003. – URL: https://www.federalreserve.gov/BoardDocs/Speeches/2003/20030404/default.htm (дата обращения: 01.08.2024).

403. Guidance Implementation of the EU Trade Mark Directive 2015; Updated 14 January 2019. – Intellectual Property Office: Официальный сайт. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/implementation-of-the-trade-mark-directive-2015/implementation-of-the-eu-trade-mark-directive-2015 (дата обращения: 01.08.2024).

404. Intellectual Property Office: official web-site. – URL: https://trademarks.ipo.gov.uk/ipo-tmcase/page/Results/1/UK00000000001 (дата обращения: 01.08.2024).

405. Tyrangiel, J. Radiohead Says: Pay What You Want. – TIME, 2007. – URL: http://content.time.com/time/arts/article/0,8599,1666973,00.html (дата обращения: 01.08.2024).

406. UK Supreme Court holds that grey market sales can be criminal offence. – IPKat Blog, 05 August 2017. – URL: http://ipkitten.blogspot.com/2017/08/uk-supreme-court-holds-that-grey-market.html (дата обращения: 01.08.2024).

407. UK: Grey Goods Caught by Criminal Law. – Managing Intellectual Property, 03 August 2017. – URL: https://www.managingip.com/Article/3739069/UK-Grey-goods-caught-by-criminal-law.html (дата обращения: 01.08.2024).

408. Əmtəə nişanları və coğrafi göstəricilər. – Центр экспертизы патентов и товарных знаков при Агентстве интеллектуальной собственности Азербайджанской Республики : Официальный сат. – URL: https://patent.copat.gov.az/publish-trademarks-and-geographical-indications (дата обращения: 01.08.2024).